О МЯСОРУБКАХ В 90-Е, ПОТЕРЯХ 5 БИЗНЕСОВ И ВЕРНОСТИ ЦЕННОСТЯМ

КНИГА БАТИ

Путь одного русского мужика

Блатуй, пока молодой

ЧАСТЬ 1

История жизни русского мужика Василия

Деревенское детство в Атюрьевском районе Мордовии и любовь к лошадям. Девчонка, которая говорила «ты мне просто друг», а стала женой на всю жизнь. Армия в горах Башкирии. Как в предпринимательстве удалось пережить мясорубку 90-х, каким-то чудом четырежды остаться в живых, потерять пять бизнесов, но с 6-го раза все-таки построить дело, сохранив семью и человеческие ценности.

Всё это батя рассказал сам, своими словами, для своей семьи.

От создателя YouTube-канала «Русский мужик»

Батя!

Эту книгу мы дарим тебе от всей нашей семьи. Чтобы ты не забывал, какой ты крутой и какой уникальный, неповторимый опыт ты прошёл. Ни у одного человека на Земле нет такого опыта.

Ты очень смелый. То, как ты действовал в 90-е, пробовал, шёл в новое, впечатляет.

Как Феникс, ты четыре-пять раз восстанавливался и возрождался после краха бизнеса и неудач с партнёрами. Сколько тебя подставляли и предавали, а ты всё равно начинал с нуля, вставал и продолжал. И в итоге у тебя всё получилось: ты вышел победителем.

Спасибо тебе за то, что создал такую крепкую семью, построил дом и бизнес.

Ты для нас настоящий супергерой, пример и кумир. Мы на тебя равняемся. Всё, что у нас есть, у нас благодаря тебе: твоей смелости, предприимчивости, твоим мозгам, твоей бесконечной внутренней силе.

Ты настоящий отец, настоящий мужик, настоящий предприниматель. Настоящий человек с очень большой, открытой, доброй, тёплой душой.

Эта книга для того, чтобы ты всё это не забывал и осознал всю крутость и масштаб своего опыта и своей личности.

Будь счастлив. А мы, твоя семья, всегда будем рядом.

Твоя семья
Любимая Светочка,
твои дети Марк, Кирилл,
Настя
и внучок-мужичок Давид

Содержание

I ВЗРОСЛОЕ ДЕТСТВО

1 Погреб, ступени и позвоночник ... 7
2 Стая диких животных в ночном лесу ... 8
3 Левша, ставший правшой ... 12
4 Падение с высоты 4 этажа ... 17
5 Укрощение строптивой ... 20

II ПРОВЕРКА АРМИЕЙ

6 Толчок мыть не буду ... 26
7 В меня летит грузовик ... 33
8 Челюсть сержанта ... 41
9 Стирка в бензине ... 52
10 Ты что, боксёр, что ли? ... 59
11 Наказываю оборзевших ... 65
12 Через щель в заборе ... 76
13 Везу полковника ... 87
14 Я ещё жить хочу! ... 98
15 Суп с сахаром и дочка полковника ... 109
16 Шеф всё узнал ... 117
17 Как в мясорубке ... 118
18 Пять суток ареста ... 124
19 Дружба-дружбой, служба-службой! ... 132
20 Перед самым дембелем ... 140

III БЕСКОМПРОМИССНАЯ ЛЮБОВЬ

21 Ты мне просто друг ... 147
22 Ты откуда такой красавчик? ... 153
23 На крыльях любви в ЗАГС ... 161
24 Рождение первого сына и первого бизнеса ... 167

25 Любимых в награду дают небеса ... 173

IV ПЕРВОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

26 Бизнес-контрабанда в Польшу ... 180
27 14000 за неделю при зарплате в 300 ... 189
28 Погоня от бритоголовых ... 197
29 Платите, иначе КамАЗ сожжём ... 207
30 Обморожение в морозной степи ... 216
31 Автомат из-за пазухи или бизнес в 90-е ... 224
32 Хотел мне юлой по башке зарядить! ... 229

V ВЫЖИТЬ В 90-Е

33 Черешня, шашки и обрезы ... 238
34 Давай бабки поделим! ... 249
35 Одними завтраками кормит ... 256
36 Продать камаз муки ... 262
37 Чужой товар и стрелка ... 268
38 Лампочки промокли ... 275
39 Ты задолжал! Уже три года прошло! ... 279
40 Убыток - 5 тонн картошки ... 286
41 Вся нога в осколках стекла ... 292
42 Лучше бы вы ту женщину сбили! ... 299
43 Долг размером с квартиру ... 305
44 Тебя вообще надо закопать ... 313
45 Подстава с печатью и новый долг в 3 квартиры ... 319
46 Это Девяностые... ... 323
47 Мечты сбываются ... 332

Вместо послесловия ... 336
Что будет во второй части? ... 337

I

РАЗДЕЛ

ВЗРОСЛОЕ ДЕТСТВО

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Погреб, ступени и позвоночник

Мягкие подушки, жёсткие последствия

Когда мы были маленькими, дома всегда играли. То на печке, то под печкой, в прятки, бегали по всему дому.

Все взрослые были на огородах, копали картошку. Нас остановить некому было.

Берем подушки и давай друг друга колотить. То с кровати кого-нибудь сшибем, то бегаем по всему дому.

А погреб был открыт.

Позвоночником по ступенькам

Братан, Царство ему небесное, со всей силы бросает в меня подушку.

Я споткнулся и полетел прямо в погреб.

Хорошо, что там оказалась лестница. Деревянная, со ступеньками, чтобы ноги не соскальзывали.

Я одной ногой провалился между ступеньками. Хорошо, что не рухнул вниз полностью. Как-то вскользь получилось. Рукой успел немного задержаться и медленно поехал спиной по этим острым деревянным ступенькам.

Всю спину себе ободрал.

Спина иногда болит до сих пор, даже спустя 50 лет. Тогда я ещё не догадывался, какая следующая опасность будет меня ждать позже в диком лесу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Стая диких животных в ночном лесу

Деревня, где всё началось

Всё начиналось в маленькой деревушке в Республике Мордовия. Раньше здесь жило больше пятисот человек. Родился я четвёртым ребёнком в семье. До сих пор это место для меня самое близкое, потому что рос и воспитывался я у бабушки с дедушкой.

А самое интересное начиналось, когда дедушка брал меня с собой в дикий лес. Там у него были пчёлы. И не только они.

На кого это лает собака в диком лесу?

В этих лесах водились и змеи, и волки. С пяти лет уже приходилось трудиться, заниматься делами. Летом дедушка часто брал меня в лес, когда отвозил туда пчёл. Пчёл у него было очень много. Иногда он меня с собой брал – не знаю зачем, наверное, чтобы дома не озоровал.

Я сидел тихонько под присмотром, боялся лишний шаг сделать. Собачка у нас была небольшая, но очень умная. Всегда чувствовала, если кто-то рядом ходит, и сразу подавала знак.

Один случай особенно запомнился. Отошёл я от домика, полез на дерево – любил лазить.

И вдруг собака начала сильно лаять. На кого это она так лает в темноте?

Смотрю – какая-то большая тень быстро приближается. Я забрался повыше на дерево. А за первой тенью ещё и ещё. Целая стая каких-то огромных диких животных.

Они уже совсем рядом. Даже в темноте удалось рассмотреть. Сердце застучало.

Это были огромные дикие кабаны.

В тот раз кабаны пронеслись мимо, и всё обошлось. А уже в следующий раз в этом лесу я остался совсем один, без собаки и деда. И как назло, ночью разразилась страшная гроза.

Один в грозу в тёмном лесу

А однажды вообще оставили меня одного.

Ночью проснулся от грома и грозы. Ливень начался страшный. Домик старый был: где стекло в окнах стояло, где тряпками занавешено, где марлей от комаров затянуто. Комаров всё равно полно было. Как тогда люди в лесу жили – сейчас даже представить сложно.

Дедушка ещё до рассвета уехал за продуктами на лошади. Его должен был сменить помощник – дед Гавриил. Но дед Гавриил, как всегда, запоздал.

Проснулся я от страха. На столе горела керосиновая лампа. Я фитиль чуть прибавил, дверь приоткрыл – дождь стеной, темно. Собаку позвал – и собаки нет.

Закрыл дверь, сел на деревянную кровать и думаю: что делать?

Потом полез на чердак. Крыша была из дранки – деревянной щепы. И ведь не протекала. Старый дом, а держалась крепко. Сзади пристрой был, без крыши почти, только сруб стоял.

Подставил лестницу, быстро забрался на чердак, в угол забился и думаю про себя: «Меня-то, наверное, видят, а я никого не вижу».

Гром как бахнет – я ещё дальше прячусь. Потом снова вылезаю на край, смотрю вокруг. Молния освещает лес, а я высматриваю: не идёт ли кто.

Недолго сидел. Вдруг вижу – молния осветила человеческий силуэт. Я опять в угол. Потом слышу – стучат.

Подкрался. Молния сверкнула – вижу: борода. И голос тихий: – Деда Гавриила это ты? Я говорю: – Нет. – А ты чего там делаешь?

Я сразу осмелел, слез. Он из заначки самогонку достал, два стакана выпил и лёг спать.

А утром дедушка приехал и давай меня ругать: – Зачем ты показал, где самогонка?

Я расплакался и говорю: – Вези меня домой. Не хочу больше здесь оставаться. Зачем вы меня одного в лесу оставили?

Не хотел больше оставаться один в лесу. Но к пчёлам деда потом всё равно возвращался.

Мёд флягами и чего мне это стоило

Летом к нам постоянно приезжали родственники. У бабушки с дедушкой было пятеро детей, у всех уже свои семьи. Народу набивалось полно. Кто где спал: в чулане, на веранде, на сеновале. Иногда кровати прямо в сад выносили под яблони.

Пчёлы были отдельной жизнью.

Сначала маленькие ульи-пеньки стояли в саду, потом дедушка отвозил их в лес, на кордон. Там качали мёд. Жара, комары – самое тяжёлое. Мёд флягами собирали.

Так и проходило детство – работа, лес, пчёлы, дрова, вода, сад.

Бабушка всегда пекла хлеб, пироги, булки. Сейчас бы только запах почувствовать – уже счастлив был бы.

Помню печку, чугунки, пироги с картошкой и луком, горячий хлеб, молоко – парное и холодное. Мёд с огурцами ел – вкуснее арбуза казалось.

Тогда многого не было. Магазины пустые стояли. А у нас дома – мёд, яблоки, повидло, хлеб, пироги.

А вот чего мне этот мёд стоил. Меня пчёлы иногда так кусали, что лицо опухало и утром глаза открыть не мог. Пальцами веки раздвигал и говорил:

– Всё, больше не пойду мёд качать.

На следующий день опухшее лицо проходило, и я опять возвращался к дедовым пчёлам.

Тем временем время незаметно проходило и совсем скоро я впервые пойду в школу, где будут насильно переделывать мою физиологию.

———

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Левша, ставший правшой

Подъём в 5:30

Саранск, середина восьмидесятых. Я только-только переехал из деревни в столицу Мордовии.

5:30 подъём. Зарядка. С 6 до 7 свои дела. В 8:00 работа. В 13:00 вождение в ДОСААФ. В 15:30 бокс. В 18:00 вечерний вуз. Всё было в центре, поэтому добирался пешком.

И так каждый день.

Свободного времени практически не было. Зато была дисциплина.

Городская жизнь совсем по-другому учит, чем деревня. В деревне ты знаешь практически каждого. А в городе другой контингент: не знаешь, кто какой человек, кому можно доверять, с кем нужно быть осторожнее. Могли и подставить, и втянуть куда-нибудь.

А ещё недавно я был деревенским пацаном.

А в школе меня первым делом решили переучить писать другой рукой.

Левой рукой нельзя

В школу я ходил в соседнюю деревню с братом и сестрой. У нас деревня была мордовская, а соседняя русская. Идёшь, боишься. Волнительно было.

А школа первым делом взялась меня исправлять. Левой рукой пишешь, а надо правой.

Стресс полнейший.

Пришлось переучиваться. И на всю жизнь осталось: мыслишь так писать, а пишешь по-другому. Вот это колебание до сих пор осталось. Что в детстве заложено, так оно и за тобой идёт.

В школе было интересно, учителя все хорошие были. Рядом стоял большой ДК, двухэтажный, с огромным залом. На праздники там давали концерты, выступали и ученики, и сельчане. Мне приходилось петь на сцене в хоре.

Да. Мужик, который потом будет уходить от бандитов на КамАЗе, пел в хоре.

Но песни песнями, а летом в деревню приезжала одна девчонка.

Девчонка из Молдавии

Постепенно я начинал взрослеть. Ухаживали за девчонками, девчонки за нами.

Каждое лето из Молдавии приезжала Светочка. Её с родителями оставляли у родственников на всё лето, и мы всё лето были вместе: купались, играли в разные игры, вечерами гуляли, сидели на лавочках, бродили по деревне.

Шло время, мы росли. Начали уже как-то по-другому встречаться, дружить, женихаться.

Меня к ней тянуло, хотя мы даже толком не разговаривали. У каждого был свой характер: я спокойный, она вспыльчивая. И я никак не мог найти к ней подход.

А вечерами я коротал время дома: топил печку, брынчал на гитаре, смотрел в окно.

У Светы было две бабушки. Одна жила внизу деревни, недалеко от меня, а вторая наверху, около клуба. Если у нижней бабушки долго не гас свет, значит, кто-то приехал в гости.

Я сразу нырял в клуб:

– Приехали?

– Не приехали.

Ну что делать? Шёл домой: уроки учить, на гитаре брынчать.

А если приезжали, я либо в окно стучал, либо ждал её в клубе. Потом провожал Светочку домой. Немного болтали.

Я очень стеснялся её. Почему, не знаю. Поэтому был довольно молчаливый. Даже Нина, её сестра, говорила: «Ну хороший парень».

А Света до последнего говорила:

– Ты мне друг. И не больше.

Двойная потеря

Мама рано ушла из жизни. Отец пил и жил с другой женщиной, а я не хотел жить с чужой женщиной и её детьми. Поэтому воспитывался с бабушкой и дедушкой. А они старели.

В 1984 году, как раз когда я закончил школу, деда не стало.

Бабушка тоже болела. Начались проблемы с ногами, появилась гангрена. Она уже практически не вставала, и ухаживать за ней становилось всё тяжелее. Года полтора мы так прожили.

Потом бабушку забрали дети. А я уехал в Саранск.

Перед отъездом я даже смог немного заработать, была небольшая финансовая подушка. Потому что особой помощи ждать было неоткуда. Всё приходилось проходить самому: зарабатывать, смотреть, учиться.

Но одной подушки в городе мало. Нужен был человек, который подскажет.

Дядька Петя меня усыновил

В Саранске я всё успевал благодаря моему дядьке Пете, царство ему Небесное. Он меня, можно сказать, усыновил.

Не буквально, конечно. Но он постоянно контролировал мои действия, помогал в работе, в учёбе, в спорте, вообще во всём был рядом. Настоящий учитель с большим жизненным опытом. А такой человек рядом в юности огромное подспорье.

Я зря не хулиганил, никуда не лез. Если возникал какой-то вопрос, подходил к дядьке, спрашивал. Он наставлял, направлял.

Я быстро адаптировался в Саранске именно благодаря ему.

Но однажды даже дядькины советы не помогли бы. Их было четверо.

Глаза, как у зайца

Ходил в секцию бокса. Там было 3 тренера, всё чётко, размеренно. Это дало мне очень большой навык: как защищать себя и как защищать других.

А рядом, во Дворце профсоюзов, ребята занимались брейком. Один мой знакомый говорит:

– Пошли со мной. Понравится, будем ходить. Не понравится, не будем.

Он был немного старше меня, уже после армии, лучше чувствовал людей. Иногда говорил:

– Смотри, они на тебя как-то присматриваются. Может, подраться хотят.

А я:

– Да не обращай внимания.

Однажды всё-таки получился инцидент. Их было четверо, немного подвыпившие.

Я первым никогда не лез. Но тут один махнул рукой, немного меня задел. И ответка прилетела сразу.

Глаза у него, как у зайца, в кучу. По стеночке сполз.

Губу мне, правда, разбил. Ну и я ему между рогов хорошо зарядил. Больше он не просил.

Потом жизнь снова нас свела. Уже после армии мы оказались в одном районе, даже детей вместе водили в детский сад. И про тот случай уже никто не вспоминал.

К школе я постепенно адаптировался, стало больше друзей, и как-то раз мы придумали себе небезопасное развлечение на огромной высоте.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Падение с высоты 4 этажа

15 метров над землёй

Это, наверное, было, когда мне лет семь-восемь было. Уже в школу ходил. Летние каникулы.

Пошли мы купаться около леса. Там дорогу строили, песок брали, получилась большая яма с чистейшей водой. Наверное, родники били. Летом вода хорошо прогревалась, а глубина как раз для детей.

Рядом с дорогой тянули высоковольтную линию. Поставили здоровые бетонные столбы. Потом начали натягивать толстые провода. Сначала они на земле лежали, потом их мощным трактором потихоньку натягивали и закрепляли на столбах.

Мы каждый день бегали купаться и смотрели, как идет работа.

Однажды приехали, а самый верхний провод оставили провисшим. Рабочие ушли, а мы, дети, уже что-нибудь да придумаем.

Ребята постарше притащили багор. Накинули его на провод. Нас было человек десять-пятнадцать. По очереди цеплялись, остальные своим весом натягивали провод, потом все одновременно отпускали, и тот, кто оставался висеть, взлетал вверх. Ощущение было, как будто тебя выстреливает. Дух захватывало. Потом опять багор накидывали, и следующий.

Так целый день и развлекались.

Очередь дошла до меня. Все отпустили, как обычно. А я решил остаться висеть.

Свободное падение

Сначала показалось, что все нормально. Потом чувствую – меня поднимает все выше и выше.

Смотрю вперед, а перед глазами уже перекладина на столбе.

В тот момент я почему-то сразу понял, что лучше отпустить руки.

Так и сделал.

Полетел вниз.

Хорошо, что внизу был сыпучий песок, который остался после стройки. Упал наискось. Сел на землю, голова между ног воткнулась в песок. Нос, рот, уши – всё песком забилось.

Встал, ногу подвернул, хромая дошел до воды. Начал промывать лицо, выплевывать песок.

Потом сел. Шок какой-то был.

Слышу – все почему-то кричат.

Второй парнишка был ещё выше

Поднимаю голову, а второй парнишка все еще наверху.

Его подняло еще выше.

Я тогда сразу подумал: хорошо, что отпустил руки раньше.

Он долго висел. Дергался, ногами болтал. Внизу брат его плакал, кричал.

Потом он все-таки отпустил руки.

Я лежал, смотрел на него. Даже отполз немного в сторону – показалось, что он прямо на меня летит.

Он в воздухе развернулся, сделал полукруг и со всего маху упал на песок.

От удара даже подскочил, потом сразу снова упал.

Белый весь стал.

Все к нему подбежали.

Полежал немного, потом открыл глаза, сел, отдышался.

Минут пять посидел, посмотрел на нас и говорит:

– Только никому не рассказывайте.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Укрощение строптивой

Побег через окно

Деревня, 5 утра.

Лет в 12–13 я решил, что уже могу пасти лошадей самостоятельно. Меня не отпускали. Но однажды в 5 утра я убежал из дома через окно и отправился к другу Барбосу. Мы заранее договорились, что он возьмёт меня напарником: сам он уже 2 года пас лошадей вместе с отцом.

В деревне дети рано начинали работать. Кто-то с 10 лет ездил на тракторе, кто-то помогал на комбайне. Поэтому мои 13 лет считались почти взрослым возрастом, тем более выглядел я старше. Меня без проблем взяли на работу.

А когда я был совсем маленьким, пастухи сажали меня на спокойную лошадь, и я потихоньку катался. Для меня это было настоящим счастьем.

Утром мы выгоняли лошадей к пруду. Они пили, щипали траву и постепенно двигались по пастбищу. К обеду наедались и ложились на песке отдыхать, а я успевал пообедать и сбегать домой прополоть картошку. Огород у нас был рядом с пастбищем.

У каждого из нас была своя лошадь. Сначала я привязывал её возле дома, переставляя колышек туда, где трава была лучше. Потом мы привыкли друг к другу, и я уже не привязывал её. Давал хлеб или сахар, и она сама ходила рядом.

Так мы и дружили всё лето.

А потом пригнали лошадей, которые человека вообще не знали.

Воспитываю 70 лошадей

Позже из других отделений начали пригонять лошадей. Собирался огромный табун: 50, 60, иногда до 70 голов. Утром и вечером их пересчитывали.

Мы с Барбосом не только пасли лошадей, но и обучали новых: приучали к человеку, седлу и работе. За лето объезжали по 2–3 лошади.

Некоторые были настоящими мустангами. Одну высокую и сильную лошадь мы решили приучить к верховой езде. В телеге она уже ходила, но всадника не принимала.

Мы загоняли её в воду, запрыгивали на спину. Иногда использовали старые жёсткие способы: удерживали в специальном проходе, надевали седло, сверху клали мешок с песком вместо человека.

Лошадь прыгала, брыкалась, вставала на дыбы. Мы выводили её на песок и гоняли по кругу, пока она не начинала привыкать.

Но одна так и не привыкла до конца.

Лошадь Ильи Муромца

Особенно запомнилась одна: низкорослая, плотная, похожая на лошадь Ильи Муромца. При этом рысь у неё была мягкая, почти как у рысака.

С ней мы провозились около месяца. Сначала песок, вода, седло и мешок с песком. Потом начали садиться сами.

Барбос побаивался, а я почему-то почти не чувствовал страха. Сначала даже не вставлял ноги в стремена, держался за седло. Лошадь брыкалась, вставала на дыбы, иногда резко падала на колени. Я спрыгивал на песок, а когда она вставала, снова садился.

Постепенно мы её приручили. Подкармливали яблоками, сахаром и хлебом. Я уже ездил на ней без верёвки, загонял в воду, плавал и сопровождал табун.

Казалось, всё получилось.

Но однажды она показала, что доверять ей ещё рано.

Сальто с лошади

Как-то я приехал домой, поел, набил карманы плаща маленькими медовыми яблоками и снова отправился к табуну. Начался дождь, но я всё равно сел на лошадь и поехал.

Мы двигались рысью, когда она вдруг чего-то испугалась, резко затормозила и выбросила задние ноги.

Меня катапультировало через голову.

Я сделал сальто и упал на спину. Лошадь отпрыгнула в сторону, но повод остался у меня в руках. Я немного полежал, потом осторожно встал. А она спокойно щипала траву, будто ничего не произошло.

Когда я попытался подойти, она начала кусаться и топать передней ногой. Пришлось вернуться домой и позвать соседа Витьку.

Вдвоём мы надели на неё уздечку. Я взялся за гриву и быстро запрыгнул. Лошадь снова начала мотать меня и пытаться сбросить. Я держал повод, загибал ей голову в сторону и загнал на пахоту. Там она постепенно успокоилась.

Дождь усиливался, поэтому я завернул табун ближе к конюшне. Лошади собрались в ложбинке, повернулись задом к ветру и стояли плотной кучей, согреваясь.

На следующий день эта лошадь снова пошла на меня: мотала головой, пыталась укусить. Конюх предупредил:

– Осторожнее, затопчет. Это дикая лошадь. Зачем вы её взяли?

– Обучать, – ответил я.

– Её уже на мясо надо пускать. Не связывайся. Мне ещё за вас отвечать.

После этого я оставил эту затею.

Думал, со своей лошадью таких сюрпризов не будет.

Пляшет, как лошадь Будённого

Я вернулся к своей лошадке, той самой, которую кормил сахаром и хлебом.

У неё были белые носочки на всех четырёх ногах и белые копыта. Стоило сесть, как она начинала плясать, словно лошадь Будённого: в одну сторону, в другую. Бегала очень быстро, всех обгоняла и не любила, когда обгоняли её.

На ней я пропас почти всё лето.

Однажды в сумерках лошадь чего-то испугалась и резко отпрыгнула в сторону. Я перелетел через её голову, успел сгруппироваться и упал на плечо.

Ничего не сломал, но рёбра, грудь и плечо болели почти месяц. Медпункта рядом не было, а работу никто бы не отменил. Пришлось терпеть.

Следы остались на всю жизнь.

Зато за то лето я получил свои первые заработанные деньги.

Первые деньги, магнитофон и джинсы

Зато я заработал свои первые деньги: купил магнитофон, джинсы, а остальное отложил.

В деревне дети с ранних лет работали и зарабатывали сами. Это давало чувство самостоятельности: можно было самому купить нужную вещь, лучше одеться и почувствовать себя взрослым.

На летние смены в деревню приезжали девчонки из разных городов и республик. Среди них была и Светочка.

Всё лето гуляли, купались, катались на лошадях, вечерами встречались. Не пьянствовали, особо не озорничали.

Правда, Света потом мне говорила:

– Ты тогда сильно ругался матом.

Я этого не помню и был уверен, что никогда не ругался. Видимо, со стороны было виднее.

Потом исправился.

Детство оставило не только синяки, больные рёбра и шрамы, но и важные уроки: ответственности, дружбы, труда и умения не бояться жизни.

Скоро этим урокам устроят настоящую проверку.

II

РАЗДЕЛ

ПРОВЕРКА АРМИЕЙ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Толчок мыть не буду

Под ноль

Июнь. Сборный пункт в Бузаевке.

Сначала меня хотели забрать зимой, перед Новым годом, в специальные войска. Но я попал в больницу, и врач меня не допустил. В итоге я, можно сказать, в последний вагон запрыгнул: где-то в июне меня забрали.

Уходил я в армию из Саранска уже подготовленным. Занимался спортом, физически был крепкий, в городе уже как-то ориентировался, понимал, как себя вести. Конечно, не до конца, но какое-то осмысление жизни уже было.

Служил я 2 года в автомобильных войсках, в Башкирии, в горах. Горы там были не очень высокие, но места красивые.

Из Бузаевки нас посадили на поезд и ночью привезли на место. Посадили на машины и отвезли в учебный комбинат.

Первое дело стрижка. Парикмахеров, насколько я помню, не было, поэтому кто как мог. Самый надёжный вариант под ноль.

Через 2 недели приняли присягу. Там же я умудрился сильно отбить пятку: она опухла, я попал в санчасть, отлежался и вернулся к своим. Примерно через месяц нас отправили в часть.

В части меня ждал самосвал. И груз, который не прощает ошибок.

Застывающий бетон

В части молодых ещё полтора месяца готовили к вождению в горах: перевалы, множество поворотов, сложные дороги. Потом раскидали по 3 ротам, примерно по 30 человек.

Мне дали самосвал МАЗ. До армии в Саранске я учился ездить на ЗИЛе, а МАЗ был машиной уже побольше и посерьёзнее.

Со мной был старослужащий сержант, которому оставалось служить примерно полгода. Пока он был в отпуске, мне поручили собрать машину после ремонта двигателя. Потихоньку я её собрал, и до его приезда мы даже успели её завести.

Сержант ездил ночью, а мне, как молодому, ночью ездить не разрешали: дороги были слишком сложные. Мне это даже нравилось. Выходишь из части, машина почти новая, загружают песком, углём, и поехал.

Самым опасным грузом был бетон. Он быстро застывает, а подъезды к объектам были очень сложные. Если машина застрянет, бетон начинает схватываться, и тогда проблемы уже серьёзные.

Однажды я действительно застрял с бетоном.

Выбрался через лес. Хорошо, что меня тогда не наказали и не заставили платить за испорченный груз.

Наказать меня хотели совсем по другому поводу. И не командиры.

Мыть толчок не буду

Я был физически подготовлен, за себя постоять мог. Сначала, конечно, присматривался, не лез вперёд. Несколько раз получил, но, можно сказать, лёгким испугом отделался.

Один раз человек 7–10 попытались заставить меня мыть туалет. Загнали в отдельную комнату, начали выкручивать руки, кто-то ударил по животу.

В глазах потемнело, но сознание я не потерял.

Я им говорю:

– Можете убивать, всё равно делать этого не буду.

Тут заходит мой заместитель командира взвода, сержант Серик Войсисов. Он был из Казахстана, нормальный, справедливый парень. Я его потом Серым называл, мы с ним хорошо дружили.

– Что здесь происходит?

Я объяснил. Те, кто меня заставлял, были вообще из другого взвода. Среди них был старослужащий, который особенно хотел показать свою власть.

– Вот этот меня сюда привёл. Хочет заставить меня мыть. Пусть выйдет один на один.

Вышли.

Я был выше его, руки длинные. Схватил его за ворот, прижал, немного показал, что со мной лучше не связываться.

После этого он понял.

Я не любил конфликтов, но если уже начинали давить толпой, отступать тоже не собирался.

Но толпой пробовали ещё не раз.

Ключ под машиной

Был ещё один случай, уже в своём взводе. Я помогал с уборкой, потом спокойно сидел, письма писал. Ребят это почему-то раздражало. Однажды человек 5 подбежали ко мне, начали заламывать. Один замахнулся и случайно попал мне возле глаза. Появилась краснота, небольшая шишка.

Он потом неделю ходил за мной:

– Смотри, не стуканёшь?

– Не переживай. Сдам, пойдёшь на губу, там тебе объяснят.

На построении красноту заметили. Меня сразу вызвали и стали спрашивать, кто избил.

– Дрались один на один.

Мне не поверили. Попросили раздеться до пояса: синяков нет.

В итоге я сказал:

– Сначала он мне зарядил, а я потом его успокоил.

На этом и отстали.

А на носу было 7 ноября.

Парад на мой день рождения

7 ноября, как раз на мой день рождения, был парад. Мы уже стояли в коробках на площади. Целый гарнизон, около 1000 человек.

И вдруг я вижу: сзади идёт Светочка. Со своим папой, царство ему Небесное, и с дедушкой.

Все начали оборачиваться.

А она идёт такая красивая, с распущенными волосами, без шапки, хотя на улице прохладно.

Я оборачиваюсь к своему командиру и говорю:

– Моя девушка ко мне приехала!

Все ахнули:

– Какая же она красивая!

Серик говорит:

– О, Вася! А у неё есть подруга? Такая же красивая, наверное?

– Да, есть. У неё много подруг.

– Познакомишь?

– Обязательно.

После этого меня в части очень сильно зауважали. Ещё долго все были в шоке.

Увольнительные лично подписывал командир части. Когда я пришёл к нему, он внимательно посмотрел на моё лицо:

– Ты случайно ни с кем не подрался?

– Нет, товарищ полковник. Ключ под машиной упал, нагнулся, ударился.

Он улыбнулся:

– У всех ключи падают.

Потом ещё раз спросил, всё ли нормально.

– Всё нормально. Я за себя постоять могу.

– Ну, молодец.

И дали мне увольнение, то ли на 3 суток, то ли на 5. Точно уже не помню.

Они снимали квартиру: хозяева жили в одной комнате, а мы в другой. Гуляли по военному городку, ходили в кино, разговаривали.

Я был безумно рад, счастлив, на седьмом небе.

Хотя для неё я всё ещё был просто другом.

Бросок через бедро

Перед самой сержантской школой нас перевели в четвёртую роту. Туда же попали старослужащие из другой части. Ребята были довольно бесцеремонные.

Однажды я умылся и пошёл в туалет. За мной заходит один из них и совершенно неожиданно пинает меня. Я даже не понял сначала, что произошло. А он ещё что-то говорит про то, что мы, молодые, не замечаем старослужащих.

Развернулся и ударил его.

Он явно не ожидал. От удара отлетел к стене и сполз вниз. Я сам удивился силе удара. Я ведь вообще не любил драться.

Тут заходит Серик:

– Что случилось?

Я объяснил. Но тот парень быстро пришёл в себя и неожиданно набросился сзади, начал душить меня. А в детстве я немного занимался самбо и кое-какие приёмы помнил.

Сделал бросок через бедро, и он оказался на плитке.

Тут уже народ набежал, все начали смеяться. После этого случая ко мне больше особо никто не подходил.

Именно тогда Серик и сказал:

– Я хочу тебя на своё место, когда буду увольняться. Смотрю на тебя: парень нормальный, адекватный. Давай тебя в сержантскую школу отправим.

Новое звание

Через пару недель меня действительно отправили. Учиться должны были несколько месяцев, но как раз пришёл новый призыв, и нас подготовили досрочно, экстерном приняли экзамены.

Мне дали взвод. Я стал заместителем командира взвода: 3 отделения и 3 сержанта, командиры отделений.

Теперь уже мы встречали молодых.

С ними мы занимались примерно 3 месяца, дольше, чем мы сами проходили подготовку. Автомобильные войска требовали серьёзной подготовки: аварий было много, дороги сложные.

Так я довольно быстро прошёл путь от молодого солдата до сержанта.

А про аварии я очень скоро узнаю не из рассказов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В меня летит грузовик

Опасные горные дороги

Горы, весна, снег ещё лежит. Ездили мы в горы на МАЗах, которые между собой называли «мазуриками». Обычно в рейсах кучковались по 2–3 человека. В этот раз получилось так, что со мной ехал один старослужащий, правда, старослужащим он был всего около недели, но дороги уже хорошо знал.

Я всегда ездил спокойно, не торопился. Всегда старался держать скорость по обстоятельствам: где можно: ехать быстрее, где опасно, сбросить. Дороги в горах сами подсказывали, что спешить там не стоит.

Мы загрузились углём и поехали в горы. Горы там были не очень высокие, но Уральский хребет всё-таки чувствовался. Дороги: повороты, подъёмы, спуски. Где-то обочины жёсткие, где-то весеннее солнце уже начинало подтапливать снег. В общем, ухо надо было держать востро.

Доехали до точки, выгрузились и смотрим, вроде успеваем к обеду. Поехали обратно. Он впереди, я сзади.

Я смотрю: что-то он скорость начал прибавлять. Поддаёт и поддаёт. Я не тороплюсь, отпускаю его чуть подальше, но держу в зоне видимости.

Дальше всё случилось за секунду.

Его сносит с дороги

И вдруг вижу: он проморгал обочину. Одно колесо чуть подхватило край, и его со всего маху сносит с дороги.

Благо насыпь была невысокая, ещё снег лежал. Машину развернуло, и задом она со всей силы воткнулась в снег. Удар был такой, что аккумуляторы повылетали из своих мест. Смотрю: отверстия открылись, аккумуляторов нет.

Я вообще удивился, как он сам себе шею или спину не сломал. Удар был страшный. Но снег его спас. Снег оказался жёстким, машина не провалилась. Если бы там была яма или рыхлый снег, всё могло закончиться гораздо хуже.

После удара МАЗ подскочил и ещё немного проехал по снегу, оставив глубокую колею.

Я остановился, выскочил из машины. Смотрю: он тоже выбирается из кабины. Весь белый, бледный, глаза огромные. Видно, что человек в шоке.

Он по своей колее буквально ползёт ко мне.

– Вася, Вася… что случилось?

– Да стой, стой! Успокойся. Давай, вставай.

– Не могу, Вася… не могу.

– Ну тогда садись.

Я принёс из своей машины резиновый коврик, какое-то сиденье у него было вроде подушки. Положил, посадил его. А его всего трясёт.

И вот этот момент я потом очень хорошо вспомнил, потому что примерно через год уже сам оказался в похожем состоянии. Когда тело вроде бы цело, а тебя всего трясёт и ты не понимаешь, что с тобой происходит.

Я его немного поддерживал, говорил:

– Дыши глубоко. Вдох-выдох. Спокойно. Кислороду побольше.

Он продышался. Постепенно начал отходить: щёки порозовели, глаза уже не такие испуганные, перестало трясти.

– Ну что, – говорю, – теперь надо тебя отсюда вытаскивать. Я тебя один не возьму, машина пустая, нужна ещё помощь.

– Давай сначала попробуем завести, – говорит он. – Аккумуляторы-то вылетели.

Посмотрели: действительно, аккумуляторы повылетали, но, к счастью, не разбились. Просто воткнулись в снег.

– Вот это повезло, – говорю. – Не раскололись!

Подняли их, поставили на место. Он уже окончательно пришёл в себя, бегает вокруг машины.

Попробовал завести: завелась!

– Слава Богу, – говорит, – ещё и под дембель не пришлось бы расплачиваться за машину.

Я поднялся к своей машине.

– Давай попробуем тебя вытащить. Трос есть?

– Есть.

– У меня тоже длинный. Свяжем. Подъеду поближе, насколько смогу.

Он говорит:

– Земля вроде жёсткая. Сверху снег. Может, вдвоём осилим.

– Давай попробуем.

Если бы я знал, что вторая авария уже на подходе.

Грузовик летит прямо в меня

Я пошёл к своей машине, открыл дверь, только хотел сесть…

И тут слышу: с огромной скоростью летит ЗИЛок!

Это был ещё один наш сослуживец.

Там как раз был подъёмчик и поворот. Мы находились как бы за ним, и он вылетел из-за поворота и увидел мою машину.

Я стоял одним колесом на обочине, другим, на плите. Он меня увидел и, видимо, растерялся.

Я только смотрю: он летит прямо на меня.

Дверь я даже закрыть не успел. Прыгнул за машину.

Он одним передним колесом цепляет обочину, и его разворачивает.

Причём задом он летит уже в другую сторону.

Благо снега там было ещё больше. И хотя скорость была приличная, до каких-то безумных 80 там, конечно, не доходило, подъём и поворот сами скорость ограничивали, но километров 40 для такой ситуации вполне хватило.

ЗИЛ взлетает на снег и с силой втыкается в него.

Опять удар.

Опять огромная колея.

Теперь получилось вообще интересно: один МАЗ стоит с одной стороны дороги, второй, с другой, а ЗИЛ оказался в снегу.

Дверь открывается, и водитель буквально вываливается из кабины прямо в снег.

Мы с тем первым парнем сразу бежим к нему.

Он тоже весь белый, ватный. Мы его за руки поднимаем, а он смотрит на нас и спрашивает:

– Что случилось? Что произошло?

– Да всё нормально! Успокойся!

Снимаем у него сиденье, кладём. Он вообще не может нормально сидеть. Его не трясёт, как первого, он просто весь обмяк.

Через какое-то время он начинает говорить:

– Я так испугался… Я думал, сейчас тебя задавлю. Ты стоишь на дороге, дверь открыта, я не знаю, тормозить, не тормозить… Скорость большая. Тормознул, руль начало мотать. Потом смотрю, ты уже с другой стороны!

– Да я сам испугался, – говорю. – Хорошо, что ты в снег ушёл.

Он говорит:

– Я сначала тебя сзади увидел, а потом ты уже спереди оказался. Я вообще ничего не понял и просто упал в снег. Сил не стало.

– Да нормально всё, слава Богу. Лёгким испугом обошлось.

Проверили его: вроде ничего серьёзного. Только головой ударился о кабину.

В грузовой машине всё-таки не легковой автомобиль: подголовников нет. Но кабина устроена так, что между сиденьем и стенкой есть небольшой зазор. Поэтому головой он ударился, но, слава Богу, ничего серьёзного.

– Голова болит, – говорит. – Я очень испугался.

– Всё хорошо. Главное, цел.

Первый парень уже отошёл, второй постепенно тоже начал приходить в себя.

А время идёт: мы ведь уже на обед опаздываем.

– Давай так, – говорю второму. – Ты ещё полежи, приди в себя. А я сначала попробую Юшика вытащить, потом тебя.

– Хорошо, – говорит. – Я ещё полежу.

А он снегом лицо утирает, даже снег ест.

– Ну всё, отходняк пошёл, – говорит.

– Нормально, всё нормально.

Оставалось самое сложное: вытащить из сугробов два грузовика.

Как раскопать грузовик из сугроба на обочине

Я подцепил Юшика тросом и начал вытаскивать рывками.

Раз: потянул.

Ещё раз.

Он немного помогает, пробуксовывает, двигается.

Опять остановились.

Снова дёрнул.

И потихоньку пошёл.

Самое главное было: подняться наверх, на дорогу. А снег возле обочины оказался настолько жёстким, что почти как бетон.

Мы туда-сюда покатались, утрамбовали колею, и наконец я рванул, и вместе выскочили на дорогу.

Слава Богу!

Все довольные, обрадованные. Главное: без серьёзных поломок и без травм.

Потом я попробовал вытащить второго парня, но он сел глубже, снег с этой стороны был мягче. Одной машиной не получалось.

Тогда встали двумя машинами: одна на дороге, вторая чуть на краю обочины. Зацепились, и вдвоём его вытащили.

Развернулись и помчались на обед.

Тогда обошлось. А у одного парня из моего взвода не обошлось.

Цена скорости

История вроде бы маленькая, короткая. Но именно такие моменты очень хорошо показывают, насколько опасна дорога.

Скорость ведь набирается практически автоматически. Ты уже научился ездить, тебе кажется, что всё под контролем. Нажал на газ, и уже едешь быстрее, чем собирался.

Поэтому я всегда для себя придерживался простого правила: смотри на спидометр и держи свою скорость. Если дорога позволяет: едешь спокойно. Появилась машина, сложный участок, сразу сбрасываешь. Не надо постоянно гнаться за скоростью.

Особенно внимательно надо быть в населённых пунктах. Если люди идут по обочине, особенно дети или пожилые, вообще нельзя расслабляться. Человек может сделать совершенно непредсказуемое движение.

У одного парнишки из моего взвода был очень тяжёлый случай. Он на ВАЗе сбил бабушку насмерть. У неё, насколько я помню, были проблемы с головой. Царствие ей Небесное.

После такого уже совсем по-другому начинаешь смотреть на дорогу.

Мне всегда говорили: «Профессия водителя одна из самых опасных».

И я это на службе очень хорошо понял. Каждая минута, каждая секунда, что-нибудь может произойти: машина, дорога, погода, человек, поворот, обочина.

С тем парнем, который попал в аварию, потом, слава Богу, всё более-менее обошлось. Его не посадили. Долго ещё пришлось разбираться, возил документы, ходил по инстанциям. Но после аварии он около месяца был сам не свой, очень сильно переживал.

Так что дороги есть дороги.

А служба продолжалась.

А выживать в армии, оказывается, помогал треугольник молока.

Треугольник молока

Когда кто-то из наших выезжал на линию, а у другого машина стояла в ремонте, мы всегда старались друг друга поддерживать.

Денег нам немного платили, плюс из дома иногда присылали. Поэтому, когда заезжал в магазин, мог купить какой-нибудь треугольник молока, тогда молоко было очень вкусное, пряники, батон, кусочек колбасы.

В столовой иногда еда была не очень. Поэтому заедешь к ребятам, отдашь что-нибудь вкусное, и человеку уже радость.

Один парень у меня был земляк, мордвин. У него машина долго стояла в ремонте. Особенно когда молодые были, я всегда старался ему что-нибудь привезти: молока, пряников, батон.

Он поест, всегда поблагодарит.

Друг друга поддерживали.

Конечно, всякие люди попадались. Из 100 человек обязательно найдётся кто-нибудь непонятный: у кого-то деньги могли отобрать, у кого-то даже права украсть. Но в целом мы старались держаться вместе и помогать своим.

А через год я сам окажусь на месте этого парня: тело вроде цело, а тебя всего трясёт.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Челюсть сержанта

Учебка, первые дни. Это время мне очень запомнилось.

Когда нас призывали, привезли всех ночью. Потом начали стричь друг друга, делать причёски, и постепенно пошла адаптация к армейской жизни.

Рота, подъём!

Самое интересное: первые подъёмы.

Команда: «Рота, подъём!», а ты спишь и тебе снится дом. Первое время вообще не понимаешь, где ты и что происходит. Всё во сне такое родное, приятное. Открываешь глаза, и не можешь понять, что случилось. А потом постепенно доходит: всё, ты в армии.

Вокруг все бегают, шуршат, одеваются. Нужно было очень быстро собраться. Кто-то со второго яруса прямо прыгал вниз, кому-то чуть ли не на шею.

Запрыгиваешь в сапоги, начинаешь наматывать портянки. А портянки надо было намотать нормально, потому что если плохо намотаешь, на пробежке моментально мозоли набьёшь.

Я ещё в детстве у дедушки видел сапоги, какие-то лапти он показывал, рассказывал, как раньше ходили. Поэтому примерно понимал принцип. А портянки почему-то быстро научился наматывать: раз-раз, и готово.

А вот кто-то не успевал.

Команда: «Отбой!»

Кто-то только начал одеваться, кто-то вообще не успел. Потом снова: «Рота, подъём!»

И так бывало по нескольку раз. Иногда, наверное, раз 10. Подъём, отбой, подъём, отбой, пока все не научатся быстро собираться.

Так и проходил курс молодого бойца.

А потом начались притирки. И первым ко мне докопался дневальный.

Я казахов рубил

Первые дни, конечно, были интересные. Потом начались притирки между собой. Народу в учебке было много. Нас, насколько помню, человек 30 с чем-то, около 30. В казармах по этажам жили большие группы, человек по 100, наверное.

И среди такого количества людей обязательно начиналось всякое.

Кто-то начинал взбухать, пытаться показать своё главенство. Кто-то присматривал земляков, кто-то пытался кого-то прессовать. Были любители острых ощущений, были случаи с деньгами, кто-то воровством занимался. В общем, всяких хватало.

Я дневальным как-то не попадал. Но однажды попал один парнишка, худощавый такой, немного косоглазый, ленивый.

Утром захожу в умывальную комнату. Он мне:

– Иди сюда.

Я говорю:

– Тебе надо, ты и иди.

Он:

– Ты чего, борзый, что ли?

А я боксом занимался и уже знал, как с такими разговаривать.

Говорю:

– Я казахов рубил, таких вот блатных, как ты. Пойдём, поможешь там порядок навести, а то я не успеваю.

Он посмотрел на меня, в стойку встал.

Я тоже развернулся вполоборота, кулачок поставил, руку полусогнутую держу. У меня уже привычка была, плечо чуть вперёд, корпус вполоборота.

Он говорит:

– Ты, наверное, шутки шутишь?

Я:

– Сейчас я просто хребет тебе переломаю, и всё.

Уже, как говорится, чуть ли не в прыжке.

Он посмотрел на меня и говорит:

– Да-да… Я смотрю, что-то у тебя тоже есть. Ты что, боксом занимался?

Я говорю:

– Ты чего, придурок? Ты чего нарываешься?

Он:

– Да я просто…

Я:

– Неохота сейчас балаган разводить. Пошёл вон отсюда. В следующий раз, чтобы я тебя вообще не видел.

Он:

– Ладно-ладно, я пошутил.

Я думаю: «Капец…»

Ладно. Хорошо.

Но это был только первый.

Борцы нашлись

Но на следующий день опять какая-то история.

Не знаю, у меня что ли на лице было написано, чтобы до меня докапывались.

Сходил я в туалет, застегнулся, поворачиваюсь, стоят мои земляки-татары. Один низкий, другой постарше, полный такой, важный.

– Здорово.

– Здорово.

И тот, что постарше, говорит:

– Мы уже виделись, конечно, виделись. Знаешь что? Мне что-то ты не нравишься.

Я говорю:

– Что-то не понял. А ты чего хочешь вообще?

Он:

– Я борьбой занимался. Сейчас тебя заломаю. Сейчас мы вдвоём тебя здесь…

Я говорю:

– А в чём проблема? Я не могу понять.

– Ты чего, борец, что ли?

– Давай, говорю. Борзый, давай.

Он опять в стойку.

Я говорю:

– Ну давай. Я не привык первым бить. Давай начни ты. Руки у тебя длинные, смотрю. Как раз между рёбер сейчас заряжу, и вот этого толстого из туалета выносить будешь.

Тот сразу:

– Да ладно, чего ты заводишься? Я просто пошутить…

Я говорю:

– Свои шутки себе засунь куда-нибудь, шутник. Я могу сейчас разозлиться или обидеться, не знаю. Но у меня нет в характере такого, словами просто так раскидываться.

Хотелось, конечно, зарядить разочек, чтобы человек понял, как разговаривать надо.

Я говорю:

– Борцы нашлись. Один уже был «борец профсоюзов» в Саранске. Такой же борец попался. По стеночке сполз, глаза свои в кучу собрал.

Он:

– А ты что, Саранск, что ли?

Я:

– А какая тебе разница, Саранск или нет?

Это оказались такие крепкие ребята, привыкшие, наверное, толпой и нахрапом давить.

А я говорю:

– Свои штучки бросай.

Между ними прошёл и пошёл дальше.

Слух дошёл до сержанта. А сержант был здоровый, как бык.

Челюсть вылетела

Не знаю, как быстро слух дошёл до сержанта.

После зарядки он построил нас:

– Кто спортом занимался, шаг вперёд!

Этот малый вышел. Я тоже шагнул.

Сержант посмотрел:

– Вот этот, чуть косоглазый из Казахстана… Дрящ.

Потом на меня:

– Ты тоже мелкий. Иди сюда. Пошли со мной.

Я думаю: «Батюшки… Куда ещё? На спарринги, что ли, с кем-нибудь?»

Заходим в спортзал.

Небольшой, но приличный. Отдельные комнаты, маты, перекладина. Груша висела.

Я думаю: «Нифига себе, как хорошо оборудовано!»

Он спрашивает:

– Каким спортом занимался?

Я говорю:

– Боксом немного. Для себя. Немного походил, чтобы для самозащиты.

Сам сержант был накачанный, гиревик. Банки такие, весь здоровый, как бык.

И вдруг говорит:

– Ну ты меня немного поучишь?

Я:

– Да чего нет? Конечно. Какие проблемы.

Начал показывать ему стойку, как кулак держать.

Говорю:

– Вот эту бетонную стену бил. Видишь? Переломов нет. Смещения, ушибы были, но костяшки набил.

Нас в Саранске хорошо учили. Как кулак держать, как правильно бить, как стойку держать.

И вот начали мы тренироваться.

Он говорит:

– Да ты меня сейчас вырубишь.

Я:

– Да у меня руки вообще не сгибаются. Они все забиты.

Он говорит:

– Тебе надо мышцы расслабить. Удар у тебя никакой не будет. Ты можешь просто поймать человека, задушить. Но если тебе врежут, своими банками ты не спасёшься.

Ну давай.

Одели перчатки.

Я объясняю:

– Встаёшь расслабленно, как тебе удобно. Руки можешь так держать, можешь так. Защиту делаешь вот так.

У меня хорошо получалось левой рукой.

Когда человек бьёт левой, ты немного уходишь, этой рукой защищаешься, а своей левой рукой идёшь в разрез, раз! под подбородок.

Я ему показал.

Он:

– Хорошо. Нормально.

Потом спрашивает:

– А отмашечку как можно дать?

Я говорю:

– Смотри. Я делаю тебе обманный удар левой. Ты закрываешься. А я чуть-чуть дотрагиваюсь и уже сбоку бью в челюсть.

И так получилось, что я показал, раз, слегка его задел.

Он, хоп! и у него челюсть вывихнулась.

Я просто офигел.

Думаю: «Сейчас он меня убьёт».

А он спокойно берёт, чуть оттягивает вниз челюсть, рукой вправляет её на место.

Потом позёвывает, открывает рот и говорит:

– Блин, сейчас не очень больно. Молодец, что сильно не стукнул.

Я:

– Да я вроде и не стукнул.

Он говорит:

– У меня челюсть вылетает. Вот моя слабость. Поэтому я тебя и позвал.

И добавляет:

– Только смотри, никому не рассказывай.

Я:

– Конечно.

После этого сержант уже немного своим корефаном меня сделал. Мы на пробежки ходили, я ему что-то показывал, отрабатывали отмашки, разговаривали.

Сдружились.

И он уже по-другому начал смотреть на тех, кто пытался взбухать и задирать своих сослуживцев. Таких он мог назначить дежурными, отправить на улицу, дать дополнительное дежурство.

То есть как-то быстро стало понятно: ко мне лучше просто так не лезть.

Сначала до меня докапывались, потом понимали, что не на того нарвались.

Не на того нарвались

Всё-таки Саранск мне очень много чего дал.

Я был спортивный, но вот это небольшое умение, заниматься боксом, правильно поставить кулак, понять дистанцию, вовремя уйти, ответить прямым или сбоку, очень мне помогло.

И в армии, и потом по жизни.

Я никогда сам не лез первым. Но если уж приходилось защищаться, то получалось неплохо.

А ещё армия дала мне профессию, которая потом выручала в 90-е.

Профессия на всю жизнь

В учебке, слава богу, повезло.

Земляки были, но я как-то особо не искал никаких знакомств через землячество. Общался со своими друзьями, с которыми призывался.

Андрюха, мой друг, например, сразу попал на УАЗик. Его земляки помогли определить. Он нашёл рядом человека, который жил у своей подруги, будущей жены. Этот человек был знаком с парнишкой, который на год раньше призывался и уже целый год проводил учебку на сержанта.

Ну и через своих его определили на УАЗик.

А я попал на грузовую машину.

И я об этом совершенно не жалею.

Я прошёл МАЗ: дизельный, потом карбюраторный, потом УАЗик. В итоге из армии пришёл уже с профессией, можно сказать, водителя.

И эта профессия потом очень пригодилась мне в жизни.

Когда мы мотались по России, бывало всякое. Иногда бандиты не давали где-то остановиться. Приходилось подстраиваться, менять водителей.

Ели на ходу, возле поста останавливались, в туалет сходить, чайку попить, поесть.

Если водитель устал, начинал засыпать, я садился за руль. Сам был выспавшийся, отдохнувший, и мог его подменить.

Некоторые свои машины жалели, не хотели лишний раз давать молодым водителям.

А я говорил:

– Не знаю, как ты там матер, садись рядом и посмотри.

Один молодой парень вообще с удовольствием соглашался, лишь бы немного поспать.

Я садился и мог часа 4 ехать. Он за это время высыпался, поедал, отдыхал, и дальше уже снова ехали.

Вот так армейская профессия водителя потом переросла в практический навык, который не раз меня выручал.

А после сержантской школы меня посадили на ЗИЛ. Первый же рейс со старослужащим закончился стиркой в бензине.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Стирка в бензине

Пропуск на секретный объект

Когда я закончил сержантскую школу, меня посадили на ЗИЛ. По сравнению с МАЗом это была машина поменьше. МАЗ мог взять примерно 8–10 тонн груза, а ЗИЛ, около 5–6 тонн. ЗИЛ был более компактный, довольно комфортабельный и вообще машина хорошая.

На МАЗе кабина была большая, там даже спальник был. Особенно это выручало, когда работали в третью смену: сделаешь рейс, а второй пока не надо, можно было немного поспать. Я обычно после обеда делал рейс, загружался, отдыхал немного и, если успевал, делал ещё один.

А на ЗИЛе после сержантской школы меня поставили на стажировку к старослужащему, который уже собирался домой, на дембель. Он меня обучал, показывал все тонкости работы.

И первым же грузом на секретный участок стал битум.

Груз, который отомстит

И вот однажды загрузились мы битумом. Это был битум в рулонах, такой материал, который использовали для крыш, а ещё его применяли при изготовлении асфальта. Рулоны были тяжёлые и очень твёрдые. Когда их бросали в кузов, от них откалывались кусочки, и вся эта битумная крошка разлеталась по кузову.

Загрузились и поехали на секретные участки. Туда просто так не заедешь, только по пропускам. Дорога занимала час-два, хотя расстояние было всего около 30 километров. Дороги там были сложные: поворотов больше сотни, подъёмы, перевальчики. То проверят здесь, то там.

Доехали до места. Он мне там всё показывал: как кузов поднять, как задний борт открыть, сколько груза можно брать. И постоянно говорил:

– Лучше меньше возьми, чем перегрузишь. Машину жалко. Если что сломается, самому потом под неё лазить придётся.

Весна уже наступила. Утром ещё морозец, а к обеду солнце начинает хорошо пригревать.

Выгрузились. Он поднял кузов и начал высыпать рулоны. Один прошёл через борт, второй как-то застрял, третий тоже.

Я тогда уже сержант, но всё-таки молодой. Старослужащий: он старше меня, опытнее. Я особо лезть не стал:

– Я посмотрю, не буду пачкаться.

Он полез, ещё и экскаватор немного помог. В итоге один рулон вытащили, другой скатился, выгрузились.

Но после выгрузки в кузове осталась эта битумная крошка. А солнце уже припекало, и она начала прилипать к металлу. Мелкие кусочки, крупные, всё осталось на кузове.

Кузов надо было обязательно почистить, потому что следующим грузом могло быть что угодно, а битум оставлять нельзя.

Старослужащий решил почистить кузов по-быстрому. Кувалдой.

Удар кувалдой

Мой старослужащий залез на колесо: одной ногой встал на колесо, другой упёрся в бак, взял кувалду и как даст по кузову!

И тут с кузова пошла настоящая маленькая лавина битумной пыли.

Я сидел в кабине и смотрел в зеркало.

Он быстро забирается обратно в кабину:

– Блин! Зачем я стукнул?! Дёрнул бы что-нибудь, и всё! А теперь весь в пыли!

Начал отряхиваться.

Он ещё не знал, что солнце сделает с этой пылью.

Ресницы слипаются

Поехали дальше. И тут, пока солнце всё сильнее нагревало машину, эти мелкие чёрные точки начали плавиться. Сначала одно пятнышко, рядом второе. Они соединяются между собой, и получается уже одно большое пятно.

Смотрю на него: у него ресницы начинают слипаться. Волосы тоже. Он руками лицо трогает:

– Что такое? Что такое?! У меня глаза слипаются!

Посмотрел в зеркало, а всё лицо у него уже в этих маленьких битумных точках. Они от тепла расплываются.

– Офигеть! Давай куда-нибудь в котельную заедем.

– Конечно, – говорю, – ты так вообще не доедешь. Давай я за руль сяду.

– Да при чём тут руль? Пока я доеду, мне эта гадость вообще в глаза попадёт!

Он знал, что на следующем участке есть котельная, где работали его земляки. Заехали туда.

Он подходит к ребятам:

– Мужики, дайте помыться. Смотрите, что со мной!

Ему:

– А проблема-то какая?

– Да вот!

– У нас душевая, иди мойся.

Он забегает в душ, моется. Выходит: волосы торчат, как у ёжика.

Он намыливает голову, начинает смывать, а волосы слипаются ещё сильнее. Лицо сверху вроде отмывается, а эти чёрные точки уже прямо в поры въелись.

– Что делать? – спрашивает он. – Я вообще не знаю, что делать!

Одежда тоже вся в крапинку.

Благо на нём было армейское бельё, которое не жалко было испачкать. Он сначала пытался отстирать одежду обычным способом, не получается.

И тогда он придумал отмываться бензином.

Голову бензином

Тогда сливает бензин в ведро:

– Сейчас постираюсь.

Разбавил бензин водой, начал стирать, не берёт.

Потом говорит:

– Пойду голову попробую.

Я ему:

– Смотри, не шути. А то волосы слезут.

Он:

– Да пофиг на волосы! Ты посмотри, как я в часть приду, все смеяться будут!

И тогда он очень аккуратно смочил волосы бензином, наклонил голову и говорит:

– Вась, принеси мыло и горячую воду. Я сейчас бензином буду отмывать, а ты мне водой лей и мылом намыливай. Бензином будем растворять, мылом, смывать.

Так и сделали.

Чтобы голову не обжечь, он наклонился вниз, я лил воду, он аккуратно промывал волосы. Постепенно всё начало отходить.

Потом ещё водой всё хорошо промыли. На коже, конечно, осталось неприятное ощущение.

Он говорит:

– Теперь попробую ещё раз голову промыть.

Я говорю:

– Давай хотя бы с водой разбавим.

Попробовали ещё раз, и получилось.

С лица мы уже тряпочкой аккуратно убирали остатки битума, с шеи тоже. А ХБ-шку он вообще засунул в бензин, намылил, потом промывал. В итоге кое-как отстирали.

Потом он ходит в одном белье и говорит:

– Вась, деньги есть?

– Есть.

– Тогда давай не будем пока ехать. Подсушимся. Я бельё на себе высушу. Потом заедем куда-нибудь, поедим.

– Да без проблем.

Разложили одежду в кабине, солнце светит, всё постепенно сохнет. Заехали в магазинчик, который знали на этом маршруте, купили еды, поели, отдохнули.

Потом я сел за руль. К тому времени он уже подсох, настроение у него улучшилось.

И вот тут я заметил, что отношение ко мне у него изменилось. Сначала он немного ершился, всё-таки молодой сержант рядом. А теперь увидел, что я его не бросил: помог отмыться, накормил, деньги предложил, за руль сел.

Он говорит:

– Вась, спасибо тебе большое. Выручил. Не знаю, что бы я один делал.

Я ему:

– Да что бы делал? Так же всё отмыл бы. Ребята в котельной помогли бы, земляки твои. Накормили бы тебя.

Так и разошлись потом нормально.

А когда я начал ездить один, меня понесло. В прямом смысле.

Как Ипполит на машине по Неве

А через некоторое время я уже ездил один.

Правда, сначала мне не очень доверяли ночные поездки. Говорили: надо сначала немного поездить, привыкнуть к машине, к дорогам. Поэтому сначала ездил днём.

И вот уже когда я стал ездить самостоятельно, произошёл ещё один небольшой, но неприятный момент.

Была гололедица. Я немного не рассчитал скорость, и ЗИЛ начало носить по дороге. Не сильно, но неприятно.

Наверное, кто смотрел фильм «С лёгким паром!», помнит, как Ипполита на машине носило по льду на Неве. И когда он стукнулся о бетонный причал, на него сверху как раз такой же ЗИЛ высыпал снег. Вот примерно такой же ЗИЛ, с железным кузовом, который мы называли «совком».

Меня, конечно, не так сильно носило, но машину всё-таки начало бросать из стороны в сторону.

Еду, немного тянет в одну сторону, выправляю. Потом начинает тянуть в другую. И тут вижу женщину, которая переходила дорогу. Она заметила, что меня немного несёт, и перебежала на другую сторону, встала на обочине и ждёт.

Я тоже понял, что дальше рисковать не стоит, и аккуратно вырулил в снег.

Обошлось без последствий.

Вот такие были армейские будни. Иногда обычный рабочий день мог закончиться битумом на лице, стиркой в бензине и неожиданным приключением на дороге.

Сейчас вспоминаешь, и даже смешно. А тогда было совсем не до смеха.

А по ночам ко мне в кабину подсаживался Серик. И с ним скучно не было.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ты что, боксёр, что ли?

Пока я ещё не сел на УАЗик, я продолжал ездить на ЗИЛке. Уже начались ночные поездки. А ночью обязательно со мной сажали старшего сержанта. Он следил за тем, чтобы все машины вовремя выезжали, чтобы никто не халтурил: чтобы загрузились, получили путёвки и вышли в рейс.

Обычно после того, как все машины выезжали, он садился со мной. И этим человеком был мой замкомвзвода, сержант Серик, или, как мы его называли, Серый. Это был мой закадычный друг. Он очень хорошо ко мне относился и даже готовил меня себе на замену, хотел, чтобы со временем я стал его преемником на должности замкомвзвода.

Испорченная шинель

Серик всегда ходил аккуратно, чинно одевался. И вот однажды он каким-то образом испортил себе шинель: где-то вляпался в краску, вроде бы рукавом задел.

Он говорит мне:

– Иди спроси у земляка. Он сейчас по штабу ходит. Мы с ним одного роста и одного размера. Всё равно в штабе шинель ему сейчас не нужна. Пусть даст мне, я пока свою почищу и поглажу.

Я пошёл в штаб, нашёл его земляка и говорю:

– Серый просит шинель. Дашь?

Он посмотрел на меня и отвечает:

– Да, утром тебе завезу.

Мы как раз собирались в ночную смену.

Но я тогда ещё не знал, как в штабе положено просить.

Не отдал честь

Но я тогда был ещё молодым, хоть уже и сержантом. И, видимо, разговаривал с ним слишком просто. Он посмотрел на меня и говорит:

– Ты чего, типа того, оборзел? Ты чего со мной так разговариваешь?

Оказывается, надо было соблюдать все армейские правила: честь отдать, подойти как положено, строевым шагом, доложить. А я пришёл как обычный человек поговорить.

Он мне говорит:

– Заканчивай свои замашки. Ты шинель даёшь или не даёшь?

А он:

– Не дам. Вообще пошёл отсюда!

Я ему:

– Не мои проблемы. Это твои проблемы. Хочешь, давай, хочешь, не давай. Я так Серому и скажу.

Он:

– Стой-стой!

А я говорю:

– Нет. Сам принесёшь.

Я ушёл.

А со штаба отлучаться ему нельзя было. Поэтому он сам должен был потом прийти. Я вернулся и сказал Серику:

– Да, дал он тебе шинель. Только слишком борзый какой-то.

И Серик получил свою шинель.

Трое на одного

Но, оказывается, это был не единственный случай, когда с этим человеком у меня возникали тёрки.

Однажды была зарядка. Все ушли на пробежку, а мы с Сериком ещё немного разминались и давали дополнительные круги. В какой-то момент Серик ушёл, а я остался один.

И тут навстречу бегут трое сержантов из другой роты. Такие деловые, здоровые, один другого крупнее. И один из них специально меня задевает:

– Ты чего, типа того, не видишь, кто здесь бежит?

Я говорю:

– Если ты не умещаешься, я тебе что, виноват?

Он:

– Ты чего, молодой, ещё разговаривать начинаешь?

Короче, решили ко мне докопаться.

Причём тот, кто больше всех цеплялся, был вообще здоровый, накачанный парень. Я ему говорю:

– Ты чего, попутал, что ли? Что, втроём решили?

Он отвечает:

– А что?

Я говорю:

– Пойдём один на один.

Трое, говорю, любого завалить можно. Даже быка можно завалить, если ещё кувалда в руках есть.

Он кулак поднимает:

– Вот тебе кувалда!

Я говорю:

– Ну тогда пойдём. Один на один.

Двое его сразу начинают подзадоривать:

– Иди-иди! Дай ему! Накостыляй!

Я говорю:

– Ну что, идём? Или ты дальше здесь языком будешь трепаться?

Бегом от боксёра

Он ещё что-то показывает, кулак сжимает. Я немного отхожу в сторону и иду за роту.

Они ему вслед:

– Иди-иди, накостыляй ему!

Он пошёл за мной.

Мы сошли с дорожки. Я специально стал уходить подальше, чтобы двое его товарищей не увязались за нами. Думаю: если они пойдут следом, втроём я связываться не буду.

И вот оборачиваюсь: они, оказывается, бегут дальше по своим делам. Я остановился и говорю:

– Ты чего? Куда пошёл? Чего бежишь?

Встал перед ним в стойку. Я всегда немного вполоборота вставал, руку чуть загибал, плечо к подбородку поднимал. Не стоял прямо перед человеком, как мишень.

Говорю:

– Ну что? Давай. Ты что-то хотел?

Чуть рукой перед собой дёрнул.

Он смотрит и вдруг спрашивает:

– А ты что, боксёр, что ли?

Я говорю:

– А тебе какая разница? Ты будешь разговаривать или драться будем?

Он опять:

– Ты что, боксёр, что ли?

Я говорю:

– Потом проблемы будут. Ну так что? Будем махаться или дальше разговаривать?

Снова чуть рукой перед собой двинулся.

Он постоял-постоял, развернулся, и бегом от меня.

Вот такие иногда попадались: здоровые, крепкие, массой своей давят, видом пытаются запугать. Я уже насмотрелся на таких «борзых». А когда доходит до дела, совсем другое оказывается.

А штабной ещё не знал, за кого Серый когда-то дрался.

Я же за тебя дрался

Вернулся я к Серику, рассказал ему всё. Погладил шинель, оделся.

Серик говорит другому земляку, тоже сержанту:

– Короче, иди возьми его. Я сейчас к вам в роту приду. Поменяешься с ним.

У нас дежурства тогда как-то менялись между ротами и штабом. Один дежурил, другой отдыхал, потом менялись.

Мы пришли в другую роту, сидим, ждём.

И тут этот самый парень из штаба прибегает, шинель тащит.

Его земляк смотрит на него:

– Ты чего, офигел? Ты чего шинель-то не дал?

Он:

– Да я дал. Он ушёл.

А ему говорят:

– Ты забыл, что ли? Я же за тебя с чеченцами там дрался! Ребята из Чечни к тебе докапывались. Я тебя в обиду не давал. Сам в крови был, избивали меня. А ты сейчас из-за своей шинели начинаешь выделываться, стал сержантом, старослужащим и уже зазнался?

Тот сразу:

– Да ладно, Серый, извини. Я не хотел. Там то-сё…

Я смотрю на всё это и думаю: вот ведь интересно. В штабе он передо мной был такой герой, а перед своим земляком сразу притих.

Потом выяснилось, что Серик и раньше за него заступался. Говорит:

– Да приходилось за земляков заступаться.

Вот так всё и выяснилось.

А потом мы с Сериком нашли способ вместо второго рейса пить чай у земляков.

Чай у земляков вместо рейса

А потом мы с Сериком ещё ездили вместе в рейсы. И бывало, что вместо 2 поездок делали одну. Но в путёвках могли провести 2 рейса: заезжали под утро, где грузились, ставили штампики, расписывались, что сделали 2 рейса.

Ничего особо критичного в этом не было: план был 2 рейса, значит, план выполняли. Просто иногда один рейс делали и после этого заезжали к землякам, пили чай.

А пока я ездил на ЗИЛке, меня начали ставить дежурным по роте. И там уже были свои порядки.

ГЛАВА 11

Наказываю оборзевших

«Кого возьмёшь дневальным?»

Сейчас немного отмотаю назад, вспомнил, как мы уже в своей роте, в части, обучали молодых. Их было человек 100. Мы, сержанты, были для них командирами, ходили дежурными по роте, назначали дневальных, заступали в наряды.

И вот тут началась своя маленькая армейская жизнь.

Некоторым молодым очень не нравилось, когда им что-то поручали. А старослужащие иногда ещё и поддерживали: «Сержантов не слушайте, они сами ещё молодые, пороха не нюхали». Могли прийти и начать командовать: этого не трогай, этого дневальным не ставь, этого вообще не заставляй ничего делать.

А я, наоборот, самых борзых специально брал к себе дневальными.

За 3 месяца, пока я ходил дежурным, всякое повидал. И всех приходилось постепенно ставить на место. Но я старался делать это без лишней жестокости, спокойно, по уставу, без самодеятельности.

Были у нас ребята из Казахстана, были дагестанцы. И у некоторых земляки начинали за них заступаться: мол, этого не трогай, ничего ему не поручай.

Я говорил:

– Я его не заставляю ничего сверх положенного. Есть обязанности, пусть выполняет. Если не хочет, тогда пусть старшина или командир роты разбирается.

Ну а что? Полы положено мыть, значит, надо мыть. Тумбочки протирать, значит, протирать. Мы же не на курорт приехали. Хотели бы дома сидеть, сидели бы. Раз пришли в армию, значит, есть армейский порядок.

И когда старшина говорил мне:

– Кого дневальным возьмёшь?

Я отвечал:

– Вот этих.

Особенно тех, за кого земляки больше всего переживали.

И один из них решил проверить меня на прочность.

Я ничего делать не буду

Один такой случай мне особенно запомнился.

Был один высокий парень. Постоянно разговаривал, выёживался, чувствовал за собой поддержку земляков. Ему уже объясняли: ты не к кому-то домой пришёл, ты в армию пришёл. Здесь есть дисциплина, есть обязанности, и их надо выполнять.

Я заступил дежурным и взял его дневальным.

Завёл в умывальную комнату и говорю:

– Вот это надо убрать, здесь привести всё в порядок.

А он:

– Я ничего делать не буду.

– Ты чего вообще? Тебе что сказали?

– А кто мне сказал?

– Вот такие-то и такие-то приходили?

– Да.

– Ну тогда скажи им: пусть они вместо тебя придут и сделают.

Он опять:

– Я ничего делать не буду.

Сел и сидит.

Остальные что-то делали: кровати поправляли, тумбочки протирали, порядок наводили. Кто-то скрипел зубами, но выполнял. А этот сидит.

Я ему говорю:

– Отсюда ты не выйдешь, пока не сделаешь.

Мы сутки заступали. Когда пришло его время отдыхать, я сказал:

– Всё, отдыхай. 2 часа твоего отдыха. Потом вернёшься сюда. Не сделал, это твои проблемы. Завтра старшина придёт, ротный придёт, и уже перед ними будешь объяснять.

Я его не бил, не трогал. Просто сказал: есть обязанность: выполняй.

Через 2 часа он встал, немного успокоился, вернулся в умывальную и начал что-то протирать.

А туалет?

– Туалет тоже будешь?

– Не буду.

– Ну не будешь, твоё дело.

Пришёл старшина. Посмотрел на всё это и нас вздрючил по полной программе. В итоге получили по 3 наряда.

Я ему говорю:

– Ну что, заработал? Теперь 3 дня здесь ночевать будешь.

И тут он пошёл жаловаться.

Свет выключили

Вечером, когда офицеры уже ушли, приходит человек 7 старослужащих. Точно не помню, сколько их было, но толпа.

Дневальный докладывает:

– Дежурного по роте вызывают.

Я прихожу. Они собрались в комнате рядом с канцелярией. Там была какая-то ленинская комната или комната для гостей, точно уже не помню.

Оказывается, молодого туда без меня уже пропустили.

Он говорит:

– Там пришли с роты такие-то, хотят с тобой поговорить.

Я спрашиваю:

– А кто его туда пустил?

Дневальный молчит.

Я открываю дверь, и этот молодой вдруг меня внутрь заталкивает.

Я захожу, смотрю, там толпа.

Он закрывает дверь, сзади меня ещё один старослужащий толкает, выключают свет. Понятно стало: хотели устроить «тёмную».

Но получилось у них не очень.

Тот, кто стоял сзади, ещё раз меня толкнул. Я оборачиваюсь, мы сталкиваемся лицом к лицу. Он меня толкает, а я успеваю схватить его за руки, разворачиваю и сам отправляю его в эту кучу.

Потом выбиваю дверь.

Мы с молодым падаем в проходе. Свет из коридора уже виден. В общем, поднялся такой шум, что вся рота сразу поняла, что-то происходит.

Я этому молодому, конечно, тоже немного добавил, когда вставали. Говорю:

– Ты вообще обурел? Ты что творишь?

Выскочили старослужащие.

Я поднялся и сразу в стойку:

– Так. Первый.

Они притихли.

– Первого нет? Тогда завтра на губу пойдёте вместе с молодыми. Всех назову. И нечего тут устраивать.

Кто-то начал:

– Ты что, сержант, стукач?

Я говорю:

– Рты закрыли. Сейчас все дружно с роты уйдёте. Иначе вызываю дежурного офицера, и дальше будете уже перед ним объясняться.

Они ещё угрожали:

– Завтра тебя завалим…

Я отвечаю:

– Завтра будет завтра. Сегодня вы ничего сделать не смогли. А сейчас, валите.

А молодому говорю:

– А ты, герой, обратно в туалет. Вот при своих земляках теперь и будешь выполнять то, что положено.

И эти «защитники» ушли. Ничего у них не получилось.

А потом я зашёл в умывальную.

Плачет в умывальнике

Я потом захожу в умывальную, а он плачет.

Вся его спесь куда-то исчезла.

Я присел рядом и говорю:

– Ну что? Земляки не помогли?

Он молчит.

– Не хочешь убираться, не убирайся. Ты ведь не для меня это делаешь. Мне вообще без разницы. Я буду сидеть у стола и выполнять свою работу по уставу. А ты будешь выполнять свою.

Говорю:

– Завтра ещё строевым шагом у меня походишь. За всё это будешь отвечать в рамках службы. А отдыхать будешь тогда, когда положено. И если начнёшь жаловаться офицеру, я расскажу, что вы здесь сегодня вечером хотели устроить.

Он сидит, всхлипывает.

Я говорю:

– Я чего-то не пойму: то ты такой борзый, то теперь плачешь, как девчонка.

Он посмотрел на меня. Я уже думал: сейчас опять что-нибудь выкинет.

Но нет.

Взял тряпку и пошёл работать.

– Давай, говорю, чтобы чисто было.

В итоге кое-как всё сделал. Попроливал, воду разлил, сам плачет, но делает.

Я говорю:

– Ну что, зачем выёживаться было?

Он:

– Не выёживаться…

– А что тогда?

В общем, постепенно он понял: армия есть армия. За 3 месяца он ведь ни разу не попадал в наряд, хотя молодых было около 100 человек. Просто привык, что за него постоянно кто-то заступается.

Я ему и сказал:

– Поэтому, друг мой, вперёд. Привыкай к службе.

Конечно, не все молодые были такими. Кто-то спокойно служил, кто-то выполнял всё, что положено. Но некоторые пытались искать поддержку у земляков, приглашали старослужащих, чтобы те за них разбирались.

Был у нас ещё один такой, полненький, тоже борзометр иногда зашкаливал. Правда, он был в соседнем взводе, и там ситуация была другая. Их сержант не особо мог давить на старослужащих.

А у нас как-то получилось, что и поддержка была, и я сам уже сержантом был, привык за себя постоять. Раньше бывало, что человек 5 могли налететь, попробовать попинать или ещё что-нибудь устроить. Но у них ничего не получилось.

Но самое интересное случилось, когда мы поменялись местами.

Деды в дневальных

А потом произошло интересное.

Те самые старослужащие, которые когда-то грозились мне: «Вот мы ещё посмотрим, как ты будешь служить», после учебки сами оказались у меня в подчинении.

Старшина спрашивает:

– Кого возьмёшь дневальным?

Я говорю:

– Вот этих.

И они на меня смотрят, вообще капец.

А ведь когда я уходил в учебку, они мне говорили:

– Вот закончишь учебку, придёшь, будешь дежурным, а мы к тебе дневальными пойдём. Ещё заставим тебя полы мыть.

Прошло примерно полтора месяца учебки. Плюс служба продолжалась, и вот уже прошло около полугода. А эти ребята постепенно сами подошли к тому моменту, когда стали старослужащими и уже готовились к дембелю.

Я с ними тоже как-то попал на 3 дня в наряды.

И говорю:

– Ну что, ребятишки, как дела?

Я уже почти год отслужил, они, около полутора. И вот теперь всё стало совсем по-другому.

Дембеля, которые раньше держали вокруг себя здоровенных ребят, уволились. Остались так называемые деды, но некоторые из них сами были не очень самостоятельными, держались только за тех, кто был старше.

В общем, круговерть жизни повернулась обратно.

Кого-то я помнил, кто-то когда-то пытался выёживаться, и вот теперь я мог спокойно брать его дневальным.

Но это всё продолжалось недолго.

Потом я перевёлся из третьей роты во вторую, потому что пришёл работать на УАЗике. Многие ребята остались в третьей.

Некоторые из них ещё заранее говорили:

– Вот на дембель вам баню устроим.

Одним действительно устроили. Были борзые ребята и во второй роте.

Иногда они делали всякие мелкие подлянки. Например, идём после кино. Одна рота выходит, потом другая. Кто-нибудь из второй роты мог сзади подзатыльник дать, пнуть, что-нибудь сказать вслед.

Были вообще ребята с очень своеобразным поведением.

Однажды тоже получил подзатыльник. У меня даже пелёнка слетела. Я её поднял, ничего не сказал и подумал:

«Ну ладно. Встретимся ещё».

Тёмная подушками

Потом мы переводились во вторую роту: я, Руслан и ещё несколько ребят.

А там уже молодых нужно было защищать самим.

Если кто-то начинал выёживаться, я подходил и говорил один на один:

– Давай поговорим.

Постепенно пошёл слух, что у меня есть поддержка и что я могу за себя постоять. И тот самый борзый человек стал вести себя намного тише.

Дембеля ушли, остались деды. Мы уже во второй роте обосновались, сформировали свой костяк. К нам постепенно перестали лезть.

Я своих ребят в обиду не давал, и мы держались вместе.

А некоторые из тех дедов, которые раньше пытались показывать характер, сами стали потише.

Но если кто-нибудь начинал особенно сильно задирать молодых, я подходил и объяснял:

– Ребята, к нам лучше не лезть.

Иногда они ещё руками махали где-то в стороне:

– Да мы вам сегодня тёмную устроим!

Ну, в общем, однажды мы им её устроили.

Только не кулаками: подушками.

Хорошо так отхреначили. Ночью они проснулись и сначала вообще не поняли, что произошло. А с потолка на них посыпалась штукатурка.

Утром приходит старшина, а там всё белым-бело.

Он, наверное, думал, что они сами между собой что-то устроили.

А мы-то понимали, откуда ветер дует.

И вот для них начался настоящий дембельский аккорд.

Казарма длинная, метров 30, наверное. Потолки красить, полы красить, всё драить. Одну половину покрасили: ждут, пока высохнет, потом перебираются на другую.

И так целый месяц.

Мы, конечно, проходили мимо и иногда спрашивали:

– Ну что, ребята, понравилось?

А они пыхтят.

Кто-то что-нибудь из-под тишка скажет, кто-то матом ругнётся, кто-то пытается показать, что ему всё равно.

Но в нашей роте молодых было больше. А у них уже возраст другой, 2 года службы за плечами, здоровые ребята.

У нас было человек 5–7 тех, кто уже год отслужил, так называемые «черпаки». Среди них был Руслан, был парень из Дагестана и ещё несколько ребят.

Армия, это постоянная круговерть. Сегодня ты молодой и на тебя кто-то давит. Потом проходит время, и уже ты отвечаешь за других. Кто-то пытается выёживаться, кто-то ищет поддержку земляков, кто-то быстро понимает армейский порядок.

А жизнь всё расставляет по своим местам.

Главное: самому не потерять голову и понимать, где нужно промолчать, где нужно по уставу сделать, а где уже за своих ребят надо постоять.

А потом мой земляк Андрюха позвал меня к себе на УАЗик. И вся служба перевернулась.

ГЛАВА 12

Через щель в заборе

Третья рота, первые недели после сержантской школы.

Три наряда вне очереди

В своей роте я первое время ещё замещал заместителя командира взвода. Ходил как командир отделения, присматривался, осваивался. Примерно через неделю меня поставили в наряд дежурным по роте. Дали мне 2 дневальных, военнослужащих постарше. Наверное, хотели посмотреть, справлюсь я с ними или нет.

Ну, как оказалось, ни я с ними не справился, ни они особо не справились со своими обязанностями. Никого толком не смогли заставить убирать. В итоге сами кое-как навели порядок, а нам ещё впаяли 3 наряда вне очереди.

Наряд мы отходили. Порядок кое-как навели, а главное, у меня всё прошло без происшествий. Никаких серьёзных нарушений, никаких наказаний. Поэтому, слава Богу, всё закончилось тихо-мирно.

С сослуживцами, с которыми мы вместе призывались, я в это время почти не общался. Пока я был в учебке, учился в сержантской школе, потом занимался доподготовкой молодых, времени практически не было. Встретимся где-нибудь, поздороваемся, и всё. Да и жили мы в разных ротах.

А земляк мой, Андрюха, который вместе со мной призывался и тоже был в учебке, сразу попал на УАЗик. Стал заместителем командира гарнизона, фактически водителем

командира. Гарнизон был очень большой. Должность у командира была генеральская, как говорится, только без лампасов.

Ему даже нужно было в Москву ехать, то ли переучиваться, то ли проходить какую-то подготовку, я уже точно не помню.

Но как оказалось потом, именно этого командира гарнизона я и стал возить. Всё получилось совершенно неожиданно.

Одна встреча с земляком перевернула мне всю службу.

Капустное меню

Как-то встретились мы с земляком, поговорили. Он мне говорит:

– Лучше переходи к нам на УАЗик. Зачем тебе на грузовых мотаться? Здесь посвободнее. Можешь в магазин сходить, что-нибудь себе купить, поесть в гражданской столовой, если в солдатской что-то не нравится.

А в столовой действительно всякое бывало. Иногда одной капустой кормили. На первое: щи с капустой, на второе, какой-то бигос, как его называли, тоже практически одна капуста с подливой. Подливу съедали, а капуста оставалась, кто успел, тот и поел.

А там, говорил земляк, живёшь почти как гражданский. Утром они вместе со всеми строились и шли в столовую, а после этого на общий развод даже не ходили, сразу уходили на БАМ, где у них были боксы с легковыми машинами и тёплые гаражи. Боксы находились в соседней части.

Он говорит:

– Сейчас один дембель увольняется, место освобождается. Давай к нам.

Я, конечно, не был против. Думаю: зачем мне эти наряды? Постоянно тебя гоняют, за всё спрашивают, ответственность большая.

На следующий день я пришёл на БАМ, довёл свою грузовую машину. После сержантской школы мне уже дали машину получше, и я на ней успел сделать несколько рейсов.

А сам всё никак не мог решить: переходить или не переходить. С одной стороны: здесь я уже привык, машина знакомая, служба понятная. С другой: там свободнее, комфортнее, меньше нарядов. Но начальник там постоянно рядом, тоже свои нюансы.

Короче, мнение у меня расходилось: и так хорошо, и так хорошо.

В итоге я всё-таки решил перейти. Выехал, оформил путёвку, подписал документы, заправил машину. А от заправки прямо через забор находился тот самый бокс в соседней части.

Между частями был забор, но в нём имелась небольшая щель. Мы через неё постоянно перелезали, чтобы не обходить кругом. Вот и я перелез через забор, пришёл в бокс и нашёл своего земляка.

Он ещё не успел выехать или у него был выходной, точно уже не помню. Шеф его куда-то уезжал. Мы поговорили, он показал мне машину и говорит:

– Вот пока эта машина свободная. Можешь на неё сесть. Я скажу, что ты согласен, и тебя переведут.

Он ещё раз всё мне объяснил, убедил, что здесь действительно лучше.

На следующий день он сказал:

– Я уже замолвил за тебя слово прапорщику, командиру взвода. Он непосредственно у нас начальник. Завтра приходи, познакомишься.

Я опять перелез через забор, пришёл к ним, познакомился с прапорщиком.

Мне сказали:

– Сначала напишешь рапорт. Через 2–3 дня начнёшь стажироваться: принимать машину, присматриваться к ней, ездить со старшим водителем, смотреть дороги. Может, недели 2, может, месяц, сколько потребуется.

Сначала сидишь сзади, смотришь, потом сам садишься за руль. Постепенно тебя стажируют, и уже после этого окончательно переводят.

Оставалось сказать в роте. Я ещё не знал, каким словом меня там назовут.

Ты что, предатель?

Когда в моей роте узнали, что я перевожусь, старшина начал ругаться:

– Ты что, предатель? Тебя же на сержанта отправили учиться!

Я понимал, почему он так говорил. На меня действительно возлагали надежды. Старослужащие уходили, сержантов не хватало, а я уже себя показал, прошёл сержантскую школу.

Я особо не спорил.

– Я к землякам, – говорю.

А он мне:

– А что, у тебя здесь земляков нет? Я что, тебе не земляк? Ты уже столько времени здесь прослужил. Тебе что, здесь не нравится?

– Да всё нравится, – отвечаю. – Всё хорошо, слава Богу.

Даже Серик, мой заместитель командира взвода, сказал:

– Всё-таки я тебя готовил под себя. Хотел, чтобы ты был моей заменой.

Я ему говорю:

– Серик, ты уволишься, а друга твоего Руслана ты что, оставишь?

Он ответил:

– Да я его тоже с собой заберу. Там посмотрим, может, какая-нибудь машина освободится.

Оказалось, что действительно ещё одна машина была свободна. Она была немного постарше, но всё равно подходила.

Однако потом получилось ещё интереснее.

Нас посадили на новые машины.

Меня, который должен был пересесть на старенький УАЗик, неожиданно сразу перекинули на командирскую машину.

Командир должен командира возить

Там я впервые узнал, что кроме военных водителей есть ещё и гражданские люди, которые за всем этим хозяйством присматривают.

Подходит ко мне один гражданский и спрашивает:

– Ты пришёл на смену старослужащему?

– Да.

– Земляки посоветовали?

– Да. Я после сержантской школы, уже откатался на грузовой машине.

Он говорит:

– Есть машины. Можешь прийти, если хочешь.

– Вот я и пришёл.

– А на какую машину тебя хотят поставить?

Я показываю на ту, старенькую.

Он спрашивает:

– А ты кем служишь?

– Заместитель командира взвода.

Он посмотрел на меня и говорит:

– Командир должен командира возить.

В обед он подъезжает, показывает мне другую машину:

– Вот это будет твоя машина. На ней будешь стажироваться. Прапорщику скажешь, что я так сказал.

Я говорю:

– Хорошо.

И действительно оказалось, что меня посадили на новую машину.

Вообще прекрасно!

Мне сказали:

– Покатаешься немного с ним, посмотришь дороги, поучишься. Потом мы его домой отпустим.

Поехали дальше, и он говорит:

– Я тебе ещё одну машину покажу.

Открывает бокс, а там новенький УАЗик, «буханка», как мы её называли.

– На этой тоже будешь иногда выезжать. На выходные, если что-то понадобится, если проверяющие из Москвы приедут, если надо будет куда-нибудь съездить.

Я говорю:

– Вопросов нет.

И тут командир говорит:

– Через неделю я уезжаю в отпуск. И тебя мы тоже отправим в отпуск. Хочешь?

– Конечно хочу!

– Тогда завтра придёшь, скажешь, что переводишься, и всё.

– Рапорт написали?

– Да.

– Всех оповестили?

– Да.

– Ну и всё. Тебе подготовят койко-место, поставят на довольствие, и переходи.

В течение нескольких дней всё это и произошло.

Я уже перевёлся, ездил на командирской машине, сидел сзади, стажировался, познакомился с командиром.

Командира звали, как моего деда, царство ему небесное, Иван. Деда моего тоже звали Иван Григорьевич… Нет, Иван Никифорович. Вот так я и перешёл на более комфортабельную службу.

Мы ездили по участкам, проверяли объекты. Приезжали проверяющие из Москвы, на «Волгах». Я сзади на УАЗике, с замами, ездил вместе с ними.

Иногда выезжали на рыбалку, иногда встречали проверяющих. Бывали выходные, когда им надо было организовать шашлыки. Поэтому моих выходных как таковых практически не было.

Но мне эта обстановка нравилась.

Мотаться приходилось часто по всему участку. Иногда приезжали поздно. Если были планёрки, то уже около управления отдыхали. Приедешь в машину, помоешься, ждёшь шефа. Потом отвезёшь его на обед, вечером уже домой, если нигде срочно не надо было выезжать и никаких происшествий не случилось.

Выходных настоящих было немного, постоянно куда-то надо было ехать, что-то проверять, что-то делать. Но сама обстановка мне нравилась.

Если всё-таки выпадал свободный день, я иногда помогал на даче: огурцы подвязывали, ягоды собирали, чай пили. Потихоньку помогал.

Я к ним привык, и они ко мне привыкли.

А потом полковник стал звать меня к себе домой. Солдата, своего водителя.

Бутерброды у полковника

Особенно постепенно сближались с командиром. В первый раз, конечно, познакомились официально. Он спросил, откуда я, про семью расспросил. Я всё рассказал.

А уже на следующий день подъезжаю, он выходит на балкон, машет мне рукой:

– Василий!

Потом, когда уже по-домашнему, особенно на выходных:

– Василий, зайди.

Я заходил. Он поил меня чаем, делал бутерброды с колбасой, сыром, угощал. Познакомил со своей женой. У них была дочка Марина.

Иногда мы её куда-нибудь провожали: например, отвозили на вокзал, сажали на поезд, потом встречали. Так я тоже постепенно стал частью их жизни.

Ездили мы много.

Командир медленно ездить не любил. Он всегда торопился. Даже когда уставал и засыпал, я иногда немного снижал скорость, чтобы спокойнее ехать.

Он вдруг открывал глаза:

– Василий, ты что, учился ездить?

Я говорю:

– Товарищ полковник, вы же спите, немного кемарите.

А он:

– Никаких! Мы во столько-то должны уже быть дома.

– Всё понял.

И снова погнали.

Но однажды гнать оказалось некуда: дорога была разобрана.

Всё серое

Был один случай, который мне особенно запомнился.

Приехал проверяющий, и мы поехали по объектам. Всё объехали, осталось проверить ещё пару частей. Уже начинало смеркаться.

Я смотрю: вроде бы на обочине какие-то работы ведутся. Лежат плиты, щебёнка. Дорога тоже была засыпана щебёнкой. Видимо, что-то копали, потом засыпали, а плиты ещё не успели положить на место. И никаких дорожных знаков не было.

Причём всё было одного цвета.

Дорога серая, щебёнка серая, плиты серые. Уже сумерки, всё сливается.

Я успел затормозить и съехать только одной стороной. Двумя колёсами попал в эту яму.

Удар получился приличный. Не критичный, но ощутимый.

Шефу сразу стало неудобно. Он, видимо, тоже не заметил, что дорога разобрана.

Он говорит:

– Как же мы не увидели?

Я говорю:

– Если бы я увидел, я бы обязательно затормозил. Но посмотрите: всё серое. Дорога серая, щебёнка серая, плиты серые. Всё сливается.

Он говорит:

– Но ведь сбоку плиты лежали.

Я отвечаю:

– Мы же ездим по дорогам везде. То плиты лежат, то ещё что-нибудь. Я же не буду возле каждого столба и каждой ямки тормозить. Я и так хорошо успел: одной стороной только заехал.

И тут проверяющий, который сидел сзади, заступился за меня:

– Я тоже ничего не видел. Я тоже на дорогу смотрел. И вы смотрели. Чего мы его ругаем?

Шеф посмотрел на него и говорит:

– Да?

А тот:

– Он всё правильно сделал.

В итоге всё обошлось.

По моим расчётам, я машину не повредил, мы сами целы, не перевернулись. Я тормозил до последнего, потом отпустил тормоз, перескочил препятствие, и всё.

Шеф говорит:

– Василий, ну ты молодец.

Вот такие нюансы иногда случались.

Один раз ещё в занос попали. На УАЗике можно было пройти, а грузовые машины там повтыкались.

Командирскую машину все знали. В основном там оставались водители, которые уже служили и потом даже оставались работать. Им делали допуски, потому что работа была связана с определёнными объектами и всё было достаточно секретно.

Но за эту работу хорошо платили.

Шеф медленно ездить не любил. Но скоро выяснилось, что я езжу ещё быстрее.

ГЛАВА 13

Везу полковника

Два следа от сапог

Бокс, где стояли УАЗики. Меня туда позвал мой земляк. Первые дни, конечно, тоже пришлось привыкать и притираться.

Старослужащие, как всегда, имели авторитет. Кто был посильнее, кто постарше, тот и мог своим авторитетом немного поддавливать молодых. Поэтому, как только я туда перешёл, сразу начались обычные армейские притирки.

Молодые солдаты, которые приходили на УАЗики менять старослужащих, выполняли всю необходимую работу: машину помыть, бокс подмести, перед боксом порядок навести. Где-то крышу подправить, что-то покрасить, помочь по хозяйству. Все вместе этим занимались.

Я в это время был уже сержантом и присматривался ко всему со стороны. Меня готовили к тому, чтобы я стал заместителем командира взвода, поэтому я больше наблюдал: кто как работает, кто как себя ведёт, как вообще всё устроено.

Моя машина тоже постепенно меня принимала.

Старослужащий, который меня готовил, сразу объяснял все тонкости. Полотенце должно быть всегда чистое, чтобы протирать сапоги. В машине обязательно должен быть хороший одеколон, чтобы приятно пахло. Благо в универмаге всякой парфюмерии хватало, и французской, и другой.

Вообще, обеспечение у нас было хорошее.

Мне объясняли всё до мелочей: когда приезжать, как приезжать, где ставить машину. Машина всегда должна быть чистой. Если выходит шеф: коврики протёрты, всё сухо, всё аккуратно.

Сам шеф никогда не относился к этому свысока. Он прекрасно понимал солдатский труд. Садился в машину, ставил 2 следа от сапог, и всё. Никаких претензий. Было видно, что он уважает человека, который за этой машиной следит.

Но не все сержанты были такими, как шеф.

Ты здесь ещё никто

Но однажды у нас произошёл небольшой инцидент.

Сидел я в боксе, слушал музыку. Все как раз собирались на обед. Иногда кому-нибудь приходила посылка, мы покупали в магазине что-нибудь к столу и устраивали небольшой праздник.

У нас служил молдаванин, Олег. Ему иногда присылали посылки из дома, а на день рождения однажды прислали молдавское вино.

Вечером бывало, что в роту приходили поздно, уже никого нет: ни ротного, ни старшины. Поэтому ребята понемножку выпивали.

Я не пил. Мне это вообще не нравилось. Не курил, не пил. Один раз попробовал покурить, и сразу бросил.

И вот однажды сижу, слушаю музыку, и вижу: заезжает молодой солдат вместе с замком взвода. Старослужащий, горячий такой парень, чигит.

Он выскакивает из машины и начинает на молодого орать. Видимо, из-за этого молодого он получил какое-то замечание или взыскание.

Подходит к нему, хватает за щёки, начинает пинать. Парень падает и от боли начинает корчиться.

Я этого уже не выдержал.

Выхожу из бокса:

– Ты что творишь?

Он смотрит на меня, глаза выкатил:

– Ты что, вообще попутал? Ты кто такой? Ты здесь ещё никто! Сейчас я тебя возьму, будешь веники подметать, полы чистить. Можешь вообще отсюда вылететь.

Я говорю:

– А ты кто такой? Ты такой же сержант, как и я. Не превышай свою должность. И за что ты его пинаешь?

Он уже руку поднимает.

А у меня реакция сработала мгновенно. Слава Богу, я его не ударил.

Хватаю его за руку, за брючной ремень, и к УАЗику.

Он был худой, лёгкий. Я даже сам не почувствовал, как получилось: присел, чуть приподнял его, и он уже сидит на капоте УАЗика.

Ремень у него оказался как раз под рукой. Я потянул его на себя, как рычагом, локтем упёрся в тазовую кость, приёмы-то я ещё со спорта помнил. Но бросать его не стал. Просто посадил на капот.

Отхожу на шаг и говорю:

– Пойдём за роту. А то перед солдатами тебе будет стыдно, если ты меня не осилишь.

Тут как раз начали подходить старослужащие. Обычно в обед все собирались, особенно когда кому-нибудь приходила посылка.

Увидели, что мы схватились, окружили нас:

– Вы что творите, сержанты? Что за выяснение отношений?

Я говорю:

– Ты, молодой, куда лезешь?

Он:

– А как понять, куда я лезу?

Я говорю:

– Пусть он сам расскажет, куда я лезу. Мне что, нравится смотреть, как человека на капоте пинают?

Короче, я ушёл обратно в бокс. Они там переговорили между собой, и на этом всё закончилось.

У меня до дембеля оставалось уже не так много времени. Да и связываться с лишними конфликтами мне было совершенно ни к чему. Тем более меня на УАЗик посадил гражданский человек, тот самый, про которого я уже рассказывал. Против него особо не попрёшь: можно было и на губу залететь, и ещё каких-нибудь проблем себе перед дембелем нажить.

Поэтому разошлись тихо и мирно.

Потом этот парень подошёл ко мне:

– Ну ты уж сильно не кипятись…

А я ему:

– Как не кипятиться? Меня пинали по ноге. Что он вообще творит? Можно же было как-то наказать, замечание сделать, а не человека ногами бить.

Тот парень, которого он бил, тоже был худенький, чуваш, насколько я помню. Я тогда ещё сказал:

– Я вообще не знаю, как его не переломал напополам. Худой такой. Как его вообще в армию взяли?

Он был немного безалаберный, конечно. Потом этого парня снова взял к себе командир, которого он возил, когда тот уже стал командиром.

В общем, его скорее жалеть надо было.

А получилось так, что я просто заступился за него.

И, наверное, правильно сделал.

Потом шеф вызвал меня в кабинет. Вместе с чужим водителем.

Проволочка вместо заплатки

Потом уже, когда я стал замком взвода, у меня самого произошёл интересный разговор с командованием.

Шеф однажды вызвал меня к себе в кабинет. Он тогда был первым заместителем у моего командира, а потом, когда мой шеф уехал в Москву, сам занял его место.

Он вызвал меня и своего водителя.

Показывает на него и говорит:

– Посмотри на своего командира. Посмотри на себя.

А у водителя была небольшая дырка на форме. Видимо, где-то порвалась. Он взял тоненькую проволочку и просто зашил её.

Шеф говорит:

– Вот, посмотри на своего командира.

А у меня всегда было сменное ХБ. Одно постирал: другое надел. Если надо, мог прямо в боксе постираться, переодеться. Купил новую форму: всё аккуратно.

В парадной форме: то же самое. Всё должно блестеть, быть чистым и опрятным.

Я вообще всегда следил за собой. Мог не поспать, но привести себя в порядок обязательно: постираться, погладиться, всё сделать как положено.

А у него форма уже старая, затёртая, колени протёрты, длинная такая…

Я тогда спрашиваю:

– Почему, товарищ командир, вы за ним не следите?

Он отвечает:

– Товарищ полковник, бывает так, что мы не видимся. Я их строю, смотрю, делаю замечания. Но вот эту дырочку я действительно не заметил.

А шеф говорит:

– Я всегда смотрю на подшивку. Чистый, чистый, всё нормально. Поэтому проблем вроде нет.

Форму ведь не каждый месяц дают новую. Что-то менялось через полгода, что-то через год. Поэтому то, что вы видите на мне, я сам покупал. Хотел, чтобы она не затиралась и не выцветала.

Я говорю:

– Если у него есть желание, я могу узнать у командиров и купить ему новую форму.

Вот такие у нас были разговоры.

А зимой случилась история с портянками.

Портянки в машине зама

А потом ещё один случай произошёл зимой.

Мы стояли и ждали своих шефов. Холодно было, машины прогревали. А машина работает: бензин тратится, километраж не идёт. У нас всё было по лимиту: если перерасходуешь, могли потом бензин не дать.

Мой земляк был рядом, поэтому я иногда заскакивал к нему в машину.

Шефы часто ездили на совещания в соседние части. В гарнизоне было много подразделений, и иногда они собирались где-то посередине, в штабе, проводили планёрки.

Мы в это время ждали.

Закончилось совещание. Шеф приходит, садится в машину. Ещё кто-то попросился проехать по городку, чтобы пешком по морозу домой не идти.

И тут подходит наш заместитель.

– Товарищ полковник, разрешите обратиться?

Шеф открывает дверь:

– Что случилось?

– Можно я тоже с вами поеду? Меня с собой возьмите.

Ну, сели и поехали. По дороге высадили нескольких офицеров. Все попрощались, а заместитель остался с нами. Его машина ехала сзади.

Шеф спрашивает:

– Ну что там у вас случилось?

И тот рассказывает:

– Вы представляете, мой водитель чего додумался? Взял и в машине портянки сушил! Я открываю дверь, сажусь, а там вонь невозможная. Меня чуть не вырвало. Плевотиной пахнет! Это вообще нормально?

Шеф смеётся:

– Атья, мы уже забыли, как портянки пахнут!

Все посмеялись.

И тут шеф снова обращается к нему:

– А вот смотрите. В вашей машине даже одеколоном пахнет. Приятно сидеть, чисто, красиво.

У меня на панели всегда стояла фотография моей любимой. Я её аккуратно вставил, там ещё сеточка была, козырёк, всё красиво оформлено.

Шеф говорит:

– Сразу видно: командирская машина и водитель. Чистый, опрятный.

А потом добавляет:

– А у вас водитель то непостиранный придёт, то ещё что-нибудь. Почему не следите за ними?

Зам отвечает:

– Товарищ полковник, бывает, что они на ремонте что-нибудь делают, утром уже построение. Я им постоянно говорю: не спите, постирайтесь. В каптёрке можно отопление включить, электрическое, подсушить форму. Но они ленятся.

Я тогда опять объяснил:

– Я специально сменную форму купил. У меня всегда с собой есть чистая. Даже если во время ремонта испачкался, могу прямо в боксе постираться, переодеться. Сзади в машине у меня дипломат лежит, а в нём сменная форма.

Вот поэтому у меня всё и было под контролем.

Шеф сказал:

– Этот вопрос обязательно надо решить. Ночью водитель, конечно, может уставать, да и вы сами много ездите. Но порядок должен быть.

Вот такие моменты тоже были в армии.

Вроде бы мелочи: форма, чистая машина, одеколон, портянки. А на самом деле из таких мелочей и складывалось отношение человека к своей службе.

Даже шефа я иногда пугал своей ездой.

Полковника одной левой

Даже когда шеф ездил со мной, он постоянно меня чему-то учил.

Едем как-то, я одной рукой за руль держусь. Он смотрит и говорит:

– Вот смотри, я с двадцатилетним стажем езжу и всегда двумя руками за руль держусь. А ты одной рукой рулишь. Тебе ещё сигареты в другой руке не хватает!

Я говорю:

– Я не курю, товарищ полковник.

Он смеётся:

– Разговорчики! Лучше за руль держись, а не за рычаг.

Я говорю:

– Товарищ полковник, мне так удобнее. Видите, сколько поворотов? Здесь сбавил, там прибавил. Чтобы постоянно не хвататься за рычаг, я держусь за руль. Левая рука у меня крепкая, чувствительная к дороге.

Особенно в гололёд мне было очень удобно управлять одной рукой. Я как-то мягче проходил все эти ямки, повороты, неровности. Мне так было комфортнее.

А он опять:

– Товарищ солдат, двумя руками держитесь за руль!

Вот такие у него иногда были заскоки.

Но это всё было по-доброму. Он не просто делал замечания, он учил меня.

А потом человеку с 20-летним стажем досталась «семёрка».

«Семёрка» за месяц

Прошло время.

Я уже рассказывал, что мой первый шеф уехал в Москву, а тот заместитель, который раньше был у моего командира, стал командиром.

И вот получилось так, что командир меня к себе водителем не взял. Ему досталась «семёрка»: ВАЗ-2107, а моему бывшему шефу, который вернулся из Челябинска, досталась «Волга».

Там, насколько я помню, жребий бросали. Ну, жребий есть жребий.

Мой бывший шеф уже второй раз здесь служил. Его обратно прислали из Челябинска. Здесь были серьёзные стройки, важные объекты. В городе, конечно, жить лучше, но куда деваться, служба есть служба.

Он уже был пенсионного возраста, хороший специалист, опытный человек. Поэтому ему, наверное, и досталась «Волга», машина хорошая, по заслугам.

А командиру досталась «семёрка».

И вот мне потом его водитель, тот самый безалаберный парнишка, за которого я когда-то заступился, рассказывает одну историю.

Говорит:

– Вчера подъехали к гаражу. Он задом выезжает. Открывает дверцу, едет-едет и вдруг решил чуть пошире её открыть. То ли не увидел, то ли ещё что-то. Высунул голову, а дверца зацепилась за что-то, то ли канистру, то ли ещё что, которая возле стеночки стояла.

И как начал выворачивать эту дверцу!

На следующий день опять выезжает задом. До соседнего гаража чуть-чуть не доехал, оставался метр, говорит. Хорошо, затормозил.

И вот так, по его словам, за месяц от машины практически ничего живого не осталось.

Здесь стукнул, там вывернул, здесь ещё что-нибудь произошло…

И это человек с двадцатилетним стажем вождения!

Мы посмеялись, конечно.

Вот такие тоже бывают армейские моменты. Иногда человек вроде бы с огромным опытом, а машина за месяц после него уже вся в приключениях.

Так что в армии я много чему научился не только от своих командиров, но и просто наблюдая за людьми. Кто-то учил своим примером, кто-то, своими ошибками.

А я всегда старался запоминать и то, и другое.

Но не все в управлении смотрели на меня так, как шеф.

ГЛАВА 14

Я ещё жить хочу!

Угнаться за «Волгой»

Утро. К нам приехал проверяющий из Москвы, гражданский человек, который ездил на чёрной «Волге». Наш шеф поехал с ним впереди, а мы, замы, ехали следом.

Один из замов меня не очень любил. Особенно ему не нравилось, как я водил машину. Для него вообще было большой честью ездить на этой машине на переднем сиденье рядом с шефом. А у нас с ним постоянно возникали разногласия по поводу вождения.

Он любил, чтобы машина ехала степенно, спокойно. А я привык ездить по-другому. Одной рукой держал руль, другой, рычаг переключения передач. На поворотах, на подъёмах, при манёврах быстро переключался. Для меня это была обычная работа.

А шеф однажды сказал мне прямо:

– Не отставай. Чтобы, пока мы вышли, ты уже подъехал. Пускай даже раньше или чуть позже, но держись за нами.

Вот я и старался держаться.

А за «Волгой» угнаться на нашем УАЗике было непросто. Но я говорил:

– Будем стараться, товарищ полковник.

И ехал в привычном для себя темпе.

Но догнать «Волгу» зимой было ещё полбеды.

Шеф уехал, а я остался в сугробе

Зимой особенно бывало всякое. Я уже рассказывал, как проходили заносы, как машины впереди сдавали назад-вперёд, а мы иногда буквально по зеркалам протискивались. Где-то даже зеркала загибал, лишь бы пройти. Но главное: всегда доезжали.

Пробки старались объезжать по обочине, если она была крепкая. Бывали места, где грузовые машины уходили глубже в лес, пробивали колею, а потом легковая машина уже не могла из неё выбраться.

Один раз и я так сел. Пришлось деревья валить, благо топор был с собой, домкратить машину, подкапывать колёса, чтобы выбраться из этой колеи.

А шеф однажды вообще оставил меня одного. Вышел на дорогу, поймал машину и уехал. Я потом его догонял, часа 2, наверное.

А самое весёлое началось, когда со мной поехал зам, который меня не любил.

Обгон по обочине

И вот едем мы с этим замом. Чёрная «Волга» впереди, мы следом. Дорога утром была чистая, и для меня скорость была совершенно нормальной.

А зам сидит рядом и всё время держится за ручку двумя руками.

Говорит:

– Ты больно быстро едешь.

Я ему:

– Шеф сказал, чтобы я за ними держался.

– Ну как ты за «Волгой» угонишься?

– Будем стараться.

Едем дальше. Начались подъёмы, а на них стали попадаться большие длинномеры. Один грузовик был очень сильно загружен, что-то вроде арматуры вёз. Шёл медленно, занимал почти всю дорогу. Дорога была выложена бетонными плитами, встречная полоса совсем рядом.

Чёрная «Волга» подъехала, водитель грузовика её пропустил.

А перед нами: затяжной поворот. Грузовик чуть принял в мою сторону. Я ему моргнул, решил обгонять.

Начал обгонять: смотрю, не помещаюсь полностью.

Одним колесом ушёл на обочину. Там небольшая ямка. Машина подпрыгнула.

Но я спокойно вырулил. Не стал резко возвращаться на дорогу, дождался, когда обочина сравняется с плитами, и только потом аккуратно вышел обратно.

И тут рядом со мной раздаётся:

– Я ещё жить хочу! Ты чего гонишь?! Ты чего обгоняешь?! Я вообще шефу пожалуюсь! Товарищ полковник, что он творит?!

А я ему:

– Товарищ полковник приказал не отставать.

Он сидит, вцепившись двумя руками в ручку.

А сзади ехали другие замы. Они видели, что я съехал на обочину.

Потом уже водитель рассказывал: смотрят, я съехал, машина ещё на кочке подпрыгнула. Они там:

– Что он творит?! По обочине едет!

А шеф только сказал:

– Да ладно. Наверное, не любит этого зама. Немного ему перца поддаёт, чтобы боялся.

Приезжаем на место. Этот зам уже успокоился. Вышел из машины довольный, важный, всё-таки рядом с шефом ехал, на переднем сиденье сидел.

А я смотрю на него и думаю: «Надо же. Ещё минут 30 назад весь взъерошенный был, кричал, что жить хочет, а сейчас уже настроение совсем другое».

Вообще интересно, как человек может за несколько минут полностью поменяться.

Тогда я ещё не знал, что этот зам скоро станет моим командиром.

Ты больше не мой водитель

Потом моего шефа перевели в Москву на повышение. А этот зам остался вместо него и стал командиром гарнизона.

Он вызвал меня к себе в кабинет и говорит:

– Я ставлю своего водителя. Извини, конечно, но тебе придётся пересесть на другую машину.

А я до этого сам уже думал: «Вот не буду я его возить. Уйду обратно на грузовую машину».

Он ведь ещё во время поездок постоянно учил меня:

– Ты чего двумя руками руль не держишь?

А там горы: перевалы, подъёмы, спуски, повороты. Иногда с четвёртой передачи нужно было резко перейти на третью, дать газу и быстро пройти участок или обогнать машину.

Моему прежнему шефу это нравилось. Он всегда меня поддерживал:

– Молодец. Вот здесь правильно, здесь правильно.

Мы с ним были на одной волне.

А этот: совсем другой человек.

Я ему спокойно ответил:

– Товарищ полковник, вопросов нет. У вас свой водитель, мне без разницы, на какой машине ездить. Машина постарше? Ничего страшного. Как скажете, так и будет.

– Ну всё тогда. Давай, неси службу.

– Есть, товарищ полковник.

И пошёл дальше служить.

Новый шеф оказался полной противоположностью. И у него была причина.

Шеф, который боялся скорости

Начал возить другого шефа. Машина уже была старенькая.

А сам новый командир мне почему-то сразу напомнил моего деда, царство ему небесное, Ивана Григорьевича.

Серьёзный мужчина, невысокого роста, уже ближе к пенсионному возрасту.

Познакомились.

Его жена тоже работала в управлении. Однажды она сказала мне:

– Я слышала, что нам достался водитель-командир. Как хорошо! А то Ивана Григорьевича несколько раз переворачивали.

И рассказала про последний случай.

Водителем у него был грузин по имени Гиви. Ездил он быстро. Однажды была гололедица, и он перевернул «Волгу» на крышу.

В машине находился Иван Григорьевич, сзади сидел капитан и водитель. Когда машина перевернулась, эти двое здоровых мужиков, чуть ли не по 150 килограммов каждый, навалились на него.

Иван Григорьевич себе бровь разбил, весь в крови, еле дышит.

Кричит:

– Вы все живые?!

– Да!

– А чего же вы на меня развалились?! Я тут в крови и задыхаюсь!

Неподалёку ехала военная машина. Ребята быстро выскочили, поставили «Волгу» на колёса. Даже масло, говорит, ещё полностью не успело вытечь.

Вытащили их, отбуксировали, завели машину, и поехали дальше.

После этого случая Иван Григорьевич очень стал бояться водителя Гиви.

Поэтому сам ездил всегда очень осторожно, 60–70 километров в час.

А после моей езды мне сначала было ужасно скучно. Я привык к движению, к скорости, к манёврам, а тут едешь ровненько и монотонно.

Потом он начал разрешать мне до 80.

Вот 80: уже более-менее комфортно.

Постепенно он привык ко мне. Иногда даже начинал дремать в машине, потому что работы было много, постоянно приходилось мотаться.

Так у меня появился другой шеф.

А прежнего шефа я провожал с тяжёлым сердцем.

Отставить разговоры, товарищ солдат

А прежнего я провожал и, честно говоря, очень переживал. Я к нему сильно привык. Он для меня был не просто командиром, я как будто в его семью влился.

Он никогда меня не оставлял.

Если видел, что я не успеваю пообедать, давал денег, брал с собой. А когда у них были свои разговоры, планёрки, он меня отводил в сторону и говорил:

– Вот здесь покушаешь, посидишь.

Я ему:

– Да у меня деньги есть.

А он:

– Так, отставить разговоры, товарищ солдат. Выполнять приказ!

– Есть, товарищ полковник.

Через много лет я решил его найти.

Звонок через 30 лет

До меня у него водителем служил один парень, немец из Казахстана. Тогда ещё Советский Союз был, все вместе служили. Потом он уехал в Германию.

Через много лет мне очень захотелось узнать, как он, жив ли. Прошло уже 20, 30 лет.

Мне дали его координаты и домашний телефон. Позвонил. Жена взяла трубку.

Я представился, рассказал, кто я.

Она говорит:

– Мы вас не очень хорошо помним. Вы же недолго его возили, наверное, полгода?

– Нет, – говорю, – почти год.

Потом я попросил позвать Ивана Григорьевича.

Она сначала даже удивилась:

– Вам что-то нужно? Помощь какая-нибудь?

Я говорю:

– Почему помощь? Мне ничего не нужно. Слава Богу, я состоявшийся человек, у меня всё хорошо. Я просто хочу поблагодарить его.

И мы поговорили.

Как раз тогда был ковид.

Я сказал ему:

– Иван Григорьевич, дай Бог вам здоровья. Спасибо вам большое за всё. Я до сих пор очень благодарен за ту школу, которую прошёл рядом с вами, за ваше отношение, за вашу человечность. Для меня большая честь, что я служил у вас водителем.

А в части у меня были свои ребята. И в обиду я их не давал.

Своих в обиду не давал

А со вторым шефом мы тоже, в общем-то, жили душа в душу.

Я всегда старался быть примером для своих солдат и сослуживцев. Своих ребят в обиду не давал.

Я был немного подкачанный, занимался боксом. И когда старослужащие пытались обижать молодых, я этого не допускал.

Бывало, ездил в другие части. Если видел, что кто-то кого-то обижает, подъезжал. Они видели командирскую машину, и сразу шарахались.

А потом я говорил:

– Если ещё будешь обижать, пеняй на себя.

Потому что всякие армейские «закалки» и удары по ногам, это очень больно.

Я и сам в молодости через такое проходил. Например, в курилке я не курил, и некоторых это почему-то злило. Подойдут человек 5, начинают:

– Чё, спортсмен? То-сё…

Пнут, смеются.

Я тогда ещё не знал, как правильно себя вести в таких ситуациях. Не связывался, отходил в сторону и про себя только думал: «Уроды».

Поэтому своих ребят я уже старался защищать.

И многие потом меня помнили.

Некоторые, когда возвращались из армии на гражданку, находили мой телефон через сослуживцев, звонили и благодарили.

Один парень даже из Пензы меня разыскал.

Говорил:

– Спасибо тебе.

И мне было приятно это слышать. Значит, не зря я тогда старался быть человеком.

А ещё у армии были свои маленькие радости.

Кроссовки за 20 рублей

Ещё один момент помню.

Шеф купил новую «Волгу». Тогда это была вообще машина, большая редкость. Машины распределяли, и ему как-то по жребию досталась новая.

Он был очень доволен.

И меня однажды даже посадил за руль, дал прокатиться.

Вообще часто брал меня с собой.

Его жена тоже относилась ко мне очень хорошо. У них сын был уже студентом, учился в Челябинске. Оказывается, у них там была квартира, а сюда их перевели по службе.

Она иногда заезжала на базу, куда нам, солдатам, нельзя было. Там были склады Московского военного обеспечения. Там можно было купить хорошие вещи по очень дешёвым ценам, джинсы, куртки, обувь, что-то по сезону.

Я однажды спрашиваю:

– Можно с вами?

Она:

– Ты что-то купить хочешь? Деньги есть?

– Есть. Мне сестра присылает.

– Ну, пошли тогда со мной.

И я несколько раз ездил с ней.

Одевался там очень хорошо, потому что цены были просто смешные по сравнению с гражданкой.

Помню, спрашиваю:

– Сколько стоят кроссовки?

На гражданке говорят: рублей 120.

А там они стоили 20–25 рублей.

И когда сейчас вспоминаешь всё это, понимаешь: армия дала мне не только профессию, навыки и опыт.

Она дала мне людей.

Командиров, сослуживцев, молодых ребят, за которых я отвечал.

И, наверное, самое главное, научила ценить человеческое отношение.

Потому что спустя десятки лет ты уже не помнишь какие-то мелочи службы, но помнишь человека, который когда-то сказал тебе: «Поешь, солдат», дал денег на обед и не оставил тебя одного.

Такие вещи остаются с тобой на всю жизнь.

А потом старослужащие уволились. И служба пошла, как говорится, кайфовая.

ГЛАВА 15

Суп с сахаром и дочка полковника

Теперь мы старослужащие

Старослужащие уволились, и мы остались уже за старослужащих. Пошла совсем другая жизнь, более размеренная. Я стал полноценным командиром, замкомвзвода. Ответственность, конечно, была большая. В смысле: спрос стал больше, докапывались больше. Но меня это особо не тяготило. Наоборот, я уже привык к службе, к машине, к командиру и вообще к этой жизни.

Самое главное: моих ребятишек перестали вообще трогать.

Из третьей роты вместе со мной перешёл мой закоренелый друган Руслан. Потом укомплектовали взвод молодыми. На ВАЗики посадили тех, кто уже имел права. Старых ребят поменяли, остались мы, кто год отслужил, кто чуть меньше. Совсем молодых за руль тогда не ставили: если у человека были права, его уже старались посадить на машину.

Ротное начальство потихоньку начало присматриваться. Что-то не так: сразу вызывают, отчитывают, объясняют. Всё было на виду.

Так дни и бежали.

С командиром своим я уже хорошо сработался. Мужик был очень порядочный, никогда не ругался. Да и я особо не озоровал. Можно сказать, душа в душу жили.

Он даже путёвки мне иногда не подписывал, когда я уезжал. Знал, что я никуда не рвану. Во-первых, машина была заметная, а во-вторых, мы уже познакомились по-человечески, и он мне доверял.

Я рассказал ему о себе: что учился, спортом занимался, что меня вообще готовили в спецуру, в спецподразделение. Но перед призывом меня избили, я попал в больницу, и главврач не подписал мне направление. В спецподразделение я уже не попал.

Я тогда сказал: «Мне без разницы куда. Только через полгода, когда призывы уже закончатся, чтобы хотя бы со своим призывом идти и быть на полгода старше тех, кто пришёл позже».

Так я и попал в автомобильные войска.

Казалось, лучше и не бывает. Но впереди меня ждала новая история.

Служба кайфовая

Мы постоянно мотались по гарнизонам. То проверяющие приезжали, то проверки, то какие-то поездки. Практически постоянно были в движении.

А иногда наступали вообще замечательные дни. У командира планёрка: он сидит у себя в управлении, в кабинете, а я отдыхаю. На обед его отвезу, опять свободен.

Служба пошла, как говорится, кайфовая.

То в магазинчик заскочишь, что-нибудь себе присмотришь. Разочек старшина меня увидел. Я от него не успел увернуться, лицом к лицу встретились.

Он такой, ошалелый:

– Товарищ солдат, вы что здесь делаете?

Я ему:

– Меня папушка шефа за хлебом послал.

Он сразу:

– Да-да… Ну хорошо, хорошо.

И разошлись.

А по выходным мы с шефом то на рыбалку ездили, я их отвозил, то на даче порядок наводили: что-то подправить, собрать, починить. Он меня угощал, кормил. И постепенно пошла почти гражданская жизнь.

Самое главное: в части не торчать.

Только вот у командира была дочка-девятиклассница.

«Пап, можно я покатаюсь?»

У моего командира была дочка, училась тогда в девятом классе. Иногда она с нами каталась: то в магазин, то на поезд её отвезти, то встретить.

Разочек она говорит:

– Пап, можно я по городу покатаюсь?

А он ей:

– Это что такое? Покатаешься… Это тебе не гражданская машина. Оставь разговорчики.

Но сама сидит и в зеркало поглядывает. В салоне впереди зеркало, там хорошо видно передних.

А на даче она выкинула номер посерьёзнее.

Толчок сзади

А однажды были на даче. Я сидел на корточках, ел клубнику. Она подошла, проходит мимо меня и вдруг как толкнёт сзади.

Я: прямо в клумбу!

А шеф в теплице был. Теплица примерно по плечи, работать там приходилось согнувшись. И только голова у него торчала.

Он услышал, что калитка хлопнула. Смотрит: дочка пришла. Понял, что никто из соседей не пришёл, и продолжил заниматься своими делами.

И тут увидел, что она меня толкнула.

Я встал с корточек и ушёл на другой конец дачи, оставив их вдвоём.

Шеф всё видел. Но меня он после этого стал уважать ещё больше.

Почти как сын

Мы с ним очень сдружились.

Наверное, у него сына не было, и он относился ко мне почти как к сыну. Если денег не хватало или я где-то не успевал пообедать, накормит. Чай позовёт попить.

Иногда с балкончика крикнет:

– Василий, поднимайся!

Редко бывало, но разницы нет. Самое главное: по-доброму.

На выходных бывало: «Не спеши никуда». Наготовит всего, накормит. Чувствовалось человеческое отношение.

А места, куда мы с ним ездили, я до сих пор вспоминаю.

Где снимали «Вечный зов»

А места там были вообще потрясающие.

Когда он уезжал, мы объехали разные красивые места. В горах снимали фильмы. Там была такая речка, где огромные каменные глыбы, некоторые с человека ростом и даже выше. Как будто лавина сошла: лес повалило, и среди него образовалась целая каменная река.

Неподалёку была гора Ямантау, по-башкирски, кажется, «Лысая гора».

Ещё в тех местах снимали «Вечный зов». Был Мраморный утёс, Берёзка на скале, железная дорога, узкоколейка. Неподалёку Белорецк.

Вообще места были сказочные, тайга, горы, чистейшие горные речки. Вода белая, прозрачная, где-то даже форель водилась.

И мы ездили туда, он фотографировался со своими друзьями, подчинёнными. Мне всё это тоже очень запомнилось.

А ограничений практически не было. Я заезжал в магазины, покупал что нужно. Офицеры иногда даже заказывали тушёнку, кофе, сгущёнку, в закрытых точках, которые у нас назывались чипками.

Там уже совсем другое обеспечение было.

Помню китайскую тушёнку: «Великая стена», кажется, называлась. Большие банки. Мы её часто покупали, картошку жарили. Иногда после отбоя, иногда кто-нибудь на ремонте оставался, а шеф, бывало, уже отпуск отгулял, и второй раз его не отпускали.

Тогда я в боксе занимался машинами: подкрашивал, что-то подделывал, ремонтировал.

Если приходила посылка или у кого-то день рождения, мы собирались в боксе, обедали, разговаривали.

А обедали мы иногда так, что сейчас и не поверишь.

Сало с повидлом

Раз приехал, а там мой земляк из Саранска, Андрюха. Он как раз сидит, чай пьёт, бутерброд сделал: сало, а сверху повидло.

Я посмотрел:

– Андрюха, тебя не стошнит?

Он:

– Не-не-не. Я даже суп с сахаром иногда ем.

Я говорю:

– Прикольно. Вкусовые качества, получается, всё равно всё перемешается.

Посмеялись, пообедали. Он потом быстрее уехал, дела у него были.

Ребята подошли, тоже пообедали, поболтали. У кого день рождения был, поздравили.

В боксе всегда был дежурный. Следил за порядком, чтобы никто по машинам не лазил, ничего не трогал. Потому что бывало всякое: своя часть, соседняя часть, а кому-то обязательно хотелось чем-нибудь поживиться.

Поэтому дежурный был постоянно. Следил, чтобы всё было чисто и аккуратно.

Но главным артистом у нас был Олег.

Олег, любитель женщин

Был у нас ещё один очень прикольный парень, Олег, вроде бы из Молдавии. Он постоянно рассказывал разные истории.

У него был друг, капитан, высокий такой. Они были закадычными друзьями. Когда шеф куда-нибудь улетал, этот капитан оставался за него.

Однажды сел на переднее сиденье. Высокий, упёрся ногами, и разом сломал сиденье.

Олег потом говорит:

– Я шефу пожалуюсь! Ты мне всю машину разломал. Больше тебе её не дам!

А Олег вообще был большой любитель женщин. Где-нибудь обязательно себе подругу найдёт.

Едем, например, в аэропорт Белорецка шефа отправлять. Олег где-нибудь зависнет, а я его жду.

Потом говорит:

– Ладно, я и тебе подругу найду.

И действительно нашёл.

Рассказывал, как зашли однажды в магазин. Увидел симпатичную продавщицу и сразу к ней.

Она его игнорирует.

Он ей комплимент:

– Какие у вас красивые зубы, как вы красиво улыбаетесь!

Она отвечает:

– Ты что, не видишь? У меня кольцо!

Олег не растерялся:

– Да я просто к слову. С плохими зубами такую задницу не наешь!

Мы рядом стояли: чуть со смеху не попадали.

Она, конечно, засмущалась. А Олег быстренько:

– Спасибо, спасибо! Вы очень хорошо обслуживаете, очень любезно!

Правда, однажды его любовь к женщинам чуть не стоила ему машины.

Ремонт на морозе

Однажды они отправили шефа с подругами, а Олеженька решил один в город мотнуться.

В Белорецке была планёрка в аэропорту, в каком-то зале. От аэропорта до города прилично. Олег поехал, и завис.

Чувствует, что уже опаздывает минут на 10–15.

А у машины у него тормоза были неисправны. Один тормозной цилиндрик потёк, он его заглушил. Получалось: нажимаешь педаль первый раз, почти ничего, второй раз, уже тормозит. Педаль как бы прокачиваешь.

Олег что придумал?

Пошёл, руки испачкал, щёки испачкал, машину обмазал, чтобы выглядело, будто он действительно ремонтировал.

Приезжает.

Шеф ему сразу:

– Что такое?

Олег:

– Да вот… поехал вам покушать купить и всё такое. И сломался. Тормоза отказали. Трубку заглушил.

– А как теперь мы доедем?

– Ручник работает, товарищ полковник. Потихоньку доедем.

Нажимает педаль: тормозов нет. Показывает ручник.

Ну, короче, доехали.

На следующий день с утра шеф собрался, зама по пути прихватили. Едем, настроение хорошее.

Шеф говорит капитану:

– Товарищ капитан, представляете, у меня Олежка вчера на морозе машину отремонтировал! Мы даже без тормозов до Белорецка доехали!

Капитан сидит, смотрит на шефа, потом на меня, и говорит:

– Да он сам, небось, ходил к подруге своей. Поэтому и опоздал!

А вот капитану, который покрывал Олежку, эта история вышла боком.

ГЛАВА 16

Шеф всё узнал

У шефа был заместитель, капитан Гулян. А у того свой водитель, Олеженька. Любил Олег по женщинам ездить, а капитан его прикрывал.

Однажды шеф обо всём узнал.

Олеженька, конечно, отпирался:

– Нет, товарищ полковник, он всё врёт!

Но шеф решил по-своему. Перестал давать заместителю машину. А за выездами Олеженьки стали следить строже: куда поехал, когда вернулся, где отметился.

Потом Олег ещё и сиденье в машине сломал.

Шеф посмотрел:

– Всё. Больше машину ему не давать.

Совсем с машины Олеженьку всё-таки не сняли, пожалели. Но самостоятельно ездить уже не разрешали.

А заместитель в итоге остался без машины. Ходил пешком, просил подвезти то туда, то сюда.

И ведь началось всё с доброго дела. Капитан познакомил Олеженьку со своей знакомой, хотел помочь.

А получилось наоборот: помог Олегу, а сам попал.

Мы, конечно, ржали. Олеженька сильно переживал, думал, что его вообще с машины турнут.

Но в армии любая мелочь могла обернуться неприятностями. Нам с Русланом однажды тоже вздумалось съездить туда, куда не разрешали. И одна ночь могла стоить мне жизни.

ГЛАВА 17

Как в мясорубке

С Русланом мы были близкими друзьями. Даже кровати рядом занимали.

Молдаване в горах

Как-то он узнал, что в деревне в горах живут молдаване. Познакомился там с девушкой и начал к ней ездить.

Ты что, жениться собрался?

Однажды говорит:

– Поехали, я тебя познакомлю.

Я ему:

– Ты что, жениться собрался?

– А чего нет? Посмотрим.

Решили поехать вчетвером. Взяли служебный УАЗик-буханку. Тортик купили, термос с чаем. Думали быстро съездить и вернуться, чтобы никто не заметил.

Три прокола в талоне

Но у нас с выездами было строго. Военная автоинспекция проверяла машины, а у меня уже было 2 прокола в талоне. Третий — и можно было лишиться прав.

Тем не менее поехали.

Приехали в деревню, посидели, чай попили, познакомились.

Потом ребята начали переживать:

– Давайте уже домой, в бокс поедем. Не дай бог, проверяющие будут.

Едет военная автоинспекция

И только он это сказал, смотрим — едет военная автоинспекция.

А наш парнишка как раз работал на ВАИ. И вместо того чтобы тихонько проехать, он включает мигалки, и сворачивает прямо в нашу сторону!

Мы смотрим друг на друга:

– Ну всё, приехали.

Олег свою девчонку взял и пошёл в деревню:

– Я пешком доберусь.

А мы машину поставили немного в сторонке, возле дороги. Вышли и спрятались.

Я решил посмотреть из-за кустов, кто едет. Это была моя ошибка.

Шагнул за кусты

Я решил перейти через дорогу и за кустами посмотреть, кто едет, что происходит, послушать разговоры.

Только шагнул за кусты, и провалился.

Оказывается, там был огромный карьер.

Я даже не понял сначала, что произошло. Земля ушла из-под ног, и я полетел вниз. Хорошо, что там был выступ, какая-то большая каменная глыба. Я на неё и попал.

Наверное, метров 5 проскользнул, может, чуть больше. 10 точно не было. Но мне и 5 хватило.

Я резко провалился, попытался схватиться за дерево, какой-то орешник, но он меня не удержал. И я пошёл вниз.

Коленом ударился, бедром прошёлся по камню, а щёку распороло, как лезвием.

Карьер был каменистый, горный, там что-то добывали. Потом, когда я уже выздоровел, мы туда приезжали смотреть. Я стоял и смотрел вниз и думал: туда пятиэтажный дом можно было бы опустить.

А я ведь мог просто уйти глубже.

Там были такие камни, как будто загнутые, острые, словно пропеллеры. Если бы я не попал на тот выступ, от меня, наверное, ничего бы не осталось.

Как в мясорубке.

Я весь был в крови. Нога от колена практически до бедра разодрана. Штанину вместе с кожей и мясом закрутило в этот камень. Получился такой здоровенный шрам.

Щёку тоже прорезало очень тонко, прямо полоской, как лезвием. Я ещё потом думал: если бы чуть в другую сторону прилетел, могло бы и нос отрезать.

Короче, стресс был серьёзный.

Меня сразу отправили в санчасть. Штанину разорвало, всё обработали. Хорошо, у меня был запасной ХБ, хозяйственное бельё, как тогда говорили. Штанины широкие.

Переоделся в чистое и остался в санчасти.

А утром мне надо было везти шефа.

«Ты чего не побрился?»

А на следующий день надо было шефа везти.

Нога опухла, температура поднялась, щёка покрылась корочкой. Ногу я практически не мог согнуть.

Утром шеф меня увидел:

– Ты чего не побрился?

– Упал вчера, товарищ полковник.

– Где это ты так упал?

А я понимаю: если сейчас патруль начнёт докапываться, почему ночью где-то были, где путёвка, что делали, почему не там, проблем будет больше.

Говорю:

– Да там по камням шёл, уже поздно было, стемнело. Споткнулся. Ногу разбил, щёку.

Он посмотрел:

– Тебя случайно никто не избил? Не дрался ни с кем?

– Нет, товарищ полковник, у меня такого нет.

– Ну ладно.

И, слава Богу, как раз было 1 мая. Шеф улетал в Москву.

Я его довёз до аэропорта. Ногу согнуть практически невозможно. Газ нажимаю, а на тормоз правой ногой нормально нажать не могу. Приходилось тормозить левой.

Ещё и в широких галошах ездил, они как раз позволяли опухшей ноге поместиться.

Шефа я отвёз, а меня отпустили домой:

– Раз ты болеешь, я и без тебя доберусь.

Он улетел в Москву, а появился только после праздников, примерно 10 мая.

За эти 10 дней я немного очухался.

Но на этом история не закончилась.

Кто тебя избил?

Но меня всё это время таскали на разбирательства. Шеф позвонил, чтобы выяснили, что со мной произошло. Видимо, подозревали, что меня могли избить.

Потом я показывал место, где упал.

Хорошо, нашёл трубы отопления, здоровенные трубы, которые город отапливали. Там стояли стойки, швеллеры торчали, края после сварки были острые.

Я показываю:

– Вот здесь ночью поскользнулся.

Начальник штаба говорит:

– Мы ещё разберёмся, кто его избил. Он сам ничего не говорит. Может, деревенские, может, ещё кто-нибудь.

А я говорю:

– Да я не скрываю. Я действительно упал.

Вроде бы лёгким испугом отделался, но нога потом долго побаливала.

А потом нога напомнила о себе ещё раз.

Лезвие и одеколон

Колено зажило, шрамы остались. А потом ещё на большом пальце ноги какой-то фурункул выскочил. Сапог надеть невозможно.

Я в тапочках ходил.

Говорю:

– Товарищ полковник, вот такая история.

Вчера лезвием вскрыл.

Он посмотрел:

– В госпиталь надо?

А мы ведь тогда сами себя лечили. Отчаянные были.

Кто-то мне говорит:

– Лезвием плохо. Ткани рвутся, долго заживает.

А я ещё лезвие одеколоном обработал, вот тебе и стерильность.

В общем, вскрыл. Там столько гноя вышло, ужас.

Потом бинт, пластырь, всё аккуратненько заматывал, чтобы не задевать.

Но палец всё равно долго не заживал. Кожа нормально не срасталась, всё время трескалось.

В итоге шеф всё-таки правильно сделал, отправил меня в госпиталь.

Я там 3 дня пролежал. Мне перевязки делали, посмотрели, обработали. Палец был сильно красный, нога уже болела.

За 3 дня всё успокоилось.

Медбрат мне ещё сказал:

– Купи сапоги на размер больше, пусть нога свободной будет.

Так и сделал. Купил сапоги на размер больше, немного их под себя подогнал, стельку положил, и ходил.

Сейчас вспоминаешь, и сам удивляешься, насколько мы были отчаянные. Сам себе и доктор, и водитель, и спасатель.

А главное: тогда всё воспринималось как обычная армейская жизнь.

А ведь тот карьер мог закончить эту историю совсем по-другому.

Слава Богу, что остался тот выступ.

Слава Богу, что я на него попал.

А ближе к дембелю на меня взъелся старшина. И это уже была не шутка.

ГЛАВА 18

Пять суток ареста

5 суток за обед

Короче, выехали мы на УАЗике на обед. Шеф у меня был в Москве, уезжал дня на 10. И кто-то из управления увидел, и позвонил в часть. Командир части вызвал старшину. Старшина зашёл к командиру, а дверь была чуть приоткрыта. Я ещё потихоньку помог, чтобы слышно было, что там происходит.

Старшина нажаловался, там куча жалоб. А служба уже к концу шла, можно сказать. Бочку на меня гнал: приказы не слушает, уходит во сколько хочет, приходит когда хочет, в столовую не ходит. Ну, короче:

– Трое суток ареста.

А он опять жалуется, жалуется, жалуется: совсем распустился, командование не чует, и всё такое.

– 5 суток ареста.

Он ещё пуще распетушился. Командир слушал-слушал, надоело ему уже эти песни слушать:

– Всё, товарищ прапорщик, давайте заканчивать.

А тому надо было ещё до 7 суток.

– Всё-всё, хватит, не надо его уже совсем принижать. Во взводе у него порядок, жалоб нету, никого не обижает. Я смотрю, он сам всегда чистый, опрятный. Не слышал, чтобы какие-то инциденты были. Так что не надо, и 5 суток хватит.

Вызвали меня. Комбат говорит:

– Ну что, товарищ сержант, вот товарищ прапорщик донёс, что были нарушения. Вы выехали без путёвки на обед, шефа нет, из управления позвонили, я должен отреагировать. 5 суток ареста.

– Есть 5 суток ареста.

– Всё, вы свободны.

Старшина такой обрадованный, весь сияет. Приходит в роту:

– Ну всё, собирайся, пойдёшь отдыхать.

А я про себя думаю: какой же ты немного пакостный.

Это была уже вторая моя встреча с губой.

Фляжка не по уставу

А до этого он меня уже один раз на губу отводил. Взъелся на меня: то ли без фляжки я ходил. Фляжки тогда выдавали, чтобы вода была с собой: дизентерии все боялись, или чего-то подобного. Положено, чтобы фляжка была на поясе. А я был в парадной форме, тогда ещё в парадке ходили. Парадка, и фляжка, как-то вообще непонятно. Сказали, что надо воду брать, ну я и иду за водой, несу фляжку в руке. А он как раз дежурный по столовой был, увидел:

– Товарищ сержант, подойдите ко мне. Что это такое, не по уставу? На место фляжку!

Сначала докопался, что фляжки нет, теперь, что фляжку не так несу. Такие вот мелочные придирки.

– Мне воды надо набрать сначала.

– Сначала надо повесить на место, на пояс.

И разочек они меня с ротным дожидались до 12 ночи. Я захожу, а он из-под окна раз, потихоньку назад и за дверь спрятался. Дверь в канцелярию открыта была. Я захожу, он за мной дверь закрывает. И давай меня муштровать до часа ночи: «Я вам приказываю то, я вам приказываю это». Ремень кожаный снять, сапоги не так, ещё что-то. Причёску,

мол, носишь как рокер-брейкер. А я под теннис стригся, всё так чётко получалось, одеколончиком пахнет. Может, зависть даже была. Я всегда был такой чистенький, опрятный. Где-то есть фотография с этой причёсочкой, надо найти, мне нравится.

В тот раз он продержал меня в канцелярии до часу ночи.

Ночь на губе

Ну вот он меня и отвёл на губу. Губа была прямо рядом с ротой. Я там переночевал. Утром приходит, а я ему говорю:

– Мне выехать надо будет в 5 часов, так что вы в 4 часа должны за мной прийти. Мне ещё до бокса дойти, машину завести, посмотреть, в порядок привести, подготовиться. Мы едем аж в Белорецк.

А он такой взъерошенный: у него только маленький ребёнок родился. Ему и так надо было до 12 торчать со мной. Ну, думаю, я тебе тоже байду устрою. Он прибегает в 4 утра:

– Ну что там?

Ушёл во втором часу, пришёл в 4, не выспался, а всё равно довольный, что меня туда засунул. Идём около роты, я так позёвываю и говорю потихоньку, как бы сам с собой:

– Ну вот, не дали спать. Не дай Бог сейчас за рулём усну. Ещё сойду с трассы, переверну машину.

А он слышит, наматывает на ус, поворачивается ошалелый:

– Ты что, не выспался?

– Да выспался я или не выспался… Вот нарочно съеду с дороги и потихоньку скажу: так и так, не дали спать. Рискуете и моей, и вашей жизнью. Не знаю, чего ко мне докопались, – пускай придут и разберутся с вами.

– Ты не сделаешь этого. Ты не посмеешь.

– Не знаю, – говорю, – как получится. Будете вот так со мной в кошки-мышки играть… Что, войнушку решили поиграть? Не за что наказать, так ещё что-нибудь найдёте? Вы думаете, я к вам без уважения отношусь? С уважением, когда вы ведёте себя нормально. Должно же быть какое-то взаимодействие. Во взводе у меня порядок, никаких эксцессов нет, вы сами видите.

– Ну ты давай, пожалуйста, если время есть, чуть-чуть поспи.

– Нет, у меня времени нет, мне бежать надо. Сейчас умоюсь, зубы почищу, всё в порядок приведу. Не пойду же я к шефу вонючий, с губы.

Спал я там на нарах. Стены заштукатуренные, там одиночки есть, я один был. Нары деревянные посерёдке стояли, от стены до стены. Благо тепло было.

Пришёл я в бокс, поспал в машине до 7, проснулся, умылся, машину выгнал, посмотрел, и к 8 к шефу.

И вот эти нюансы он запомнил. Зловредненький был. Прошло, наверное, месяца 3–4, и он всё в кучу собрал. Сейчас из управления позвонили, а так бы он не смог меня закрыть, комбат бы на это не пошёл. Если уж совсем залёты, самоходы, пьянки, драки, кто-то машину перевернул, тогда да. А у меня всё было ровно, под присмотром. И слышали, что я и за ребят заступаюсь. Слава Богу, всё получалось.

Ну вот, пришёл он, довольный, что на 5 суток меня оформил:

– Ну, товарищ сержант, собирайтесь на отдых.

– Спасибо, товарищ старшина. Я слышал, как вы там на меня… Вы мне ещё больше 5 суток хотели.

– Ты что, подслушивал?

– Да нет, просто дверь приоткрыта была. Спасибо вам большое.

Он это запомнил. И через три месяца отыгрался.

Самый старший на губе

Эти 5 суток на губе я отсидел. Меня там практически все знали, потому что их ставили к шефу: цепь на воротах опускать, кто-то секретарём был. Сержанты нормальные, только один там был поганенький. Но это уже следующая история. Он уволился ещё до этого времени. А мы уже тоже к дембелю подходили, оставалось месяца 2, что ли.

Один день там забор чинили: копали ямы, столбики втыкали вокруг городка. Я сержант, а там рядовой мне говорит:

– Ты, сержант, не перебарщивай, что-то разогнался. Если так копать и втыкать, вы забор за один день сделаете. А потом вас куда-нибудь на ещё более грязную работу пошлют.

Ну, разъяснил он мне. Я говорю:

– Да я не знаю, как здесь что.

А офицер там: «Пахать, отдыхать им не давайте». До обеда поработали. На обед пришли: нас человек 5 было. Там распределяют, кого куда.

А на следующий день меня вообще старшим послали. Краснопогонников где-то собрали, их не хватало. И старшина там был, который со мной на шашлыки ездил. Он вызвал меня в кабинет:

– Чего ты там натворил?

– Да ничего. Шеф в Москве, а мы на обед поехали без путёвки. Опаздывали, денег нету, выйти не можем, а поесть надо.

– Ну что, собрались все, заскочили, кто там на ремонте… Не надо было так делать. Машину надо было с другой стороны прятать, а не около КПП ставить.

– Да я как-то без задней мысли.

– Вот-вот. Ладно, сегодня старшим пойдёшь. Пройдёте забор вокруг городка, посмотрите все дыры, проволоку возьмёте, двоих солдат возьмёшь, или троих, надеюсь, хватит. Слишком не торопись, растяни это дело дня на 2–3.

– Всё понял, товарищ прапорщик.

Пообвязывали вокруг городка. Мне, конечно, неудобняк, многие меня знают. Ну, тут я вообще старший. Зашли в лесочек:

– Всё, ребята, отбой, кто отдыхает, кто что.

До обеда отдохнули, пошли на обед, после обеда ещё чуть-чуть прошли. И на следующий день, так же старшим.

Уже 3 дня прошло, а ещё 2 дня я делал черенок для топорища. Прапорщик взял меня к себе: «Пойдём со мной». Сидели в слесарке, он что-то себе делал, а я топорище. Что-то получалось, что-то не получалось, он показывал, учил, шлифовал, подшлифовывал. Эти 2 дня я с ним был. А в конце нас закинули брёвна таскать, в баню дрова готовить. Ну, потаскали, немного испачкался, а так я чистый был.

Майор там был, начальник, боксёр. Говорили, пуговицы в грудь забивал тем, кто слишком сильно вспухал или беспредельничал.

А была ещё одна ночь на губе. Из-за пилотки.

Без пилотки

А ещё разочек я на губе переночевал, это когда нас уже с парадки переодели. Забыл пилотку.

По дороге патруль. Они раз: заныкаются где-нибудь за углом. Идёшь, не видишь, а потом уже не убежишь. Мы втроём шли. Нам надо было строем идти, плюс пилотка должна быть на голове. А я пилотку всегда за ремень просовывал, чтобы ветром не сдуло, чтобы в руках не держать. Раз сунулся: пилотки нету. Всегда надеешься, что она за поясом. И всё, меня сразу на губу.

А там сидел тот самый сержант, с которым на шашлыки ездили. Он и секретарём у шефа заступал, и цепь на КПП опускал, их перекидывали. Я говорю:

– Да тут уже 100 метров до части осталось. Пилотку забыл, зашился немного.

– Да вы все зашиваетесь, я вижу. Мотаетесь только по городку на УАЗиках, ничего не делаете, балдеете, а не служба. Сейчас закроем тебя, переночуешь здесь. Шеф тебя завтра с машины попрёт.

– Не понял, – говорю. – Ты чего творишь-то? Ну запиши мне предупреждение. Часть-то вот она. Отпусти через забор…

– Да без пилотки никто тебя не отпустит. Я тебя сейчас вообще закрою.

И прапорщик этот говорит:

– Давай-давай, закрывай. Пускай шеф разбирается. Его вообще надо с машины вытурить.

А я думаю: ты-то кто такой? Ну, все, короче, завидуют, что у нас служба сладкая. Они ночью дежурят, а мы на машинах ездим. Всё понятно.

Оформляет он меня и закрывает. Утром пришёл командир части, тот самый майор. Он всегда пораньше приходил, подъём в 6. Поднимает меня. Я вскакиваю взъерошенный, не пойму, в чём дело, где я. Смотрю: стены, майор стоит, а этот сержант длинный улыбается, ухмыляется:

– Вот, товарищ майор, команды не слушает, без пилотки ходит, вообще распоясался. Его вообще с машины надо турнуть.

А я стою и говорю:

– Пристегнитесь, товарищ сержант. Вы стоите перед офицером непонятно как.

А сам так спокойно застёгиваю верхнюю пуговицу, крючочек, всё поправил.

С этим сержантом мы ещё встретимся. На его же КПП.

ГЛАВА 19

Дружба-дружбой, служба-службой!

Тот самый сержант

Это тот самый сержант, который когда-то меня на сутки на губу закрыл. С ним же мы потом ездили на шашлыки. Были они там своей компанией: сержанты, прапорщик. Это были так называемые краснопогонники, военнослужащие, которые несли службу на гауптвахте, ходили в наряды, патрулировали территорию. По сути, следили за военнослужащими.

У этого сержанта со мной сначала отношения были нормальные. Он даже заступал секретарём к шефу, потом стоял на КПП. Когда шеф подъезжал к части, он открывал ворота, вручную опускал цепь, отдавал честь, всё было под контролем.

А вот тот случай с губой мне тогда очень не понравился. Я ведь сам подошёл к нему по-человечески: говорю, оформи мне выговор, если надо, и отпусти. Мне утром за руль, я должен выспаться. Но он почему-то решил показать характер и начал выслуживаться. Хотя мы с ним до этого полгода, наверное, вместе ездили, общались, знали друг друга.

Меня, конечно, это не сильно подкосило. Утром я всё рассказал шефу. Ему и так доложили, что его водитель оказался на губе. Я объяснил:

– Товарищ полковник, так получилось. Перегоняли машину, я всё подготовил. Пилотку всегда стараюсь засовывать в одно и то же место, чтобы нигде её не оставить. Но вот в этот раз забыл.

Шеф у меня был мужик замечательный. Он спокойно говорит:

– Василий, только не перебарщивай. Ничего страшного. Были у тебя раньше замечания?

– Никогда, товарищ полковник.

– Ну вот. Больше не попадайся и держи всё под контролем.

– Хорошо, спасибо.

Утром шеф меня простил. А я решил сержанта немного проучить.

Фуражка не на том

И вот после этого я уже решил немного пошутить над нашим «строгим» сержантом.

Он заступил на КПП. А мы как раз ездили на одной машине, шеф не разрешал нам без необходимости мотаться по городу на всех машинах. Поэтому иногда брали одну машину и ехали.

Был у нас один молдаванин, земляк Олега. Сам такой мужчина уже предпенсионного возраста, немного полный, и внешне чем-то напоминал своего начальника. Даже фуражку свою иногда забывал. У него их, кажется, 2 было, специально, чтобы не остаться без неё.

И вот однажды он сел в машину, а его водитель надел его офицерскую фуражку. А рядом с КПП был такой затяжной поворот, подъём, и издалека сразу не разберёшь, кто сидит в машине. Тем более комплекция у них была похожая.

Мы ещё издалека начинаем сигналить. Этот сержант видит машину, начинает бежать к окошку, вскакивает, цепь опускает и стоит по стойке смирно.

А мы подъезжаем прямо к нему. Открывается форточка, и из машины ему говорят:

– Вольно-вольно! Чего ты так стараешься? Скоро на дембель пойдёшь, там и набегаешься.

Ему оставался примерно месяц до увольнения.

Так мы его несколько раз подёргали: то выедем, то заедем, то снова посигналим. Он каждый раз бежит, опускает цепь, стоит смирно. А мы едем дальше.

А когда я вышел с губы, зашёл к нему на КПП.

Лычку на дембель заработать хотел?

А на следующий день, когда я уже вышел с губы и зашёл к нему на КПП, говорю:

– Я что-то не понял. Что ты там из себя изображал? Прямо так старался. Лычку на дембель заработать хотел? Или завидно стало, что ты здесь бегаешь, а мы на машине по городу ездим?

И напоминаю ему:

– Мы с тобой сколько времени вместе ездили? На шашлыки вместе выезжали. Там ты вроде нормальный человек, а здесь вдруг такой строгий стал. Служба есть служба, это понятно. Но зачем же человека специально подставлять?

Он начал что-то объяснять, что, мол, служба есть служба.

Я говорю:

– Ну хорошо. Служба есть служба. Но по-человечески тоже надо оставаться человеком.

После этого я с краснопогонниками больше не братался.

Но с губой и её порядками на этом история не закончилась.

Про губу ходили разные истории

После этого я уже особенно с краснопогонниками не братался.

Про них ходило много всяких историй. Говорили, что на гауптвахте бывало всякое: могли жёстко обращаться с теми, кто туда попадал, заставлять выполнять различные наказания. Губа есть губа. Особенно тяжело было в холодное время, когда бетонные стены и полы промерзали, а шинелей могли не давать.

Я сам уже в мае на 5 суток попал, а в начале июня должен был увольняться. Тогда на улице снег выпал, температура около нуля была. И я подумал: хорошо, что это уже последние дни службы, а не зима.

Были там и нормальные ребята, с которыми мы хорошо общались. Один мне после того случая сказал:

– Да это просто такой человек. Он, наверное, и по части постоянно докладывал на всех.

А у нас действительно был один такой стукач. Его вычислили. На дембель он уходил, и ребята ему тогда устроили очень неприятную «проводы». Парадную форму подготовил, всё выгладил, а ему в последний момент испортили некоторые элементы формы. Конечно, сейчас понимаю, что это неправильно. Но в армии тогда всякое бывало.

Вообще, были разные люди. Кто-то нормально служил, кто-то старался выслужиться за счёт других, а кто-то просто пытался обратить на себя внимание.

Но у нас в основном ребята были нормальные. Я, когда уже стал замком взвода и работал с молодыми, старался никого не унижать и не задирать. Были землячества: своих земляков старались поддерживать, помогать им, присматривать друг за другом.

У меня во взводе тоже были ребята из Мордовии. Андрей, 2 брата-близнеца, одного, к сожалению, уже нет в живых, царство ему небесное. Всего нас, мордовских ребят, было человек 5 на огромную часть. У других тоже были свои земляки.

В армии это было естественно: когда приходили новые ребята, каждый присматривался, кто откуда, кто земляк, кому можно помочь.

Я всегда старался по возможности никого не задирать. Но, конечно, иногда и молодые начинали борзеть. И вот один такой случай у меня произошёл зимой, со снегом и скребком.

А зимой свои же молодые решили меня проверить.

Скребок и гауптвахта

Зимой у каждого был свой участок, который нужно было чистить от снега.

И вот мои ребята однажды решили схитрить. Был у нас один скребок. Они им немного расчистили проход, а потом скребок куда-то за роту закинули и спрятали.

Я пошёл искать второй, чтобы быстрее всё закончить. Принёс скребок и спрашиваю:

– Чего не убираете?

Мне отвечают:

– Старослужащие пришли, отобрали.

Я говорю:

– А вы что, не старослужащие? А кто тогда старослужащие?

Начали что-то объяснять, выкручиваться.

Я потом захожу за роту по делам и вижу: лежит наш скребок. Причём рядом с ним никого. Оказалось, один парень из нашего призыва, уже сержант, вместе с молодыми решил такую шутку устроить.

Я позвал всех и говорю:

– Это что такое? Почему снег не убираете? Вы думаете, я сейчас буду здесь за вас лопатой работать? Старшина придёт, мне втык даст, а вы спокойно пойдёте в бокс греться?

Один начинает бурчать:

– А ты что, старослужащий?

Я говорю:

– Не надо из себя ничего строить. Не хочешь убираться, завтра пойдёшь в дневальные. У тебя машина стоит, шефа нет, значит, будешь заступать в наряд.

Он ещё что-то начал мне говорить, мол, чего я тут из себя сержанта строю.

Я спокойно отвечаю:

– Я никого из себя не строю. Но за такие вещи я отвечать буду. А теперь берёшь скребок вместе с молодыми, и бегом чистить.

И тут один решил, что может мне перечить.

Сугробная разборка

Он продолжает выёживаться. Я его слегка подтолкнул в сугроб, мол, хватит разговаривать, работаем.

И тут молодые решили за него вступиться. Подбежали, схватили меня за руки, начали выворачивать.

Я говорю:

– Вы что, совсем обурели?

Началась уже настоящая возня. Я один, их несколько. В какой-то момент я дёрнулся, один из них оказался передо мной. Шапка у меня слетела, и я рефлекторно махнул головой. Получилось так, что попал ему в лицо. Он сел в снег.

Других двоих, которые меня держали, тоже пришлось оттолкнуть. Одному ещё коленом пришлось помочь отойти в сторону.

Всё произошло буквально за несколько секунд. Никто специально не собирался устраивать драку, просто молодые перешли границу, а я уже тоже завёлся.

Потом я взял себя в руки.

Говорю:

– Всё. Хватит. Скребки в руки, и чистим.

И они быстро всё почистили.

После этого я уже установил порядок.

Говорю:

– Больше таких шуток не будет. Кто не хочет работать, будет заступать в наряд. Кто не выезжает с шефом, будет оставаться и помогать. А если будете продолжать борзеть, я просто начну сдавать вас по полной программе.

Потому что меня могли до ночи гонять, на губу отправить, выговорами чехвостить, а они в это время спокойно сидят в боксе и греются.

Говорю:

– Вы будете делать всё организованно. В столовую, вместе. Выехали, вместе. Пришли, вместе. Не будет такого, что один пошёл, другой остался, третий спрятался.

После этого порядок установился.

И главное: я всегда старался, чтобы за строгостью оставалось человеческое отношение.

Но перед самым дембелем меня ещё попробовал построить Рассул.

ГЛАВА 20

Перед самым дембелем

После отпуска я вернулся в часть, прекрасно отдохнув, повидался со Светочкой и сразу снова влился в привычную армейскую колею. Всё пошло уже по накатанной.

Шведская жена

А перед дембелем жизнь уже стала спокойнее. Мы постепенно готовили молодых, стажировали их, передавали им свой опыт.

У меня была ещё одна интересная возможность благодаря знакомой женщине, которую мы называли «шведской женой». Она могла заезжать в универмаги и на базы, где было московское и военное обеспечение. Я иногда просился с ней, и она спокойно меня брала. Более того, даже советовалась со мной, что лучше купить.

У неё сын был примерно моего возраста и такой же комплекции, поэтому она хорошо понимала, что мне подходит. Благодаря этим поездкам я смог приобрести и отправить домой много хорошей одежды.

Андрей, мой напарник, тоже оказался в интересной истории. Когда он ещё проходил доподготовку в учебке, его там немного начали прессовать. Она написала мне, что Андрей заезжал туда, и пришлось нам вмешаться. Даже сильный сержант его поставил под своё покровительство. После этого его перестали трогать.

Но спокойно дослужить мне не дали.

Рассул командует

А потом уже в нашей части произошёл другой случай.

У нас появился парень из Дагестана, Рассул. Вместе с ним в роту перевели ещё нескольких его земляков. Андрей тоже был с нами.

Однажды я захожу и вижу: Андрей стоит какой-то растерянный, не понимает, что делать.

Спрашиваю:

– В чём проблема?

Он говорит:

– Да вот, он заставляет меня здесь убираться.

Я спрашиваю:

– А ты что, дневальный?

– Нет.

– Тогда кто тебя заставляет?

– Рассул.

Я говорю:

– Рассул, а какие проблемы? Ты что командуешь здесь? Своих земляков, молодых, заставляй, если надо. А ты здесь при чём?

Рассул был рядовым, а я сержантом. Но он недавно перевёлся из другой части, прожил у нас всего около месяца и, видимо, перед своими земляками решил показать себя большим начальником.

Он начал что-то возражать, повышать голос.

Я ему говорю:

– Ты нос-то не задирай выше крыши. Хочешь кем-то командовать, командуй своими земляками. Но Андрея оставь в покое.

Он ещё больше начал горячиться. Я сделал резкое движение рукой около его лица, скорее чтобы остановить его и привести в чувство.

И тут он:

– Братцы! Он меня ударил! Он меня ударил!

Я говорю:

– Рассул, ты что? Если бы я тебя действительно ударил, ты бы сейчас по стеночке сползал. Не придумывай.

Он стоял, что-то моргал, нервничал. Вообще иногда, когда возникали подобные ситуации, он заметно терялся.

Я тогда Андрею сказал:

– Ты смотри у меня. Если ещё что-нибудь подобное сделаешь, я сам тебя каждый день буду заставлять и в наряды ставить.

А Рассулу говорю:

– А ты иди и над своими земляками командуй. Раз уж ты такой герой, будешь в наряды ходить и своих земляков с собой брать.

В итоге его земляков действительно начали ставить дневальными уже по распоряжению старшины. А молодых, которые ещё не ездили на машинах, тоже постепенно ставили в наряды и дневальными, всё шло своим чередом.

Я думал, на этом всё. Но через несколько дней Рассул подошёл сам.

«Вася, извини»

Через некоторое время Рассул сам подошёл ко мне:

– Вася, извини. Я что-то был неправ.

Я говорю:

– Ну и ты меня извини. Я не люблю, когда на меня голос повышают. И вообще, чего ты перед молодыми петушишься? Ты чего, совсем обурел?

Он:

– Да ладно, ладно. Извини.

Я ему говорю:

– Я от тебя такого не ожидал. Ты вроде спокойный парень, а здесь вдруг решил героем стать. Со мной так не надо. Или по-человечески, или никак.

На этом и помирились. Никаких больших разборов полётов не было.

Оставалось доучить молодых и собрать дембельский дипломат.

Зарплата 300 рублей

Потихоньку мы доучили молодых, отстажировали их и сами уже начали готовиться к дому.

К дембелю я немного разжился деньгами и смог купить подарки, да и себе обновить гардероб практически с ног до головы.

У меня были белые брюки, кроссовки, даже несколько пар, ботинки «Salamander», джинсы, зимняя куртка с высоким воротником, индийская, на меху. Куртка вообще была шикарная: воротник пристёгивался, получался такой двойной воротник, в городе выглядело просто супер.

Вообще, за армию я смог неплохо заработать.

До армии я работал с животными: сначала пас лошадей, потом около полутора лет работал молодым животноводом. Летом пасли быков, зимой их откармливали, потом занимались дойными коровами.

Летом стадо было огромное, голов 300, наверное. Нас было трое-четверо: трое пасли, один отдыхал.

И платили по тем временам очень хорошо.

Например, в городе на электромонтаже я, имея высшее образование, получал примерно 120–140 рублей. На кабельном заводе зимой выходило около 180–200 рублей. А на животноводстве, особенно летом на выпасе, зарплата доходила до 300–330 рублей.

По тем временам это были просто колоссальные деньги.

Поэтому к дембелю я смог и себя одеть, и кое-какие подарки купить.

И вот настал день, которого ждёшь с первого дня службы.

Дембель

И вот уже наступил тот самый момент, которого ждёшь практически с первого дня службы.

Дембель.

Самое прекрасное ощущение: понимать, что совсем скоро ты будешь свободным человеком. Никто над тобой не будет командовать, не будет подъёмов, строевых, нарядов. Свобода!

У меня уже был куплен дипломат. Были фотографии, которые я собирался привезти домой. Часть фотографий мы принесли в роту, хотели с ребятами обменяться, посмотреть, кому какие нравятся.

Но часть фотографий кто-то умудрился стащить. Такая армейская история: что поделать.

Некоторые фотографии всё-таки остались, и перед дембелем мы ещё поснимались.

И вот настал этот день.

Я приехал домой, остановился у тёти Ани, скинул чемоданы, взял дипломат с подарками и первым делом поехал к Светочке.

К девчонке, которая говорила мне: «Ты просто друг».

III

РАЗДЕЛ

БЕСКОМПРОМИССНАЯ ЛЮБОВЬ

ГЛАВА 21

Ты мне просто друг

Лежит на диванчике и хихикает

А теперь про мою любовь, которая со временем переросла в огромную, большую любовь на всю жизнь.

Моя любимая Светочка сейчас сидит рядом со мной, лежит на диванчике и хихикает. Потому что всё это действительно прекрасно.

Для меня она была самой красивой. К ней просто тянуло. Бывает такое, что сердце тебе подсказывает: вот это твой человек.

Я всегда чувствовал сердцем: если человек говорит «да», значит, да. Если говорит «нет», значит, нет.

Когда она говорила мне: «Ты мне просто друг. Я тебя не люблю, мы просто дружим», я это принимал именно как дружбу. Но где-то глубоко внутри всё равно было чувство, что, наверное, есть у человека своё предназначение.

Потихоньку, ненавязчиво, своим поведением, своим отношением, я продолжал ухаживать.

Я никогда не курил, не пил, занимался спортом, бегал, много трудился.

Пришлось с раннего возраста становиться взрослым.

И постепенно всё как-то складывалось. Вот так я и нашёл свою девочку.

Мне она очень нравилась. Характер у неё был своенравный, но человек она очень добрый.

Она говорила мне честно:

«Ты мне как друг. Люблю или не люблю, не знаю».

А я всегда говорил одно: я не словами хочу доказывать.

Я и сейчас всю жизнь стараюсь доказывать делом.

Доказывать пришлось долго. Сначала штанами.

Штаны-бананы

Со Светой в Саранске мы встречались, общались. Близких отношений тогда ещё не было. Я никогда не любил быть навязчивым. Всегда корректно звонил, спрашивал, как дела.

Жизнь шла размеренно.

Но внутри я всё равно надеялся, лелеял эту надежду и искал встречи.

Однажды у нас даже пауза затянулась, немного разошлись каждый по своим делам.

Света училась шить и шила очень хорошо. Ещё в детстве этим увлекалась, а потом научилась так, что сама себе шила одежду.

Как-то она приехала красиво одетая, я посмотрел и говорю:

«Какой красивый костюм!»

Она отвечает:

«Я сама шила».

Я удивился:

«Нифига себе! Как классно!»

И тогда я купил материал, позвонил ей и говорю:

«Сможешь мне сшить штаны-бананы?»

Тогда такая мода была: широкие сверху, с большими карманами, а внизу зауженные.

Она говорит:

«Конечно. Купи материал, какой хочешь, и приезжай».

И вот так мы потихоньку снова начали общаться.

Дружили.

А перед самой армией я чуть не опоздал на один автобус.

Ладонь на стекле автобуса

Перед армией стали побольше сближаться, чаще созваниваться. Но всё происходило спокойно. Ежедневных встреч не было, да и времени у меня не было. На выходные надо было в деревню: там помочь, то одно, то другое.

Но звонки становились всё чаще.

И я уже чувствовал, что скоро меня заберут в армию. Наверное, поэтому появилась какая-то особая тяга, стал чаще звонить, чаще искать встречи.

Один случай я особенно хорошо помню.

Я знал, что Света уезжает автобусом в час, а мне уже нужно было ехать в ДОСААФ. Ребята собрались в город на обед.

Я говорю:

«Подвезите меня до вокзала, пожалуйста. У меня девушка уезжает».

А мужики, они всегда солидарны в таких вопросах:

«Да без вопросов».

Подъезжаем к вокзалу, автобус уже трогается. Я выскакиваю из машины, бегу.

Автобус остановился перед выездом, чтобы пропустить другие машины. Я подбегаю к нему, прислоняю руку к стеклу сбоку.

Светочка меня увидела.

Как она обрадовалась!

Я помахал ей рукой, послал воздушные поцелуи. Она была вместе с Ниной, и Нина вообще была в восторге.

Вот такие маленькие моменты потом остаются в памяти на всю жизнь.

Потом меня забрали в армию. Но доказывать делом я продолжал и через много лет.

«Вася! Вася приехал!»

А когда я уже уезжал в командировки, тоже старался приехать домой как можно быстрее.

Один раз добирался из Краснодара самолётами, попутками. В кармане деньги были, но всё равно нужно было рассчитать так, чтобы хватило на подарок, цветы, шампанское.

Мне очень хотелось успеть к Свете.

Другой раз мы были в Казани на марафонском забеге. Мне нужно было добраться до Саранска.

Билетов не было ни на поезд, ни на ближайший самолёт. С Краснодара до Казани 1500 километров, а от Казани до Саранска ещё 500–600. Казалось бы, ни ближе, ни свет.

Но слава Богу, додумался.

В аэропорту подошёл к посту ГАИ и говорю одному гаишнику:

«Так и так, мне надо добраться до Саранска. У жены день рождения, а поездов и автобусов нет».

Он говорит:

«Да здесь твои земляки проезжали. Татары, семечки возили. Сейчас кого-нибудь тормознём. Думаю, кто-нибудь возьмёт».

Остановили машину.

Водитель говорит:

«Нет, я в ту сторону не еду. Я вообще с другой стороны, под Саранском живу».

Он был с сыном.

Но всё-таки согласились довезти меня. Подвезли километров за 15–20 до Саранска, где им уже нужно было поворачивать домой.

Говорят:

«Дальше сам доберёшься, кто-нибудь остановит».

Высадили меня на остановке.

Денег брать вообще не хотели.

Я говорю:

«У жены день рождения. Возьмите хотя бы бутылочку. Если выпиваете, домой шампанское возьмите. За здоровье».

Поблагодарил их.

Постоял на остановке минут 5–10, остановил машину. Там уже недалеко оставалось, километров 20.

И вот я приехал.

Звоню в дверь.

Кто-то говорит:

«Андрей, наверное, домой ушёл».

Мы с Ниной были дома.

Я говорю:

«Нина, иди открой. Там Андрей, наверное, пришёл».

Нина открывает дверь.

А там стою я.

Она как закричит:

«Вася! Вася приехал!»

Представляете, сколько было радости?

Я прямо на день рождения, в обед или после обеда, уже неважно, приехал.

Таких историй про Свету можно рассказывать бесконечно.

А тогда, в первый день после дембеля, я ещё только шёл к её подъезду. И у подъезда меня уже ждали.

ГЛАВА 22

Ты откуда такой красавчик?

Возле подъезда сидела компания. Кто-то выпивал.

Такой красавчик другом быть не может

Кто-то просто сидел, не выпивал. Болтали, анекдоты, наверное, травили, что-то там обсуждали, смеялись. Увидели меня: сразу раз, и замолчали.

Один подбежал:

– Да шо, братан? Ты откуда такой красавчик?

– Я на дембель.

– Да? Дембельнулся?

– Да, – говорю. – Иду к знакомой девушке, в гости.

– Так-так-так… А в нашем подъезде кто? Девушки?

– Да вот, – говорю, – на втором этаже.

Он сразу:

– Одна замужем, а у другой парень есть.

– Да я к ней в гости, – говорю.

– Ну, ты, парень, опоздал, наверное, – говорит. – У неё парень есть.

– Да мы друзья, – говорю. – Просто друзья. Подарки нос…

– Не-не, подожди! Какие друзья? Такой красавчик другом быть не может! Ты вообще на себя в зеркало смотрел? Да я даже не представляю, какая девушка устоит!

– Да ладно, – говорю, – брось ты.

– Нет, честно, ты красавчик. Она дома, да. Сегодня никуда не уходила.

Они там, видимо, целыми днями сидели, всё про всех знали.

– Ну давай, счастливо. Я думаю, у тебя всё получится.

– Посмотрим, – говорю.

Поговорили, я пошёл дальше.

Там был ещё один, уже больше выпивший. Что-то он не очень хорошо реагировал, начал:

– Ты чего, куда шагаешь?

Я ему:

– Дружище, мы сами разберёмся. Ты чего начинаешь? Не неси всякую фигню.

Много лет спустя я снова встретил одного из них. В том же подъезде.

Встреча в том же подъезде

А тот, который со мной нормально, по-доброму разговаривал, Лёха его звали. А другого звали Володька.

И вот Володьки уже нет в живых.

Мы недавно приезжали туда, давно ведь не были. Я его раньше даже не видел. А он как увидел меня в этом же подъезде, где он до сих пор живёт:

– Пасёк! Здорово, братан! Как дела?

Я смотрю на него и думаю: надо же, какой радостный, сразу ко мне бежит, здоровается. Я даже сначала подумал: может, они братья были, что ли?

Разговорились.

Я говорю:

– Вот второй был ещё, помнишь, давным-давно?

– Да-да, помню. Его уже нет. Умер.

– Всё понятно, – говорю.

Поболтали немного. Всё нормально.

И опять он на той же волне:

– Давай, браток, держись! Нормалёк!

– Да, – говорю, – потихоньку.

– Где живёшь, чего?

– В Темникове. Чётко. Работа, дом, дети. Всё нормально, всё, слава Богу.

Попрощались.

А тогда я поднялся на второй этаж.

Сердце как крупнокалиберный пулемёт

И вот я поднимаюсь по лестнице. Подхожу к двери, звоню, и сердце начинает стучать просто как пулемёт. Не автомат, а крупнокалиберный пулемёт! Быстро и очень громко.

До сих пор помню это волнение. Капец какое!

Но я весь расклад уже для себя сделал. Никаких плохих мыслей. Думаю: сейчас приду, чайку попью, подарки подарю. Должен же я подарки подарить, отметиться. И просто показать, какой я стал.

Уже уверенный в себе, не самоуверенный, а именно уверенный. Повзрослевший. Совсем другим человеком я вернулся в Саранск.

Ощущения были совершенно другие. Молодость, всё нипочём, море по колено.

Я стою у двери. Весь в волнении, но коленки не дрожат. Собранный. Внутри всё кипит, сердце колотится.

И для меня эта встреча была очень важной. Как будто нужно было поставить все точки над «и», и дальше уже продолжать жить.

Я всегда хотел учиться, закончить учёбу, получить профессию, высшее образование.

Пришёл, увидел, победил

И вот дверь открывается.

Света с такой радостью прямо накинулась мне на шею!

Мы обнялись, поцеловались.

Она была так рада моему приезду, что я даже не мог представить, насколько сильно она ждала этого момента.

Мы поболтали, чай попили, я подарки ей подарил.

И вот это вспоминается мне до сих пор, так трогательно, так незабываемо.

Это чувство, это ощущение ты носишь с собой всю жизнь.

С радостью. С любовью.

Даже сейчас слёзы наворачиваются на глаза, не от грусти, а от радости.

Потому что я пришёл.

Увидел.

И победил.

Я остался у неё.

Она смотрела на меня уже совсем другими глазами.

Мне досталось раскладное кресло

Наша встреча произошла очень тепло. Я даже не ожидал, что она так меня встретит, со смущением и какой-то особенной любовью в глазах. Мне показалось, что она увидела перед собой уже совсем другого человека.

Ведь за год человек очень меняется, взрослеет. Год назад мы виделись, когда я приезжал в отпуск, но я всё равно оставался ещё молоденьким солдатиком. А через год: уже совсем другой человек. За это время я многое своими руками прощупал: и товарищей, и не товарищей, и службу, и ответственность. На жизнь стал смотреть по-другому, более серьёзно.

Офицеры уже разговаривали со мной иначе. Не как с мальчишкой, а с человеком, который прошёл службу, выдержал передряги, повзрослел. И вот в её глазах я увидел что-то такое, чего раньше не замечал. Она тоже за это время повзрослела. Жизнь преподала ей свои уроки.

Мы смотрели друг на друга уже немного другими глазами. Я повзрослел, и она это видела.

Прошло 2–3 дня. Мы встречались, притирались друг к другу, гуляли. Приезжали её подруги, мы к ним ездили. И как-то я остался переночевать.

Там было 2 кровати, Нинина и Светина, или кресло. Ну, конечно, мне досталось раскладное кресло. Так потихоньку я и остался у Светы.

Родители не возражали. Наоборот, они хотели, чтобы мы поженились. Я ведь долго за Светочкой ухаживал, бегал за ней. Они ко мне хорошо относились, потому что я не пил, не курил, спортом занимался, учился. В общем, с положительной стороны себя проявлял, и про меня плохо они ничего не слышали.

Её родители ко мне давно присматривались. С того самого случая в магазине.

«Молодец, Василёк!»

Даже один случай хорошо помню. Это было, наверное, в седьмом или восьмом классе. Я пришёл в магазин за хлебом, ещё что-то покупал. А там сидели женщины, разговаривали между собой.

И я слышу:

– Как же плохо, что он так рано сиротой остался…

Они говорили между собой, не мне. Но так, чтобы я слышал.

Я повернулся и прямо ей в глаза говорю:

– А почему вы считаете, что я сирота? У меня дом есть, крыша над головой есть, бабушка, дедушка есть. Я не в детском доме, не в интернате. Я бы не сказал, что плохо живу. Даже лучше, чем в некоторых семьях, куда я хожу.

Она так покраснела, засмущалась.

А её подруга говорит:

– О! Другой бы сейчас матом послал. А этот, говорит, как взрослый человек рассуждает. Какой молодец! Молодец, Василёк!

Меня многие так и называли, Васильком.

Поэтому родители не возражали. Мы потихоньку притирались друг к другу. А намерения жениться у меня были серьёзные, я этого никогда не скрывал.

Когда я раньше приезжал в отпуск, я ещё думал: надо учиться, надо то, надо это. А тут как будто что-то во мне передёрнуло, переклинило. Я очень захотел быть рядом со своей Светой, со своей будущей женой. Как-то всё остальное отошло на второй план.

Оставалось разобраться с её «друзьями».

Козёл без рогов

И, конечно, у неё были друзья.

Как-то один такой друг пришёл. Позвонил в дверь. Я открываю: стоит какой-то сопляк.

Ну, для меня он тогда именно таким и выглядел. Ему, наверное, лет 18–19, мне 20. Но после армии я уже чувствовал себя мужиком, а они казались ещё совсем молодыми. Невысокого роста.

Он спрашивает:

– Света дома?

Я говорю:

– А кто её спрашивает?

– Позовите её, пожалуйста.

Я стою в дверях и говорю:

– Свет, иди сюда, тебя зовут.

Она, наверное, сразу поняла, кто пришёл, быстро выскочила. А этот тем временем вниз убежал, на первый этаж.

Я за ней потихоньку спускаюсь и слышу:

– Привет, привет…

Света сразу:

– Пошли, пошли домой.

Она поняла, что я не очень хочу его видеть.

А потом как-то он ещё раз позвонил. И как раз на меня нарвался.

Я говорю:

– Так и так. Больше сюда не звони.

Он что-то там:

– Мы просто друзья…

Я говорю:

– Теперь я для неё друг и подруга. Поэтому имею право тебе это сказать. Этот номер телефона ты должен забыть. И нечего тебе больше здесь делать.

И не только не звони, а особенно в гости не приходи, чтобы я тебя здесь больше не видел.

Ну а дальше я ему уже конкретно сказал:

– А если будешь настаивать…

И добавил, конечно, по-молодецки, по-армейски:

– Хоть ты и козёл без рогов, но я тебе рога всё равно отшибу.

Прямо так и сказал. И положил трубку.

И всё-таки именно со Светой мы вскоре решили назначить свадьбу.

Это судьба

А вообще, если посмотреть на всё это со стороны, получается удивительная история. Закончилась моя служба, дембель, я приехал домой, и к своей любимой девушке.

Я когда-то говорил: пришёл, увидел, победил.

А здесь я понял, что для меня это оказалось гораздо большим. Это была, наверное, вся моя дальнейшая жизнь.

Дальше я уже понял: это судьба.

Свадьбу назначили на январь. А до неё мы рванули в Сочи.

ГЛАВА 23

На крыльях любви в ЗАГС

Жареная картошка у бабушки

После армии дни побежали совсем по-другому. Свобода, независимость. Я вернулся домой, бабушка всегда вкусно готовила. После армии я почему-то жареную картошку вообще не любил, но у бабушки она была такая вкусная, что ел с удовольствием. Да и много чего она готовила, всё было по-домашнему, с любовью.

А со Светой мы за это время так подружились, что, как говорится, разлилась одна вода, и в итоге мы потом поженились.

До свадьбы, правда, прошло ещё немало времени. Мы быстро притёрлись друг к другу. Конечно, были какие-то шероховатости, куда без них. Но я уже вернулся домой с твёрдым намерением жениться. Я настолько её любил и так к ней относился, что для меня вопрос уже практически был решён.

И вот мы решили рвануть в Сочи.

Поющий фонтан в Сочи

После армии у меня не было ни отпусков, ни нормальной одежды, ничего такого. А тут уже всё появилось: деньги были, одежда послеармейская была, джинсы, рубашки и всё остальное. Светочка тоже взяла отпуск, а может, даже уволилась на какое-то время. И мы поехали.

Это было просто нечто!

Сочи. Красавчики. Где уставшие, где не уставшие, уже неважно. Нафотографировались, нацеловались, наобнимались. Всё это до сих пор есть на фотографиях, которые висят у нас на стеночке. Заходят люди и видят эту счастливую парочку.

Мне кажется, счастливее нас тогда просто не было на свете. Я, конечно, сейчас сравниваю только по своим ощущениям. Но столько всего происходило!

В Сочи мы отдыхали, загорали, ездили на экскурсии. Ночью ходили смотреть на поющий фонтан, музыка, светомузыка, люди вокруг встречаются, обнимаются, целуются. Целовашки, обнимашки, короче, прекрасное время!

И вообще родители нас поддержали. Мы могли не работать, сколько-то денег у нас было, потихоньку тратили, отдыхали, жили своей жизнью.

Я пришёл из армии в июле. Июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, январь…

А 20 января наступил день, к которому мы столько лет шли.

20 января

И 20 января у нас была свадьба.

После Рождественского поста мы сыграли свадьбу. И здесь я уже был счастлив вдвойне: у нас появились штампы в паспортах и свидетельство о браке.

Свадьба проходила в январе в Саранске, во Дворце профсоюзов на площади.

Мы расписались.

Мне было 20 лет, Свете 18.

У Светы было такое красивое платье, такой красивый головной убор. Всё это тоже осталось на фотографиях и до сих пор висит у нас на стеночке.

Настенька всё это красиво сделала.

И вот сейчас я рассказываю, смотрю на эти фотографии и радуюсь. И думаю: слава Богу, что всё это с нами происходило. Начиная с детства, через армию, через весь этот путь, и вот мы пришли к этому моменту.

А сохранила мне невесту её сестра.

Нина отбивала женихов

Пока я был в армии, наша Нина, старшая сестрёнка Светочки, можно сказать, отбивала от неё всех женихов.

Она всегда говорила:

– Вася лучше всех. Вася лучший!

Когда они приезжали в деревню, мне с Ниной было проще поговорить. Она была чуть-чуть постарше Светы, совсем немного, но мне тогда казалось, что она уже взрослый, умный человек: учится в университете и всё понимает.

А главное: она могла донести мои слова до Светы. Потому что сам я тогда не очень умел выражать свои чувства. Света всегда была такая неприступная, горячая, самостоятельная.

Поэтому всё потихоньку складывалось для того, чтобы мы в итоге поженились.

И Нине я очень благодарен за то, что она, пока я был в армии, сохранила свою сестрёнку в целости и сохранности. Пока меня рядом не было, она как будто присматривала за ней.

Свадьба у нас была шикарная.

Светочка порхала. Я смотрю на фотографии, и вижу, как она счастлива. И мне кажется, что именно тогда Света наконец увидела во мне мужчину, за которым уже можно было видеть надежду и опору для своей семьи, для своих детей, хорошего будущего папу.

А я был просто очень влюблён.

И поэтому мы были счастливы оба.

А на руках я её всё-таки пронёс. Хоть она и спорит.

«Врёшь, не было такого!»

Приехали гости, всех надо было размещать. Потом нас благословила тётя Аня, моя сестра. Мы к ней заходили, нас встречали с хлебом-солью.

Потом поехали к Свете, где её мама нас тоже благословляла.

Когда приехали за невестой, по традиции вроде бы должны были выкупать её. А нас просто пропустили:

– Заходите, заходите! Света заждалась.

И я залетел туда на крыльях любви, схватил свою будущую жену, мою прекрасную Свету, и хотел вынести её на руках.

Она, конечно, может сейчас сказать:

– Врёшь, не было такого!

Ну ладно.

Зато после бракосочетания мы пошли на площадь возлагать цветы к Вечному огню. И вот там я её точно нёс на руках. Тут уже она никак не может сказать, что не нёс!

А ведь утром в день свадьбы у нас ещё не было машин.

Гости с Орска на вокзале

А перед свадьбой были ещё организационные вопросы. Машины надо было искать. Сейчас с этим проще, а тогда машин просто так не было. Были служебные «Волги».

Хорошо, что мой друг-сослуживец дал мне номер телефона. Я созвонился с человеком, но они что-то задерживались. Тогда я взял такси и поехал к аэропорту.

Такси я брал возле железной дороги, там они обычно стояли.

Утром я доехал на троллейбусе до железной дороги, начал искать машину и вдруг смотрю: гости с Орска сошли с поезда!

Вот эта встреча была вообще прикольная.

Гости приехали, все собрались. Нашлась машина, и водитель говорит:

– Да я забыл тебе сказать, к 8 или к 9… Сам уже запутался.

Короче, вместе с ним я доехал прямо до тёти Ани. Вторая машина, тоже «Волга», уже стояла там.

Кто из гостей захотел ехать, сели в машины, и мы поехали за невестой.

Забрали Светочку, и помчались на крыльях любви в ЗАГС.

И моя мечта сбылась.

Я пришёл из армии и остался со своей любимой Светой.

Родители меня приняли. Столько было любви: просто не передать словами.

А потом у нас родились трое детей: 2 пацана, между ними 2 года разницы, и Настенька. С Марком у неё разница получилась 9 лет.

И началась наша семейная, очень прекрасная жизнь.

Я бросил учёбу: мне уже было не до неё. Мне хотелось быть всегда рядом со Светой, со своей семьёй. Родители позволили нам жить вместе, и за это им огромное спасибо.

Тестя, деда Вани, уже нет, царство ему Небесное. А тёща ещё жива.

Мы жили очень дружно.

Я очень любил свою жену и люблю её до сих пор.

Оставалось кормить семью. А на дворе начинались девяностые.

ГЛАВА 24

Рождение первого сына и первого бизнеса

Шабашка: 700 рублей за 3 дня

Первым делом я устроился работать водителем. Профессия у меня уже была, машины я знал, после армии опыта набрался. Мне даже потом собирались дать новую машину, но почему-то душа к этой работе не лежала.

Потом вместе со Светой пошли на завод, посмотрели, поработали. Но и оттуда мы потом ушли.

После этого я начал ходить на шабашки вместе с соседним папой. Он был классный сварщик, хороший бригадир, умел находить хорошие заказы.

И деньги мы получали тогда неплохие.

Зарплаты были по 500–600 рублей. Это уже был 1991 год, начались большие перемены, девяностые годы.

А на шабашках однажды за 3 дня мы заработали по 700 рублей каждому, и это уже было очень серьёзно по тем временам.

Но всё менялось очень быстро.

А потом пришли девяностые. И налог мог оказаться больше заработка.

Ваучеры и непонятные налоги

После 1991 года начались реформы, рыночные отношения. Раньше торговлю пресекали, а теперь, наоборот, стали появляться частные предприниматели. Сначала это называлось ИЧП, индивидуальное частное предприятие.

Налоги были вообще непонятные: бывало, заработаешь рубль, а налогов должен заплатить больше рубля.

Сначала вообще ничего толком не было: ни нормальной налоговой системы, ни понятных правил. Всё только формировалось.

Появились ваучеры. Началась приватизация государственных предприятий, промышленности. Страна очень быстро менялась.

И вот на этом фоне постепенно начинались мои первые шаги в торговле.

Велосипеды по 1000 рублей

Однажды мы были на свадьбе у моей двоюродной сестры Марины. Опять приехали гости с Орска, братаны, Володька-старший.

Он увидел у нас велосипеды. Такие детские, спортивные, крепкие, небольшие, но настоящие, чтобы по ямам прыгать, по горкам гонять. Хорошие велосипеды.

Он говорит:

– Смотри, какие дешёвые!

Я говорю:

– Да они у нас выпускаются.

– А у нас они по тысяче рублей стоят!

А у нас тогда, примерно 250–300 рублей.

Он говорит:

– Короче, свадьбу отыграем, отдохнём, давай ты со мной съездишь, привезём велосипедов.

Я говорю:

– Вопросов нет.

Съездили.

Пока приехали, пока ближе к сезону стало, велосипеды уже подорожали до тысячи рублей.

Я привёз 3 велосипеда и сразу заработал 3000 рублей.

С велосипедов я перешёл на лампочки. И на подарок, который шьёт до сих пор.

Японская швейная машинка

Потом поехал в Москву.

На заводе, где мы работали, выпускали автомобильные галогеновые лампы. Насколько я помню, таких заводов в России было всего 2: Саранский и ещё один в Башкирии.

Ещё у нас делали красивые люстры, подсвечники.

Я взял подсвечники, люстры, лампочки, и поехал с этим в Москву. Через родственников всё продал.

Один парень делал очень красивые подсвечники под хрусталь. Смотрелись они просто сказочно.

Он брал материал примерно на 200–300 рублей, а продавал за 1000 и больше.

Но товара было мало. Делал по 4, по 5, по 6 штук.

Брат просил ещё, но больше просто не было.

А больше всего мне хотелось купить Свете швейную машинку. Она очень красиво шила, классно.

И вот там мне подвернулась японская маленькая машинка. До сих пор она живая, до сих пор шьёт.

Так постепенно и начинались мои первые шаги в бизнесе.

А в универмаге у нас была своя команда. И свой способ не стоять в очереди.

Вниз головой над прилавком

Потом мы стали заглядывать в универмаг. Там иногда выбрасывали много разных вещей: одежду, посуду, французскую парфюмерию, финские сапоги, всё это тогда очень ценилось.

Мы с ребятами приспособились. Даже сделали целую команду.

Чтобы в очередь не стоять, бывало, одного сверху подвешивали вниз головой за ремень, а за ноги держали. Он смотрел, что там более-менее хорошее, и показывал нам.

Мы вчетвером могли набрать товар, быстро расплатиться и потом перепродать.

Иногда продавщицы уже нас знали: сразу давали коробку, конфеты, бывало, ещё что-нибудь сверху.

Кроссовки, например, я купил за 45 рублей. Не продались сразу: я потом кому-то их отдал уже за 245 рублей. Понравились человеку, и всё.

На месте тоже перепродавали: где-то чуть-чуть наценку делали, где-то скидку, если брали много.

А с парфюмерией вообще интересно получалось.

На заводе я одной девочке давал пакет, тушь, помады, что-нибудь ещё. Она довольная шла к своим подругам и продавала.

И говорит:

– О, у меня там мастер есть! Вот эти духи понравились!

Она уже сама начинала зарабатывать: 5 рублей сверху накинет, 10 рублей.

Я ей говорю:

– Ну какая ты молодец! Уже ориентируешься!

Наценка была 50–100 процентов.

Вложил, допустим, 100–200 рублей, обратно получал 400–500. По тем временам это были огромные деньги, практически целая зарплата.

То есть за один заход можно было заработать месячную зарплату.

А потом был звонок, после которого у меня подкосились ноги.

Как будто без вина пьяный

А через 2 года у нас родился Марк, наш первый сыночек.

Когда мне позвонили и сказали, что родился сын, я был как будто без вина пьяный.

Друг ко мне приехал по работе.

Я ему говорю:

– Сегодня не работаем. Сегодня сына обмывать будем!

Поехали в больницу узнать, как дела. Благо, жена была на первом этаже.

Мы подошли к окну: целовашки, обнимашки. Окно, конечно, было закрыто, чтобы их не просквозило и они не заболели.

А когда мне сообщили, что у меня родился сын, я даже не знаю, как это объяснить.

У меня ноги подкосились.

Я присел на кушетку и минут 5–10 просто сидел.

Друг говорит:

– Ну что, пошли? Здесь недалеко съездим.

А я ему:

– Ты видишь, я не могу ходить!

Вот такое было состояние.

Потом говорю:

– Сейчас зайдём в магазин, возьмём всё необходимое, накроем стол и обмоем моего сына. И чтобы моей жене всё хорошо было, и сыночку тоже, чтобы они поскорее выписались.

Вот так у нас родился сыночек.

Родилась уже настоящая семья.

С такими прекрасными ощущениями ты будто окрыляешься. И дальше начинаешь ещё больше работать.

Так постепенно наша семейная жизнь, наша работа, первые шаги в торговле стали перерастать в большой бизнес.

Если сейчас оглянуться назад, то первые годы нашей семейной жизни прошли очень красиво. Всё как-то складывалось одно к одному.

За что бы я ни брался, многое получалось с Божьей помощью.

Мне всегда нравилось общаться с людьми. Я был мобильный, легко находил контакт, мог договориться, познакомиться, что-то предложить.

Так постепенно я набирался опыта.

И всё это было только началом.

Деньги пошли. И однажды сослуживцы позвали меня в Польшу. С водкой.

ГЛАВА 25

Любимых в награду дают небеса

Сердце подсказывает

Интересно потом в жизни всё это происходит. Когда приходишь в храм, начинаешь потихоньку воцерковляться, читать Евангелие, начинаешь по-другому смотреть на многие вещи. Я раньше думал, что всё происходит от разума: помыслы, чувства, решения. А потом понял, насколько много в нашей жизни связано с сердцем. Есть человек жестокосердый, а есть милосердный.

Кто-то становится президентом, кто-то воином, кто-то грузчиком, кто-то водителем, какая разница? Главное, чтобы каждый был на своём месте и добросовестно выполнял своё дело.

Наверное, и в семье так же.

В нашей семье тоже был один подарок с надписью про любовь.

«Любимых не ищут»

Нам на свадьбу подарили одну красивую вещицу в виде светящегося сердечка. И на ней было написано:

«Любимых не ищут: их в награду дают небеса».

Представляете?

«В награду дают небеса».

Как же точно сказано!

Я с детства почему-то всегда думал о том, что буду хорошим семьянином, отцом. По мере возможностей: не пить, не устраивать дома скандалов, быть нормальным человеком, воспитывать детей своим примером, своими знаниями, своим отношением к жизни.

Наверное, на это повлияли мои многочисленные учителя.

Я в детстве жил в разных семьях, у родственников, иногда летом, иногда по месяцу, иногда по 2 недели. И всё время наблюдал: кто как разговаривает, кто как относится друг к другу, где надо промолчать, а где обязательно нужно сказать.

Теперь так же со стороны на нас смотрит Марк.

«А может, здесь надо было промолчать?»

Вот сейчас Марк приезжает и тоже смотрит со стороны, как мы общаемся. Иногда говорит: «А может, здесь надо было промолчать? А здесь можно было поговорить? А здесь можно было по-другому?»

Со стороны действительно виднее.

Но иногда сердцем чувствуешь: сейчас лучше промолчать. И оно само сгладится. Каждый переосмыслит ситуацию.

А если кричать, орать, драть воздух, какой в этом смысл?

Конечно, всё очень тонко. Где-то надо высказаться, а где-то промолчать. Где-то нужно сразу сказать, что тебя задело, а где-то лучше дать человеку время.

И чем дольше вы живёте вместе, тем больше начинаете чувствовать друг друга.

Даже если что-то обидное скажешь, потом переосмыслишь, извинишься. А иногда вообще ничего не надо говорить, просто занимаешься своими делами и доказываешь поступками, что ты рядом в любую минуту.

Поссорились, поругались, помирились.

В этом и заключается жизнь.

А один жизненный совет я особенно стараюсь передать детям.

Найдёшь, не радуйся

Потому что не всё зависит только от нас. Есть ещё разные факторы: зависть родственников, соседей, других людей.

Поэтому я всегда говорю: меньше рассказывайте всем подряд о своей семье. Как у вас, что у вас, какие отношения, что купили, чего добились, не надо всё выставлять напоказ.

Получается хорошо, и слава Богу.

Что-то не получилось, тоже слава Богу.

Моя бабушка, царство ей Небесное, говорила:

«Найдёшь, не радуйся, потеряешь, не плачь».

Вот эту золотую середину очень тяжело найти.

Иногда хочется открыть душу, рассказать всё, что у тебя внутри. Но делать это нужно только близкому человеку и только тогда, когда ты уверен, что дальше это не пойдёт.

Мне в своё время очень повезло с людьми, которые вовремя меня направляли.

Учителя приходят вовремя

Я очень благодарен Богу за то, что в моей жизни было много учителей.

Каждый появлялся в своё время.

Один учил чему-то в детстве, другой в юности, третий помогал уже во взрослой жизни.

Потому что в деревне ты знаешь практически каждого. А в городе уже другой контингент: не знаешь, кто какой человек, кому можно доверять, с кем нужно быть осторожнее. Могли и подставить, и втянуть куда-нибудь.

А с таким наставником, как дядька Петя, я проходил этот период очень плавно.

Будете бухать, бухарики и будут вашими друзьями

Всю жизнь я старался быть хорошим отцом, семьянином. Не пить, не гулять, не курить. Занимался спортом и продолжаю заниматься физической культурой.

Пробежки, отжимания, разные упражнения. Ходил в боксёрскую секцию. Обычные вещи: разминка, немного поработать с грушей. Главное: находить на это время.

Пусть хотя бы раз в неделю, но чтобы быть в строю, чтобы быть в движении. А если получалось 2–3 раза в неделю, то уже конкретно, по полтора часа отдавал этому времени.

И детям своим я потом всегда говорил:

– Будете спортсменами, друзья ваши будут спортсменами. Будете учёными, друзья ваши будут учёными. А будете бухать, бухарики и будут вашими друзьями. Поэтому имейте в виду, по какой дороге вы идёте.

Лежите рядом на диванчике и смеётесь

А уже когда мы переехали в Темников, где живём и сейчас, почти через 10 лет родилась наша доченька Настенька.

Жизнь у нас была насыщенная, весёлая, интересная.

А наша история с любимой Светочкой началась ещё в детстве.

Мы были знакомы практически всю жизнь. Дружили 9, 10, 12 лет, сколько там уже получается.

И вот до сих пор вместе.

С Божьей помощью мы прожили нашу прекрасную жизнь.

Мы очень любим друг друга, дорожим этой любовью.

Дети нас обожают, и мы их тоже.

А теперь у нас уже есть внучок Давидка. Сегодня 1 сентября 2026 года, и он уже пошёл в третий класс.

Поэтому хочу сказать всем: любите друг друга. Встречайтесь. Дорожите своей семьёй.

С Божьей помощью, чтобы семьи не рушились, надо учиться любить, понимать друг друга, ходить в храм, быть примером для своей семьи.

Семьёй надо дорожить.

Потому что настоящая любовь, это не только когда всё хорошо. Это когда вы прошли вместе годы, радости, трудности, детей вырастили, дождались внуков, и всё равно лежите рядом на диванчике, смеётесь и радуетесь тому, что вы вместе.

Конечно, я говорю ей, что очень её люблю. Она самый дорогой мне человек.

Детей мы ведь рожаем не для себя. У них потом будут свои семьи, свои дети.

В Евангелии сказано, что когда мужчина и женщина соединяются в браке, они становятся одной плотью, одним целым.

И это чувство мы несём со Светой до сих пор.

Что бы ни случалось, что бы ни происходило в нашей жизни, чем дальше, тем больше это чувство становится.

Постоянство перерастает в огромную любовь.

В огромную, простую человеческую жизнь.

И как же хорошо ощущать себя счастливым, любимым и любящим.

Я всегда говорю: как хорошо, когда чувствуешь, что твоя любовь возвращается.

Сделал добро, оно возвращается.

Любишь, и тебе любовь возвращается.

А у нас она вернулась ещё и в детях.

У нас трое детей.

Вот и получилось наше маленькое чудо, любовь, которая продолжается в них.

Я желаю вам любви

Я желаю вам любви.

Чтобы каждый из вас нашёл свою половинку, с которой можно соединиться в одно целое.

Чтобы сохранить любовь, надо с верой в Бога просить Бога и благодарить Его за то, что у нас уже есть: есть работа, есть хлебушек, есть семья.

Семья, это начало начал.

Потому что именно в семье родители рожают детей, воспитывают их, передают им свои знания, любовь и жизненный опыт.

Поэтому относитесь с любовью друг к другу и к ближнему.

Я желаю каждому найти свою половинку и сохранить эту любовь на всю жизнь.

А теперь про то, как я зарабатывал. Начиналось всё с водки в грязных упаковках.

IV

РАЗДЕЛ

ПЕРВОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

ГЛАВА 26

Бизнес-контрабанда в Польшу

Наша водка там очень ценится

Это было самое начало моего бизнеса, когда всё постепенно складывалось в одну общую картину.

Ребята уже не раз ездили в Польшу. Мои сослуживцы уговорили меня поехать с ними: попробовать, посмотреть, может, понравится. Говорили:

– Наша водка там очень ценится. Можно неплохо заработать.

Ну, думаю, почему бы и не попробовать?

Перед поездкой мне объяснили, как всё это прятать. Бутылки оборачивали, чтобы не гремели, и складывали среди всякой мелочёвки, шпингалетов, металлических деталей, которые тогда были дефицитом. Некоторые упаковки специально немного разворачивали, чтобы таможенник, если полезет рукой поглубже, испачкался.

Я всё разложил в большой сумке, которая открывалась с 2 сторон. Бутылки положил примерно посередине, сверху, чистые вещи и детали. Вроде всё выглядело вполне естественно.

Оставалось провезти всё это через таможню.

Выпей грамм 50

Когда мы переезжали белорусскую границу, там меняли колёса у вагонов, из-за разной ширины железнодорожных путей. Вагоны поднимали, подгоняли специальные узкоколейные платформы и ставили всё обратно.

Пока шла эта процедура, проверяли вагоны.

Перед проверкой мне говорят:

– Выпей грамм 50.

Я говорю:

– Я не пью.

– Ну тогда 100.

– Да нет, мне и 50 хватит.

Выпил немного, стою спокойно около окна, улыбаюсь.

Заходит таможенник:

– Так, что есть, что нет?

Я говорю:

– Вон сумки лежат. Посмотрите, если хотите.

Он подошёл, начал проверять. Сумки открыты, всё сверху видно. Пошарил, перевернул кое-что. Ничего не гремит.

Потом сунул руку поглубже, и как раз попал в те самые грязные упаковки с металлическими деталями. Немного испачкался, вытер руку.

– Всё в порядке, – говорит.

И пошёл дальше.

Пронесло.

Границу проскочили. А первые неприятности начались прямо на варшавском вокзале.

Ты сам курва!

Приехали в Польшу. Там жил наш земляк, и чтобы до него добраться, нужно было ещё ехать от Варшавы до небольшого городка.

Мы сидели на вокзале, ждали поезд. И тут какой-то поляк начал к нам приставать. Ругался:

– Курва! Курва!

Я вообще не понимал, что он говорит.

А одна девчонка, которая была с нами, не растерялась:

– Чё, парень, натрынкался? Иди отсюда! Ты сам курва!

Он ушёл и вызвал полицию.

Нас забрали: человек 6. Двоих оставили с вещами, а остальных повели разбираться. Посмотрели документы, мы всё объяснили, извинились. Я говорю:

– Он сам подошёл, начал ругаться, плеваться, чего-то там кричать.

Слава Богу, все оказались адекватными. Нас отпустили.

Доехали до своего городка. Вечером пошли погулять. Красиво там было! Всё аккуратно, чисто, улицы брусчаткой выложены, дома ухоженные. Для нас в то время это выглядело очень непривычно.

Уже поздно возвращались домой. И мне говорят:

– Смотри, здесь на красный дорогу не переходят. Даже ночью. Если перейдёшь, полицейский может оштрафовать.

Я говорю:

– Понял.

Здесь всё было по правилам: загорелся зелёный, переходишь, красный, стоишь.

Утром мы вышли на рынок. И сразу узнали, что больше всего здесь хотят водку.

Водка есть?

На следующее утро наш знакомый показал нам рынок. Мы начали продавать товар. Что-то сразу уходило, где-то торговались.

Некоторые подходили и спрашивали:

– Водка есть? Водка есть?

Тем, кто вызывал доверие, говорили:

– Завтра приходите.

В первый день мы кое-что продали. Я успел купить себе магнитофон, рубашку, золотую цепочку. Золото тогда было дешёвое, в основном турецкое. Купил себе такую сеточку на цепочку.

Думаю: ну, нормально! За один день почти половину товара сбросили.

На следующий день мы решили взять с собой водку. Договорились продавать небольшими партиями: немного одному, немного другому.

Пока до обеда стояли на рынке, я ещё кое-что продал. Купил себе газовый пистолет. Тогда, насколько я помню, всё это продавалось практически без разрешений.

Тут и вернулся вчерашний покупатель. Не один.

Тысячные вместо десятитысячных

И вот подходит мужчина, которого мы видели накануне. С ним был молодой парень, лет 15.

– Водка есть?

– Есть.

– Ну, пошли.

Отошли во двор, чтобы не стоять прямо на рынке. Польский и русский языки тогда были довольно близкими, поэтому объяснялись без особых проблем.

Зашли за угол, начали перекладывать водку в их сумку. У меня было 5 бутылок, у товарища 5. Всего около 10 бутылок.

Мужчина достал деньги.

А тогда в Польше были купюры по 1000 и 10 000 злотых. Они были очень похожи по цвету, только размер отличался.

Он сверху положил десятитысячные, а между ними подсунул тысячные.

Я начал считать.

Сначала вроде всё нормально.

Считаю дальше: что-то не сходится.

Вдруг поляк кричит:

– Полиция! Полиция!

Я вообще не понимаю, что происходит.

Мой товарищ сразу рванул.

Я стою. Думаю: а чего мне бежать? Водку я уже отдал, деньги вот здесь считаю.

Смотрю: они спокойно забирают сумку. Старик с палочкой ковыляет, молодой парень несёт водку.

Я пересчитываю деньги и понимаю: меня обманули. Тысячных купюр насовали вместо десятитысячных.

Я говорю:

– Пан! Пан! Постой!

Они ускорились.

Я догнал их и говорю:

– Водку давай назад!

Старик поднял свою палку и замахнулся на меня.

Я тогда у молодого выхватил сумку с водкой, схватил свои деньги и рванул.

Далеко убежать мне не дали.

Подножка из-за кустов

Началась настоящая гонка.

Дорожки там были вымощены мелкой галькой, по краям аккуратные газоны и подстриженные кустарники примерно по пояс.

Я бегу, и вдруг из-за кустов мне ставят подножку.

Я падаю прямо коленом на эту гальку. Одна каменная щепка попала прямо под коленную чашечку, глубоко вошла в ногу.

Но сначала я даже не почувствовал: адреналин такой, что просто вскочил и побежал дальше.

Сумка перелетела через меня и с грохотом ударилась о камни. Несколько бутылок разбилось.

Часть денег тоже вылетела из рук.

Я смотрю: они уже приближаются.

Тогда я хватаю сумку с остатками водки, поднимаю её вверх. Они шарахнулись, наверное, подумали, что сейчас я в них этой сумкой запущу.

А я просто со всей силы бахнул её об землю.

Бутылки разбились. Всё, что осталось, практически превратилось в стекло и осколки.

Сумка стала пустой.

Я быстро закинул туда деньги, которые остались в руках. Что-то упало на землю. Я даже вместе с галькой сгребал всё подряд, лишь бы не стоять и не собирать по одной купюре.

Хватаю деньги и перескакиваю через кусты.

Они за мной.

Выбегаю к дороге. Движение довольно интенсивное. Машины идут одна за другой.

Я жду момент: машина проехала, я перебегаю.

Потом с одного двора в другой. Там были арочки, проходы между домами. Можно было легко запутаться.

Я по этим аркам скакал, как мог: пробежал, свернул, посмотрел, никого. Снова вышел на другую улицу, опять в арку.

В итоге оторвался.

Параллельно той улице, которую уже знал, добрался примерно в сторону нашего дома.

Только радоваться было рано.

В кроссовке хлюпает

И только когда начал идти спокойнее, почувствовал, что в кроссовке что-то хлюпает.

Посмотрел на штанину: дырка.

Поднимаю штанину, а там кровь.

Пришёл домой. Смотрю: в ноге торчит кусок гальки.

Помыл ногу, сверху что смог, вытащил. Но чувствую: внутри что-то осталось.

Хорошо, что на обед пришёл хозяин дома, у которого мы остановились.

Он посмотрел на меня и говорит:

– Ну вы учудили! Разве можно на рынке водку продавать? Как вас ещё не зарезали?

Я говорю:

– Да смог убежать. Ноги длинные, слава Богу.

Он посмотрел на рану:

– Пойдём в госпиталь. У тебя там не царапина, а рваная рана.

А в госпитале меня раскусили с одного взгляда.

«Если русский мужчина говорит, что царапина...»

Госпиталь был буквально через дорогу. Там неподалёку стояла наша военная часть, и в госпитале к русским относились нормально.

Пришёл врач.

– Что у вас?

Я говорю:

– Да ничего особенного. Царапина небольшая, только побаливает.

Врач посмотрела на меня и говорит:

– Если русский мужчина говорит, что у него просто царапина, значит, там что-то серьёзнее.

Осмотрела ногу:

– У тебя глубоко застряла галька. Сейчас будем доставать.

Поковырялись, повытаскивали осколки, всё обработали.

– Хорошо, что пришёл. Завтра придёшь на перевязку.

Прихожу домой: нога постепенно начала болеть всё сильнее.

Ребята спрашивают:

– Тебе водку бахнуть?

Я говорю:

– Да я вообще не пью. Ещё вашу водку мне сейчас не хватало!

Лучше, говорю, полежу.

– Давайте лучше кассету какую-нибудь поставим, магнитофон испытаем.

Включили музыку.

На следующий день нога опухла, я уже хромал. Сходил на перевязку. Сказали ещё прийти, но я потом уже сам не пошёл. Всё постепенно начало заживать, боль уменьшалась. Дали какие-то обезболивающие.

Перед отъездом ещё раз сходил на перевязку, уже примерно через неделю.

Ребята помогли распродать остатки товара. Водку тоже сдали, кое-что ещё продали.

Но желания возвращаться на тот рынок после всего случившегося уже не было.

Больше в Польшу ни ногой

Я перед отъездом ещё кое-что купил, но на рынок больше не ходил. После этого случая мне уже не очень хотелось снова сталкиваться с теми поляками. Всё-таки неизвестно, что у них было на уме и не будут ли ещё искать.

Потом мы вернулись в Варшаву. Сходили там на рынок, я купил джинсы, какую-то рубашку и ещё немного мелочёвки.

Домой добрались благополучно.

Интересная, конечно, поездка. И опыт огромный.

Но больше в Польшу я уже не ездил.

Понял, что мне такие поездки не очень подходят: таскать всё это через границу, переезды, жить где-то за границей, искать покупателей, постоянно быть начеку.

Я понял, что могу зарабатывать больше, занимаясь своими делами здесь.

Поэтому снова занялся развитием своего бизнеса и начал ездить в Орск.

И скоро мы уже гоняли фуры с телевизорами за 1300 километров.

ГЛАВА 27

14000 за неделю при зарплате в 300

Братья моей любимой

В Польшу я больше не ездил. Тем временем я познакомился со старшим и средним братьями моей любимой Светочки. Старшего звали Рафаэль, среднего Альберт, а сестрёнку Неля.

Рафаэль сначала работал педагогом, учителем в школе. Мужик был строгий, умный. Потом перешёл из школы в милицию, там зарплата была выше. Альберт тоже был человеком деловым, с большим количеством знакомств.

Мы несколько раз бывали у них, разговаривали, кто чем занимается, какие могут быть перспективы сотрудничества. Я рассказал про свой бизнес, что покупаю телевизоры, везу, продаю, на вырученные деньги беру холодильники.

Альберт говорит:

– У меня очень много знакомых, у которых есть телевизоры. И цена намного ниже, чем ты сейчас берёшь в магазинах.

Мы договорились попробовать.

В первый раз я не стал брать большую партию. Поехал, как обычно, набрав ещё всякой мелочёвки. Один небольшой телевизор был лёгкий и удобный, практически как чемодан. Приехал в Орск, потихоньку всё раскидал, особо цену не задирал. Товара было много, а мотаться туда-сюда только ради того, чтобы заработать ещё немного, желания не было.

Лучше сразу продать, получить деньги и спокойно ехать домой.

На вырученные деньги я покупал холодильники. Что-то вёз с собой деньгами, что-то отправлял багажом по железной дороге. Обратно ехал налегке, довольный. Постепенно вместо одной коробки конфет стали появляться уже нормальные подарки, меня ждали, холодильники проверяли, подключали к электричеству, и всё продавалось.

Получалось очень хорошо.

А потом простая торговля превратилась в настоящую схему обмена.

Телевизоры в обмен на холодильники

Мы с Альбертом стали дальше общаться, и постепенно всё начало переплетаться. У него были знакомые, которым нужны были холодильники. У меня были свои знакомые, которым нужны были телевизоры.

Так появилась настоящая схема обмена.

Один человек имел оптовку и говорил:

– Вы мне привозите телевизоры, я сделаю небольшую наценку и быстро их продам. Только деньги некоторое время оставляйте мне, мне нужно ездить в Москву.

Для нас это было удобно. Телевизоры мы давали на реализацию, а на вырученные деньги покупали холодильники. Деньги постоянно крутились, и постепенно обороты становились всё больше.

Через некоторое время ребята сказали:

– Есть возможность брать холодильники прямо с завода, намного дешевле, чем ты покупаешь на рынке.

Я спросил:

– А телевизоры вам не нужны?

– Нужны! Мы как раз хотим отдел открывать. Только наши телевизоры по качеству хуже, ваши лучше ценятся. Давайте вы нам телевизоры, а мы вам холодильники.

Вот тут уже всё начало складываться очень серьёзно.

Мы нашли людей, которым нужны были холодильники и у которых были телевизоры. Потом появились завод, знакомые на заводе, возможность быстро загружаться.

Начали возить уже большими партиями.

Дороги тогда были тяжёлые. Иногда приходилось ездить практически без остановок. Бывало, что за нами садились какие-то ребята. Доезжали до поста ГАИ, они отставали, а мы там в стороне перекусывали, проверяли машину и готовились ехать дальше.

А однажды мы обернулись так быстро, что нам не поверили.

«Вы что, на самолёте туда и обратно?»

Однажды мы загрузили длинномер телевизорами. Получилось около 250 штук, целая гора, хотя фура полностью не заполнилась. Привозим в Орск, а там нам загружают полную фуру холодильников. На разнице получалось холодильников больше.

Мы приехали ночью. Офис наших знакомых был недалеко от дома. Поставили фуру прямо возле офиса. Я поехал домой к семье, потому что у меня уже родился первый ребёнок, а мой напарник остался сторожить машину.

Утром, примерно в 8:50, я прихожу.

Смотрим: всё нормально.

И тут подъезжает наш знакомый, которому предназначались холодильники.

Мы ему:

– Вот, забирай свои холодильники.

А он смотрит на нас:

– Вы что, шутите? 2 дня прошло, а вы уже обратно приехали? Туда ехать 2 дня, а вы туда-обратно за 3 дня сделали?

Я говорю:

– Вот так получилось.

Он отвечает:

– Телевизоры я к себе в квартиры не повезу. Растаскивайте по гаражам, куда хотите, а я потом разберусь.

В коммерции всегда так: если взял на себя ответственность, решай вопрос до конца.

Открываем фуру.

Он смотрит:

– Правда холодильники?! А вы что, на самолёте туда и обратно?

А мы действительно ездили очень быстро. Водитель был опытный, ехали вдвоём, практически нигде не останавливались. Там нас быстро загружали, и обратно.

Разница во времени между Москвой и Орском тогда была 2 часа. Приезжали примерно в 3 часа по Москве, там уже 5. Первая смена заканчивала работу, мы выгружали телевизоры, и нас сразу загоняли на завод. Вторая смена грузила холодильники.

Иногда на погрузку уходило всего 2 часа или даже меньше.

В 5 вечера по Москве мы уже выезжали обратно.

Слава Богу, по дорогам Бог нас оберегал.

Так мы начали зарабатывать очень хорошо.

Это был примерно 1992–1993 год. Мы мотались практически каждую неделю. Примерно за 2 года заработали на квартиру. Сначала взяли КамАЗ в аренду, потом выкупили его. Начали ездить уже на своей машине.

Когда были большие заказы, нанимали машину с прицепом. Так было выгоднее: свою машину лишний раз не гонять.

А потом нам на руку сыграло то, от чего другие разорялись.

Инфляция нам на руку

И вот однажды сыграла нам на руку инфляция.

Мы загрузили контейнер телевизорами, прицепили его к машине, потому что денег уже было достаточно и спрос на холодильники был большой.

Приезжаем туда, а телевизоры и холодильники за несколько дней сильно подорожали.

Допустим, неделю назад телевизор стоил 100 рублей, а теперь уже 140.

Мы сдаём телевизоры, а холодильники завод нам отдаёт практически по старой цене, завод ещё не успел поднять стоимость.

На этой разнице мы почти полностью загрузили ещё и прицеп холодильниками. Немного добавили своих денег, и получили огромную дополнительную партию.

Только везти такой груз ночью по трассе было опасно.

«Общество афганцев, ребята»

И вот тут произошёл наш первый серьёзный инцидент на дороге.

Ночью остановились возле заправки.

Только успели остановиться: подъезжает полностью тонированная машина. Выходят несколько парней и подходят к нам.

Тогда ещё только начинали появляться частные организации, различные общества. Хорошо, что наш водитель был постарше и сообразил, что делать.

Он говорит:

– Общество афганцев, ребята.

Мы ничего не сказали. Просто сидели и слушали.

Я всегда старался в таких ситуациях не спешить. Сначала прислушаться, посмотреть, что происходит, подготовить ответ, и только потом говорить.

И здесь это сработало.

Парень сначала был напряжённый, а после слов «общество афганцев» сразу изменился в лице.

– А вы что здесь остановились?

– Перекусить.

– Ребята, нельзя останавливаться с грузом в таких местах. Особенно ночью. Имейте в виду: если ещё будете ездить, около постов ГАИ тоже не стойте просто так.

Попросил сигарет. Мы дали пачку.

Он говорит:

– Нет, ребята, нас пятеро.

Вытащил себе несколько сигарет, остальное оставил нам.

– Доброго пути.

Тут подъехала ещё одна машина. Он махнул рукой, как бы показывая, что всё нормально.

И мы сразу рванули.

После этого урока мы практически нигде без необходимости не останавливались. Если подъезжали к посту ГАИ, там перекусывали, проверяли машину и ехали дальше.

Холодильники мы довезли. И тут посчитали, сколько заработали за неделю.

14 тысяч за неделю

Когда вернулись с большой партией холодильников, оказалось, что за время дороги цены снова поднялись.

Наш знакомый говорит:

– Холодильники уже подорожали.

Мы договорились не задирать цену резко, а сделать среднюю. Он говорит:

– Прекрасно. Тогда я свою цену вообще поднимать не буду.

Он делал небольшую наценку, зато быстро прокручивал деньги.

Я говорю:

– Тогда всю фуру холодильников у тебя заберу.

Но он забрал только тот объём, который заказывал. Остальное мы оставили себе под другие заказы.

Денег уже хватало, поэтому спешить некуда было. Телевизоры отдавали на реализацию, деньги крутились, товар постоянно двигался.

И вот за одну такую неделю мы заработали, насколько я помню, около 14 тысяч рублей.

Для сравнения: обычная зарплата тогда была 200–300 рублей. Потом зарплаты поднялись до 500–600, кто-то получал 800.

А мы за неделю заработали 14 тысяч.

На эти деньги купили машину, «девятку». Годовалую, пригнанную из Прибалтики. Цвет был просто шикарный: что-то между бордовым и светло-бордовым, перламутровый металлик, переливался на солнце.

На ней мы потом тоже много ездили.

Бог даёт возможность заработать столько, сколько тебе возможно. А сколько невозможно, столько, как говорится, не даст.

Но вместе с большими деньгами росли и большие риски.

А на этой «девятке» скоро пришлось уходить от бритоголовых на 160 километрах в час.

ГЛАВА 28

Погоня от бритоголовых

С миллионами на свадьбу в Орск

Про нашу вишнёвую девятку потом даже песню сочинили.

Мы поехали на свадьбу в Орск, к сестре Лене. Со мной были Андрей, муж сестры моей жены, и моя сестра Аня.

Я взял с собой деньги. Тогда уже были миллионы, купюр всяких полно было. Мы ехали не просто на свадьбу, заодно хотели заняться холодильниками.

Бизнес к тому времени всё больше раскручивался, потребность росла, и заниматься этим начинали многие. Поэтому всё большее значение имели знакомства и связи. У кого были хорошие, сильные знакомства, тот и мог что-то получить.

Постепенно появились очереди. За холодильники уже приходилось доплачивать, чтобы вообще попасть в очередь и получить товар. Поэтому наша девятка стала нам очень хорошо помогать.

Мы с напарниками постоянно ездили за товаром. А тут как раз подвернулся случай: едем на свадьбу, заодно можно завезти деньги, встать в очередь и получить холодильники. Чтобы потом специально не держать машину и не ездить ещё раз.

Расстояние было огромное: почти 1300 километров в один конец. Поэтому выехали утром и ехали не спеша: где-то останавливались отдохнуть, где-то заезжали в кафе покушать, что-то брали с собой.

Но ночь застала нас уже за Самарой. Примерно в 80 километрах от Самары есть такой населённый пункт, Бузулук.

А ночью на трассе тогда лучше было никому не попадаться.

«Догадливый какой!»

Едем в темноте через посёлок, и где-то посередине нас останавливают гаишники. А рядом с ними, ещё человек 3 ОМОНовца.

Времена тогда были бандитские, страшные. В городах шли разборки, передел сфер влияния, бандиты могли останавливать машины, шмонать людей. Многие находились в розыске.

Поэтому возле постов ГАИ часто стояли сотрудники ОМОНа и проверяли машины и людей, которые казались подозрительными.

Увидели нас: остановили. Номера чужие, да и девяток тогда было ещё очень мало: их только начали выпускать. А на таких машинах ездили далеко не всегда обычные люди. Бывали случаи, когда дорогие машины могли просто отобрать у человека, если за ним не стояла какая-нибудь серьёзная поддержка.

Проверяют документы:

– Оружие есть? Стреляное? Наркотики? Что-нибудь запрещённое везёте?

Я говорю:

– Нет. Мы на свадьбу едем. Вот сестра, вот родственник.

– Ну тогда будем машину досматривать. Посмотрим, что везёте.

А на улице осень, холодно. Все вышли из машины. Я сначала думаю: ну что они там найдут? Посмотрят бардачок, багажник, и поедем дальше.

Но тут получилось интересно.

Моя сестра взяла с собой несколько небольших автомобильных магнитофонов. Она их где-то на заводе достала, чтобы потом перепродать. А у меня практически

такие же коробки лежали за сиденьями, только внутри были уже не магнитофоны, а деньги. Миллионы, приготовленные для закупки холодильников.

Сзади лежали вещи, магнитофоны. Сестра сидела рядом с ними и фактически пряталась от холода.

Гаишники начали всё вытаскивать, шмонать. Я смотрю: ребята немного подвыпившие.

Пошарили, пошарили и вдруг достают какую-то тетрадь.

– Вот смотрите, – говорят. – Мы вас вроде как не задерживали, но здесь у нас из Мордовии 25 человек в розыске. Поэтому просто так отпустить вас не можем.

Я говорю:

– Но вы же видите, у нас ничего нет. Мы на свадьбу едем. Сестра уже замёрзла. И сами мы замёрзли. Ты же понимаешь, холодно на улице.

Сначала я ничего не понимал, потом до меня дошло.

Я говорю:

– Может, бутылочку вина вам дать, и поедем дальше?

Они посмотрели на меня:

– Ну вот! Догадливый какой! Сразу бы догадался, и сестра твоя не мёрзла бы.

Сестра тут же говорит:

– Да-да, я уже совсем замёрзла!

Начали они всё обратно загружать.

Я дал им денег, уже сейчас даже не помню сколько. Нас ещё трое было, поэтому я ещё немного добавил.

Они говорят:

– Вот теперь всё нормально. Спасибо большое. Не дали нам замёрзнуть.

И напоследок предупреждают:

– Смотрите, когда будете дальше ехать, там иногда ходят белые «шестёрки», бритоголовые ребята. Могут останавливать машины. Если увидите, смотрите, не останавливайтесь.

Я вроде бы был в курсе этих дел.

На КамАЗах ездить в те времена действительно было страшновато. А на легковой машине как-то спокойнее. Поэтому я особо значения этому предупреждению не придал.

Загрузились и поехали дальше.

Предупреждение пригодилось очень скоро.

Дальний свет в лицо

На выезде из Бузулука вижу: стоит КамАЗ, а перед ним, белая «шестёрка».

Я сначала ехал на ближнем свете. Потом включил дальний, чтобы осветить дорогу за КамАЗом и посмотреть, что там впереди.

Выравниваемся с этой машиной.

И тут эти бритоголовые смотрят на нас. Видимо, им не понравилось, что я так дерзко их осветил фарами.

Мы спокойно проехали.

Смотрю в зеркало: они разворачиваются.

И поехали за нами.

Сестра всё время просила ехать потише. Сейчас ей придётся передумать.

160 по ночной трассе

Днём я обычно шёл где-то 100–110 километров в час. А сестра всё время говорила:

– Чего ты так быстро едешь? Едь 90, 80.

Я ей:

– Да хорошая дорога, машина хорошая. Чего ты боишься?

Я хорошо знал дорогу от Бузулука до Оренбурга, мы часто по ней ездили. Дорога была хорошая.

Ночью сначала шёл 110–120. Смотрю: они приближаются.

Я прибавил до 130–140. Они всё равно держатся сзади.

У них была «шестёрка», а у нас девятка. И наша машина, несмотря на то что была ещё довольно новой, шла гораздо лучше.

Я начал прибавлять дальше: 150, 160.

Надо было просто оторваться и не усугублять ситуацию.

И вот мы наконец начали отрываться.

Сестра уже не говорила ни про 80, ни про 90, ни про то, что я быстро еду.

Она просто сидела и молчала.

Лишь бы оторваться.

Потому что она сама уже прекрасно понимала, что это были за ребята и чем могла закончиться такая встреча.

А наша вишнёвая девятка в ту ночь снова нас выручила.

А на обратной дороге из Орска наша «девятка» влетела в москвичонок.

Москвичонок на кольце

Мы съездили в Орск, отвезли деньги, чтобы в следующий раз поехать на КамАЗе и загрузиться холодильниками. Долго не задерживались: оплатили, договорились, на какой день, и уехали обратно. Денег возили всегда много, поэтому на девятке было удобнее, чем на поездах.

И вот когда уже ехали назад, отдохнуть пришлось мало. Как всегда, молодые, торопишься домой, к семье. В дороге остановились, я кемарнул немного, глаза устали. Где-то под Самарой проехали то место, о котором я уже рассказывал, где нас встречали гаишники, проехали посёлок и уже ближе к городу пошли по объездной. Там была кольцевая.

А правила тогда как-то менялись: где-то кольцевая главная, где-то перекрёсток главный, и знаки везде стояли разные. Путаешься, конечно, когда знаков нет. Я смотрю, знака нет, и захожу на кольцевую, как обычно: если знака нет, кольцо, главная дорога. Было это на рассвете, часов в 5–6. Кто-то на дачу ехал, машин было мало. Я иду себе по кольцевой. А к кольцу примыкало 4 дороги. Я уже половину кольца проезжаю, приближаюсь к очередной дороге, и оттуда выскакивает машина на очень большой скорости. У меня скорость была небольшая, а он прямо подрезает и залезает мне под машину.

Я уже поворачивал, выкручиваю руль и упираюсь колесом и бампером в этот москвичонок. Старенький такой москвичонок. Чтобы не опрокинуть его, я начал поворачивать колёса в другую сторону, и моя машина стала разворачиваться вместе с ним. Я упёрся ему в заднее крыло и, пока мы по инерции разворачивались, толкал его вперёд. Колесо у меня вывернуло в сторону, оно упёрлось в его машину, а бампером я ему всю бочину прошёл. Думал, половину своей машины угробил. Испуга не было никакого, скорость была не такая уж большая. Но эту жалкую машинёшку покоцали очень сильно.

Встали в сторонке. За рулём сидит мужчина в возрасте, пенсионер, можно сказать. С ним ехали сын и невестка, втроём были. Выходит и начинает кричать:

– Я всю жизнь езжу по этой дороге, ни одной аварии у меня нет! Сядете на крутые машины и не знаете, как ездить!

Я говорю:

– Мужик, ты чего орёшь? Я заехал на главную, а ты едешь по второстепенной. Кольцевая, главная.

– Какая главная? Там вот знак стоит!

– Какой знак? Там не было знака «Уступи дорогу».

Мы с ним прошлись, правда, нету знака.

– Давай ГАИ вызывать.

– Конечно, – говорю, – вызывай. Я не виноват.

– Я всю жизнь езжу по этой дороге!

Проезжала машина, попросили передать, чтобы ГАИ подъехало. А ГАИ, раз жертв нет, машина старая, им до этого дела нет. Приедут потом, когда кто-нибудь мимо поедет или на обед заедут, посмотрят. Скорая не нужна, травм ни у кого нет.

И мужик мне заявляет:

– Вот, короче, 3000.

– Мужик, ты чего, обалдел? 3000? За что?

– Ты мне машину угробил!

– Её сейчас проще поджечь, и всё. Ты чего такое говоришь? Короче, вот у меня 1000 рублей есть, даю тебе на ремонт. Покрасишь, отрихтуешь. Полный ремонт я тебе оплачивать не буду, ты же всю машину красить будешь. У тебя машина ржавая, менять надо всё. А это тебе будет подспорье. Хочешь, бери, хочешь, не бери. Если сейчас ГАИ приедет, будешь всю жизнь получать по 5 копеек.

Сын говорит:

– Пап, он ведь прав. Машина гнилая. Давай возьмём 1000 рублей да поедем. И ему время терять, и нам ехать надо.

Мы там часа 2 простояли, если не больше. ГАИ так и не приехало.

Ну хорошо, это обошлось. А ведь могли заявить, что я уехал с места происшествия, или ещё что. Не помню точно, брал я расписку или нет. Мне кажется, взял: «На ремонт машины 1000 рублей получил, претензий не имею». Номер машины, хозяин расписался. Бумажку какую-то я брал, это однозначно.

Разобрались. А у нас только поворотник чуть раскололся, переднее крыло прижалось и бампер сместился. Колесо нас спасло: колесом и краем бампера мы ему всё и отрихтовали. Машина у него старенькая, гнилая. Так что отделались малым испугом и мелкими расходами. Хотя 1000 рублей в то время, тоже деньги. Целая месячная зарплата, а то и 2, у кого какая.

А разговор в машине после аварии оказался неприятнее самой аварии.

Сидишь как барон

Поехали дальше. А перед этим у нас с напарником был разговор: уже намотались, надо отдохнуть. Я говорю: путёвку возьму, в Турцию съезжу. Едем, разговорились на эту тему. А он говорит:

– Вот сейчас 1000 рублей удержим, и никуда не поедешь.

– В смысле?

– Ну как в смысле? Ты же аварию сделал. Хочу с тебя эту 1000 удержать.

Я прижимаюсь к обочине, останавливаю машину, выхожу и говорю:

– Выходи.

– Зачем? Ты чего делаешь?

– Да ничего. Иди садись за руль, а я рядом буду сидеть. Год или два я тебя уже катаю. Права у тебя есть, а ездить ты боишься. Вот и заплатишь мне зарплату за всё время, что я тебя катаю. Садись за руль: я туда-обратно проехал, осталось километров 500.

– Ты что, дурак, что ли? Я не умею ездить. Тем более по трассе.

– А чего ж ты тогда говоришь, что с меня денег? Сидишь как барон: год-два катаемся, ты туда проехался, сюда проехался и считаешь это в порядке вещей? Нет, дружище, что-то не так.

– Да ладно, хватит уже.

– Да нет, не ладно. Эти слова чего-то значат. Ты хочешь с меня 1000 удержать, а сам катаешься со мной на машине: то выпьешь, то уставший. Я что, к тебе водителем устроился?

И после этого я начал немного присматриваться к его поведению, к повадкам. Потому что деньги появляются, и люди уже начинают меняться.

Напарник был не единственной проблемой. Скоро нам попались водители, которые сворачивали с трассы за арбузами.

ГЛАВА 29

Платите, иначе КамАЗ сожжём

Водители-пацанята

В те времена хороших и свободных машин было не так много. Появлялись молодые водители, которые только начинали ходить в дальние рейсы. Машины у них тоже были разные: кто-то следил за техникой, кто-то, не очень. Мы ещё не знали, кто надёжный, кто нет, у кого машина хорошая, а у кого может подвести.

Вот однажды нарвались именно на таких.

КамАЗ был далеко не в лучшем состоянии. Ещё до поездки у него на переднем колесе был ослаблен подшипник. А ехать нам предстояло около 1300 километров в одну сторону, да ещё с телевизорами.

Выехали. Смотрю: едем еле-еле, километров 50–60, иногда до 70 разгоняются.

Я спрашиваю:

– Почему так медленно идём?

Водитель отвечает:

– Да вот такая проблемка у нас с машиной.

Я говорю:

– А зачем вы вообще выехали? Нам 1300 километров ехать! Да ещё груз везём. Нам нельзя постоянно останавливаться. Не дай бог, сломаемся где-нибудь в дороге.

Объяснил им:

– Если уж вы решили ехать, то телевизоры мы вам доверили, но машина полностью на вашей ответственности. Если что-нибудь случится из-за вашей техники или ваших решений, отвечать будете вы.

И говорю:

– Вы же мужики взрослые. Почему ведёте себя как пацанята? Хотя бы 80 километров держите, иначе мы просто не успеем.

Потихоньку разогнались до 70–80. Договорились: без лишних остановок. Где-нибудь возле поста ГАИ, туалет, перекусили, и дальше в путь. Ели буквально на ходу.

Кое-как, с Божьей помощью, добрались вовремя.

Но у самого города за нами увязались.

Под «кирпич»

Когда уже подъезжали к городу, началась следующая история.

Старенький КамАЗ с государственными номерами, идёт себе спокойно, налегке, поэтому другие машины обычно не обращали на нас внимания. Но тут какой-то настырный водитель пристроился сзади, сигналит, пытается нас остановить.

Я говорю нашему водителю:

– Не давай ему перед нами проехать. Вставай посередине дороги и спокойно езжай. Не надо, чтобы он впереди нас встал и перекрыл дорогу. Нам сейчас только неприятностей не хватало.

Доехали до универмага, где должны были выгружать телевизоры. Дорога была односторонняя, и в какой-то момент пришлось прямо через центральную площадь проехать.

Там стоял знак «кирпич».

Я говорю:

– Езжай прямо. Потом разберёмся.

Какие-то неадекваты всё это время ехали за нами, сигналили, махали руками. Мы аккуратно, по самому краешку площади, подъехали к центральному входу универмага и встали так, чтобы никому не мешать.

Те, кто ехал за нами, за нами на площадь не полезли.

Оставить машину без присмотра в чужом городе оказалось опаснее, чем проехать под «кирпич».

Напёрстки у универмага

Я выхожу и говорю напарнику:

– Машину не оставляй. Документы, деньги, всё в кабине. Следи, чтобы всё было под присмотром.

Сам пошёл в универмаг искать хозяина, которому мы должны были выгружать телевизоры.

Пока я был внутри, напарник тоже пошёл меня искать. В итоге мы разминулись.

Выхожу, смотрю: двери КамАЗа открыты, в кабине никого нет.

А рядом один из наших водителей сидит на корточках и играет в напёрстки.

Подхожу:

– Ты чего делаешь? Где все? Почему КамАЗ открыт? Там документы, деньги, сумка!

Он отвечает:

– Напарник только что пошёл тебя искать. А мой напарник вот там играет.

Я говорю:

– Нельзя играть! Иди к машине.

А он мне:

– Дай 50 рублей, я сейчас отыграюсь, сотню выиграю.

Я смотрю на этого напёрсточника и вижу, что он шарик специально перекладывает, показывает, в какую руку якобы его зажал. Всё понятно.

Наш водитель снова:

– Дай 100 рублей, я отыграюсь!

Я говорю:

– Пойдём к машине.

– Да подожди…

– Нет. Ты подожди. Иди сюда.

Он подходит.

– Ты с кем сюда приехал?

– С вами.

– Правильно. А сейчас ты оставил машину, груз, телевизоры и деньги. Тебе это, получается, вообще не нужно?

Он молчит.

Я говорю:

– А если сейчас я подойду к машине и скажу, что у меня там лежало, например, 200 000 рублей, а теперь их нет? Ты понимаешь, что может произойти?

– Да как так?

– А почему «как так»? Ты играешь. Ты мог проиграть деньги. Мог поставить ещё. Мог попасть в неприятности. А в итоге под ударом окажутся и машина, и телевизоры, и мы все.

До него постепенно дошло, что мы находимся далеко не дома.

Я говорю:

– Садись за руль. Пока машина не выгружена, пока рейс не закончен, ты никуда не отходишь. Деньги за рейс я тебе здесь выдам, когда всё закончим. А дома уже делай со своими деньгами что хочешь.

Он немного прозрел.

Обратно пришлось ехать без холодильников. Зато с деньгами. И их надо было где-то спрятать.

Деньги в баке с соляркой

Выгрузили телевизоры. Хозяин сказал, что холодильников пока нет, завод стоит, поэтому обратно с холодильниками загрузиться не получится.

Ну что делать? Мы и на телевизорах нормально зарабатывали.

За телевизоры нам, правда, сразу полностью рассчитаться не смогли, поэтому часть денег должны были отдать позже.

Деньги, которые уже получили, мы аккуратно разделили по нескольким пакетам и спрятали в бак.

Тогда в кузовах часто возили дополнительные баки с соляркой. С заправками было сложно, особенно ночью. Поэтому брали с собой запас топлива, а потом на постах ГАИ или где-нибудь по дороге переливали солярку в основной бак.

Мы сделали верёвочку с поплавком, чтобы потом можно было проволокой найти и достать деньги.

Деньги опустили в бак.

Напарник уехал вместе с водителями, а я остался добирать оставшуюся сумму.

Деньги добрал, и на следующий день вечером тоже отправился домой. Добираться приходилось примерно полтора дня, с пересадками: от Орска до Оренбурга, потом до Рузаевки, а оттуда уже на такси, маршрутке или автобусе до Саранска.

Дома меня ждала новость.

«Альберт приходил»

Приезжаю домой.

Светочка, моя любимая жена, говорит:

– Альберт приходил. Только недавно приехал. Что-то рассказывал, я толком не поняла, что у них там случилось.

Я разделся:

– Сейчас сбегаю к нему и приду.

Прихожу к Альберту.

Он мне рассказывает:

– Когда мы выехали, этот водитель, который у тебя всё время непослушный был, говорит: «Нам сказали, что где-то здесь арбузы выращивают. Не хотим ехать пустыми. Давайте загрузимся арбузами».

– Я ему говорил: «Я вам деньги отдам, вы доезжаете до дома и там делайте что хотите. Никуда не сворачивайте. Едьте по трассе. Остановились возле поста: поели, в туалет сходили и дальше».

Но он не послушался.

А дальше случилось то, о чём я их и предупреждал.

За арбузами

Где-то перед Оренбургом или уже за Оренбургом они свернули с трассы. Немного проехали, и тут 2 машины: одна впереди, другая сзади.

Их зажали.

Махнули, чтобы остановились.

Остановились.

Ребята сразу выскочили: кто в кабину, кто в кузов. Всех водителей и моего напарника высадили.

Спрашивают:

– Куда едете? Зачем свернули?

Те отвечают:

– За арбузами.

– Кто вам сказал, что здесь арбузы?

– Да вроде сказали, что где-то здесь есть.

Ребята говорят:

– Здесь никаких арбузов нет. Если кто и выращивает, то для себя на огородах. Не знаем, кто вам это сказал, но раз вы свернули на нашу дорогу, значит, должны заплатить.

Назвали сумму.

Деньги у них были, зарплата и ещё немного денег, которые мы оставляли на всякий случай.

Говорят:

– Платите, иначе КамАЗ сожжём.

В кузове у них была колбаса, ещё какие-то продукты. Но груз никого особенно не интересовал. Им нужны были деньги.

Они начали отдавать всё, что было.

Тогда месячная зарплата могла быть около 400 рублей. А тут они достают из носков 2 сотни, потом ещё деньги.

Ребята посмотрели:

– Нет, этого мало. Надо ещё столько же.

Достали ещё.

В итоге отдали почти всё, что было.

Один водитель говорит:

– У нас солярка есть, но хоть на еду оставьте, на дорогу.

И, видимо, попались им всё-таки не совсем бессовестные люди.

Они достали ещё какую-то мелочь:

– Ладно, держите. Езжайте. Можете здесь поспать. Теперь вас никто не тронет. Утром поедете дальше. А то ещё на кого-нибудь нарвётесь.

Они переночевали.

А потом выяснилось, что никаких арбузов тут и не было.

«Какие арбузы?»

Потом уже стемнело, и они возле какой-то деревушки подъехали к дому. Вышел дедок:

– О, ребятишки, чего заблудились?

– Да нет, арбузы ищем.

– Какие арбузы? Нет здесь арбузов. Вот КамАЗы из Казахстана проезжают, мы у них сами покупаем.

Они спрашивают:

– Можно здесь переночевать?

– Конечно. Никто вас здесь не тронет.

Поели, чайку попили и по очереди легли спать.

На рассвете выехали.

Вот так мне Альберт всё и рассказал.

Пока рейс не закончен

Когда они наконец приехали, я их нашёл и серьёзно поговорил.

Говорю:

– Если бы там что-нибудь случилось, вам пришлось бы КамАЗ продавать, чтобы рассчитаться. Наказывать вас сейчас не будем.

Пусть это будет вам хорошим уроком.

И объяснил главное:

– Пока рейс не закончен, пока вы не приехали домой, вы отвечаете за машину, груз и всё, что происходит по дороге. Вам оплатили дорогу туда и обратно. С грузом или без груза, это уже наша работа. Вы должны выполнить рейс и вернуться домой вовремя. Никаких самовольных поездок и приключений.

После этого случая мы уже гораздо внимательнее выбирали водителей и машины. Сразу обговаривали все вопросы, все возможные нюансы и только потом отправлялись в дорогу.

Так постепенно набирались опыта.

С Божьей помощью ездили дальше, уже осторожнее, умнее и с пониманием того, что в дальнем рейсе нельзя надеяться только на удачу.

А потом были рейсы, когда нас спасала не скорость, а чужой «москвичок» в пурге.

ГЛАВА 30

Обморожение в морозной степи

Замело наполовину

Один раз выехали: было морозно, потом пурга началась. Километрах в 100, на подъёме, оказался небольшой занос. Легковые машины пошустрее ехали, обгоняли-обгоняли, втыкались в эти заносы и всю дорогу заткнули. И на встречку везде встали. Ну, думаем, сейчас всё разрешится, время ещё обед. А пурга всё сильнее и сильнее: и сверху, и снизу метёт, валит и валит. Покрутило часа 2, и этих легковых машин уже просто не видно.

К вечеру, пока стемнело, КамАЗ с одной стороны, где ветер задувал, замело больше чем наполовину, от обочины почти до двери. Ночью вышли в туалет, как-то разгребли. Не думали, что так получится: 100 километров выехали, и сразу такие заносы. А оказалось ещё хуже: к вечеру ветер поднялся ещё сильнее, снега ещё больше пошло. Легковых машин вообще уже не было видно.

Так мы проторчали до утра. Благо горелочки, чай, всё с собой. КамАЗ не глохнет, тарабанит, печка работает, тепло. Утром просыпаемся: не можем двери открыть. Представляете, КамАЗ на дороге завалило снегом полностью: и крышу, и фуру. Плюс обочина там была высоконькая, считай, как дом весь занесло. Форточку открыли, кое-как в форточку вылезли, уже с другой стороны, там снег помягче был.

С водительской стороны слышим, трактора большие ездят. Уже привыкаешь к уборочным машинам, а тут какой-то лязг, не то гусеницы идут. Разгребли с другой стороны, чуть

от дороги отошли, машина вся заваленная. Метра через 2, ближе к речке, на встречной полосе, уже можно было выгрести и голову высунуть из снега. Как в пещере. И смотрим: по полю идут тяжелейшие трактора, наподобие военных. Это оказались военные: грейдеры сильнейшие и, нам не почудилось, БТРчики. В Саранске военная часть была, военных нагнали, и начали разгребать. Легковые машины натыкались на обочине, их вообще не видно было, засыпало. Начали их вытаскивать.

Оказалось, что некоторые люди просто задохнулись. Им надо было уходить из своих машин в большие: там и автобусы рядом стояли, и наш КамАЗ, мы бы потеснились. А они то ли побоялись оставить свои машины… И люди погибли. Вот такие неприятные моменты были.

Утром разгребли, этот участок проехали, а дальше, как будто ничего и не было. Доехали, разгрузились, загрузились холодильниками.

А на обратной дороге стало ещё хуже.

Чешем за москвичком

Выезжаем обратно. Отъехали километров 100–150 от Орска, не доезжая Оренбурга. А там сопки, потом степи, потом опять сопки. И на одном участке дорогу стало заметать. Уже темнеет, а дорога по степи километров 50, может. Половину проехали: начало нести. Стало темнеть, и потихоньку-потихоньку дорогу стало заметать. Сначала обочину чуть видно было, машин всё меньше и меньше, потом вообще не стало машин. Под ночь многие не ездят. Сейчас машин много, а тогда легковых частных можно было на пальцах посчитать.

И чем больше темнеет, тем больше дорогу заметает. Водитель говорит:

– Я ничего не вижу.

– Я тоже, – говорю, – перестаю замечать, где дорога, а где обочина.

– Сейчас встанем.

А встать в степи, тоже нехороший вариант. Не дай Бог машина заглохнет.

И представляете, на наше счастье, легковая, наверное, каблучок, москвичок такой. Ему, видно, лучше видно, и, наверное, местный, знает дорогу, каждый кустик. Обгоняет нас и чешет впереди. Я говорю:

– Давай пристраивайся.

– Да я уже пристраиваюсь, но он больно быстро едет.

– Да ты в хвост к нему вставай и чеши за ним.

И этот на легковой проезжает, ему лучше видно, пониже, ближе к земле, обочину видел. Чешет, и нас вывел с этой дороги. Но это, наверное, не случайно, ангел-хранитель наш вывел нас из этой степи.

Но бывало, что подводила не погода, а водитель.

Ни домкрата, ни баллонника

Ещё один момент неприятный был, уже из другой серии, не по погодным условиям. Ехали туда, и опять же, не доезжая Бузулука, где нас, я рассказывал, на легковой останавливала милиция, тогда милиция была, а не полиция, с омоновцами. И вот посреди поля между Самарой и Бузулуком у нас рассыпался подшипник на заднем колесе. Колесо вылезло.

Спрашиваю водителя:

– У тебя есть подшипники?

– Нету.

– Ну, на одном мосту доедем. Поддомкрать, колёса сними, пускай с этой стороны крутится. Или как-то что-то можно сделать.

– У меня и домкрата нету, и баллонника нет.

– Как так нет? Ты что, в дорогу ничего не берёшь?

– Да я вот только недавно машину взял.

– Как понять, недавно взял? В дорогу ты должен укомплектоваться: передний подшипник, задний подшипник обязательно должны быть. А домкрат и баллонник, это даже не обсуждается.

Капец. Помаленьку повздорили. Я говорю:

– Сейчас просто ловишь попутку и чешешь.

Тогда ещё можно было: автохозяйств много было. Спрашиваешь, где автохозяйство, даёшь денег в залог, берёшь домкрат, баллонник и спрашиваешь какие-нибудь подшипники, новые, старые.

Отправил я его. Хорошо, там не очень далеко было, часа 2 его не было. Мы перед этим, пока не было попутки, посмотрели, сориентировались, что к чему, и он приехал уже нацеленный. Один откручивает колесо, я домкрачу. Быстро, часа за 2 всё сделали. Перекусили и поехали.

Приезжаем в посёлок, я говорю:

– Где ты домкрат-то взял? Давай заезжай, отдай.

– Не-не, а как мы поедем?

– Иди покупай. Если не дадут, оставь сколько-то денег, и все дела.

– Не-не, не заеду.

– Короче, если ты не заедешь, я их сейчас выкину, и пусть на твоей совести остаётся.

Заехал. Дал ему магарыч, и за этот магарыч ему и баллонник дали, и домкрат, и подшипник. За подшипник даже денег не взяли. Так и вышли из ситуации.

А ночью под Оренбургом начала замерзать солярка.

Солярка замерзает

Едем дальше. Ночью уже под Оренбургом, степи начинаются всё больше и больше. Пока мы возились, ночка нас застала, и мороз резко начал крепчать. Ветер поднимается. Степь, это вообще… У нас хоть деревья, можно где-то укрыться, а здесь машину стало продувать насквозь, не прогревается. Едем: идёт какая-то посадочка, низкорослые деревья, не наши вековые дубы, сосны и берёзы. Но и не совсем маленькие, выше человеческого роста.

Машина стала барахлить: солярка стала замерзать. А я ему денег давал, говорил: заправься на самой хорошей заправке, где зимняя солярка есть. А он поехал в колхоз и налил непонятно какую солярку, да ещё с мусором. Останавливаемся. Ночь, машина заглохла.

Я всегда брал с собой большую польскую сумку, здоровенную: шубу туда, ватники, валенки, шапку-ушанку, на всякий случай. Знал, что это такое: не дай Бог замёрзнуть в степи, если машина встанет. Всегда закидывал в кузов. Думал, у нашего водителя тоже где-нибудь в мешке ватники, валенки. А он ездил в кроссовках, в кожанке и в спортивной шапке.

Хорошо хоть паяльную лампу с собой брал. Выскакивал, зажигал, смотрел, замёрзший, чуть ли не обмороженный. Солярка замёрзла. Поставил он под бак ведро, как-то приспособил, греет. Благо у него какие-то куски фанеры были, прикрыл, и бак греется.

А у меня ещё перед поездкой температура поднялась. Сначала не замечал, ломало чуть-чуть, а тут на морозе стало знобить. Смотрю вдалеке: в степи далеко видно, лампочка горит. Говорю напарнику:

– Пойдём посмотрим, что там. Свет горит, может, деревня какая-то.

Оказалось, посадка закрывает железную дорогу. Там переезд, элеватор, пожарная часть. То есть нам повезло. Говорю напарнику:

– Давай возвращайся, помогай ему. Мои шмотки ему дай, там в сумке всё, пускай одевается. Попробуйте отогреть солярку, завести машину и подогнать сюда. Иначе сейчас не заведём, хана будет, всё замёрзнет. И будешь до весны здесь жить.

Напарник у меня одевался тепло. Он возвращается, а этот парень, конечно, ловкий: пока мы ходили туда-сюда, открутил трубки, лампой всё прогнал, галогеновую лампочку засунул и от аккумулятора начал ещё греть солярку. Солярка не так уж сильно замёрзла, стала застывать, как каша, как тягучее молоко. Он трубки прогнал, сам прокачивает. Пришёл мой напарник, начал бегать с этой лампой, а этот, помпой прокачивать. Хорошо, у него ещё ручная помпа была в добавок к насосу. Пробивает, заводит КамАЗ. Продувал трубки ртом: губы, конечно, обморозил, хоть и грел, быстро трубку прихватывал. Губы прямо в крови были, опухли. Смеялись потом… ну, не буду рассказывать.

А мне с температурой надо было где-то пережить эту ночь.

Ночь в пожарной части

А я зашёл в пожарную часть. У них комната отдыха, а через неё трубы идут, элеватор протапливают. Диаметром как раз так, чтобы моих рук хватило обхватить. Я обнял эту трубу, сел на стульчик и уснул.

Они подъехали на КамАЗе, мужики поставили машину к воротам, закрыли с обеих сторон фанерой, чтобы не продувало, и оставили тарабанить на всю ночь. Глушить нельзя: заглушишь, потом не заведёшь.

Зашли. Напарник сразу:

– Мужики, а можно здесь где-то спиртное найти?

– Да вопросов нет.

Сгоняли. Где-то сало, шматок, у кого что было, у нас колбасы полно, сгущёнки. Вот сейчас вспоминаю: в дорогу надо было всегда брать с собой пузырёк. Где-то вытащить, где-то кто помог, это валюта считалась. За это могли бесплатно вытащить и денег не взять.

Мужики притаранили. Я говорю:

– Не-не, я не буду, я не пью.

– Ну ты же болеешь.

– Не-не, в дороге тем более, ещё и температура.

Дали мне каких-то таблеток, я выпил и вырубился.

А утром по радио передали, чем эта ночь кончилась для других.

Через 20 лет в тех же сводках

Утром просыпаюсь, а по радио передают: много людей обмороженных, у многих машины поломались, есть погибшие.

И прошло лет 20 с того момента. Я помню этот участок, как назывался. И опять в сводках попалось, по телевизору: на этом же участке, когда уже и интернет, и телефоны, и всё, опять занос, опять мороз, много людей пообморожились, есть погибшие. Это было после Нового года. МЧС палатки там ставили, но людям не смогли помочь. Может, у кого-то

телефон не брал. Но если знаешь, что есть такой участок, проедьте, раз начались заторы, соберите людей, не дайте погибнуть.

А ещё на этой трассе в нас целились из автомата.

ГЛАВА 31

Автомат из-за пазухи или бизнес в 90-е

Сумка с миллионами

Разочек выехали из Орска, а холодильников не было. Закинули в кузов сумку с деньгами, тогда миллионы были. Польская сумка, где у меня ватники, валенки, шубы лежали, почти полная, только валенки сверху влезли. Столько денег. Вот такие тогда были времена.

И поехали в обратную дорогу.

Но сначала про то, что я увидел по дороге туда. Этого я не забуду никогда.

Икона на лобовом стекле

А ещё когда туда ехали, утром на рассвете подъезжали к городу Орску. Водитель меня разбудил. Я водой глаза протёр. Тогда я ещё не молился, не знал молитвочек. Понятие было, что Бога просишь, чтобы помогал, но конкретики не было. Не так, как сейчас: в храм ходишь, молишься за себя, за семью, за близких, родных, просишь, чтобы Господь миловал нас.

У КамАЗа лобовое стекло поделено на 2 части: водительское, посередине разделяется, и для пассажира. И вот на моём, пассажирском стекле, на всю ширину, передо мной появилась иконочка. Потом уже, когда в храм начал ходить, я узнал: Спас Нерукотворный. Господь наш Иисус Христос вытерся полотенцем, и лик Его остался, поэтому образ и называется нерукотворный. Этот образ теперь у меня есть в спальне. Этот момент я на всю жизнь запомнил. На подъезде к Орску уже рассветало, и потихоньку, с рассветом, эта иконочка исчезла.

А через несколько минут на обочине нас ждал человек в милицейской форме.

Палочка на обочине

Проезжаем какой-то участок дороги, стоит на обочине машина. И человек в милицейской форме с палочкой машет. А меня брат предупреждал: «Смотрите, не останавливайтесь. У нас сейчас начали такие штуки выкидывать: одеваются в милицейскую форму, с палочками, на частных машинах. Не останавливайтесь, езжайте до города». У него мама там служит, и в милиции были родственники. Говорили: бандюганы вот здесь хлопочут.

Я так сбавляю, смотрю на него и показываю через лобовое стекло на часы: времени нету, поехали с нами. И показываю туда, на город. А там холмы, город чуть в низине: мост через реку проезжаешь, и ты уже в городе. А мы на холме, километра за 3, всё далеко видно. Я ему показываю: поехали туда, за нами. Он быстренько вскакивает в машину и за нами. Я водителю говорю:

– Давай топи, не останавливайся.

Быстренько ему рассказал, что брат говорил. Они едут за нами, сигналят, сигналят. Тот в окно высунулся, палкой машет, выравнивается с нами. Я ему опять двумя руками машу: не-не-не, давай в город, за нами. Перерезать он не стал, скорость большая была, боялся, что переедем их. Я водителю говорю:

– Вставай посерёдке, не пускай его, чтобы он нам дорогу перед мостом не перегородил. Сейчас скорость сбавлять будешь, он заскочит.

Он быстренько перекрывает ему дорогу, и мы поехали посерёдке, не давая ему проехать. Заскакиваем на мост. Мост только проезжаем: они отстают. У каждой банды был свой участок.

Так что обратно ехать было ещё опаснее.

Погоня на двух машинах

А на обратной дороге за нами гонялись уже на 2 машинах.

Проехали Оренбург. Там газовые подстанции, насосные, газ добывают. Несколько трёхэтажных зданий, факелы горят, как городок, посёлочек. Всё в низине, факелы высокие, трубы, стравливают газ и горят, и всё вокруг освещается. Дорога идёт на подъём и поворотик. Мы только поворотик проезжаем, стоят 2 машины: одна по ходу, другая подальше на обочине. Обе тарабанят, прохладно было. Снежок уже запорошил дорогу. Осень была, но там, в Оренбургских степях, ближе к Казахстану, погода менялась каждые 5 секунд: днём жара, вечером уже заморозок.

Двое стоят, покуривают. Только вылетаем из-за поворота, он из-за пазухи вытаскивает автомат, перед нами поднимает вверх и машет: тормозите. И обратно за пазуху.

Водитель:

– Остановимся?

– Ты что, очумел? Какой остановимся? Сейчас завалят, машину твою заберут, разберут на запчасти. И нас туда же, в овраг, на съедение волкам.

– Да сейчас стрельнут, машину разобьют. Чем я работать буду?

– Да вообще не будешь работать. С такими деньгами свидетелей не оставят. Ты просто-напросто сбрасывай газ, переключайся на пониженную, поворотник включай, как будто за ними останавливаешься. Только их минуешь, газуй, чтобы они не сориентировались.

Так он и сделал. Газ скидывает, на сцепление нажимает, машина быстро едет, мы пустые. Я ещё говорю: откуда они знают, везём мы что-то или нет? Видят: быстро едем.

Груженые машины на подъёме на повороте тихо едут, вот там они и хлопочут на деньги. Смотря какой груз, какая машина, частная, нечастная. Этим они и занимались.

И мы погнали. Машина у него контейнер, резина новая. Он спокойно ездил 110, а тут 120, чешет прям как легковая. Я ему говорю:

– Правую сторону я смотрю, в своё зеркало. Левую ты. Будет с твоей стороны обходить, подрезай. Будет с правой, я тебе скажу. Держи свою сторону и дорогу держи.

И нас спасло то, что снегом запорошило: за КамАЗом такое завихрение идёт. Вторая машина тоже быстренько завелась за нами, но мы успели оторваться, пока они собирались. От одной машины мы чётко уходили: он левую сторону держал, раз подрежет, тот тормознётся, пока опять догоняет, мы уже далеко. Потом подтянулась вторая, и на 2 начали прижимать нас с обеих сторон. Я кричу: «Вправо!», он чуть правее вильнёт, тот тормозит. Левый хочет залезть: он в свою сторону сразу раз, подрезает. И чуть-чуть так наискосок, раз-раз. Водитель был, конечно, опытный.

Не знаю, сколько они за нами гонялись, но мне показалось, что очень долго. Уже до поста осталось небольшое расстояние, и они отстали. Видят: машина пустая, да и кто его знает. Я сначала думал, что они, бывает, садятся на хвост и до упора. Стрельбы не было: машина пустая, неохота было. Значит, не знали, что у нас деньги в кузове.

А дома подрастали 2 пацана. И один из них однажды решил зарядить мне юлой по башке.

ГЛАВА 32

Хотел мне юлой по башке зарядить!

Щекастый, как булочка

Марк рос не по годам, не по дням, а по часам. Такой пухленький был! К маминой груди присосётся, никак не оторвёшь. Часами мог кушать, как говорится. Мамочка уставшая была, а я ночью вставал. Если Марк начинал там скрипеть, кряхтеть, я подкладывал его маме.

А он мог часами сиську сосать. Время шло, он подрастал, булочки такие, кругляшки, щекастый. На голяшках, на ножках такие складочки были, и долго не проходили. Как резиновый мячик был, прикольно смотреть!

Время было прекрасное.

А потом мы пошли в храм. Сначала с Марком, потом и сами.

Крестины и венчание

Пришло время покрестить Марка. Народу понаехало, было очень весело. Покрестили, всё необходимое, как говорится, в жизни сделали.

Вот сейчас задумываешься: как же это прекрасно, когда ты потихоньку приобщаешься к Богу, когда детей крестишь. Это как-то передаётся из поколения в поколение. И эта защита, вера, она остаётся.

Со Светой мы венчались, конечно же. Прекрасный день был. Нам иконочки подарили. И вот как будто зёрнышко вкладывается, а потом из него вырастает такая огромная семья.

Первый ребёнок, это всегда особая история. Как мне говорили: с первым, как курица с яйцом, носишься. Пелёнки с обеих сторон гладишь.

А взрослые говорили:

– Э, вот второго родишь, постираешь и гладить уже не будешь.

Ну, когда Кирюха родился, мы действительно уже с одной стороны только гладили. Такие жизненные, как говорится, уроки проходишь.

Когда Марк был маленький, пелёнок вроде и немного было, но всё равно хлопот хватало. Я старался попозже лечь, простирнуть всё. Потом Светина мама приходила с первой или со второй смены, уже точно не помню, и всегда помогала нам. Жили дружно.

Дед у нас, царство небесное ему, ходил по шабашкам. Я уже потом с бригадой ушёл, начал мотаться с сумками. Он иногда, редко, но помогал мне. Даже ездили мы с ним на поезде.

Помню, Зойчик… Света что-то сильно перенервничала, когда была беременна Марком. Я приехал, смотрю, и как-то мне самому грустно стало, не по себе. Видно, чувствовалось, что она беременная, перенервничала. А обратно мы уже вместе поехали.

Потому что дружба перерастает в любовь, любовь перерастает во что-то большое. А сейчас я понимаю, что это просто большая, огромная человеческая любовь, которая проходит через всю жизнь.

Так что первые шажочки были сделаны.

Через 2 года в доме появился главный хулиган.

Последние волосы дяди Славы

Марк рос, и через 2 года у нас родился Кирилл.

Почему-то мне казалось, что Кирилл будет не такой тяжёленький. А оказалось, что он даже весом больше родился. Но внешне он какой-то миниатюрный был. Я его Лопатусей звал. У Марка щёки такие, кругляшки, а Кирилл какой-то стройненький, высокенький.

Они подрастали, а мы работали, трудились.

Марк был серьёзный такой, но жадный до своих игрушек. Всегда игрушки вокруг себя соберёт и Кириллу не даёт играть.

А Кирилл, такой озорник!

То из-под руки что-нибудь стырит, то на ёлку запрыгнет.

Помню, как-то раз я приехал домой с другом Славой, мы обедать сели. После обеда Кирилл забрался Славе на плечи. Сначала сидел, качался-качался, потом за уши его схватил. А ноготочки-то тоненькие!

Слава говорит:

– Вась, убери его, он мне уши поцарапал.

Я его снимаю. А он берёт Славу за руку:

– Пошли кушать.

И ведёт его на кухню.

Мы ему поесть положили. Всё, поели, выходим в зал. И он опять идёт не ко мне, а Славу берёт за палец, ставит около себя:

– Стой, пока я не поем.

Короче, поел, попил, пошли опять в зал.

Сел к нему на коленочки, сидит, раскачивается. Потом опять перелазит ему на шею, садится на плечи. Заглядывает с одной стороны, потом с другой, глазёнками смотрит, по головке его гладит.

Гладил-гладил…

А потом как схватил его за волосы, и как дёрнет!

Слава кричит:

– Вася! Он мне последние волосы выдрал!

А волос-то у него и так чуть-чуть было. Не волосатый, а плешивый такой, лоб высокий.

Я смеюсь, а он чуть ли не плачет. Кирилл вцепился в волосы, еле мы его с плеч сняли, руки отцепили, волосы освободили.

И вот тогда уже было видно: 2 ребёнка, совершенно разные.

А на Новый год он добрался до ёлки.

Ёлка упала

На Новый год собирали ёлку. Игрушки Кириллу особо не давали. Он отошёл в сторону, выбрал момент, когда мы отвернулись, разбежался, и прямо на ёлку боком прыгнул, чтобы не зашибиться.

Бах!

Ёлка упала, игрушки попадали. Хорошо, что игрушки были пластиковые.

– Кирилл, ты что делаешь?!

А он:

– Мама!

И бегом.

Такие у него были приключения.

Но и это были ещё цветочки.

Самолёт с шариками

Ещё помню: как-то раз приехал я на обед, лёг отдохнуть. Марк уже был в садике, а Кирилл ещё дома, маленький. Играл игрушками, всё раскидывал.

Был у него такой большой пластиковый самолёт. Внутри шарики-ролики крутились: ведёшь самолёт, и они внутри так интересно вращаются.

Ручки-цепучки у Кирилла были! Забрался на стул, как-то дёрнул за верёвочку, и бах! Самолёт развалился. То, что внутри было, всё рассыпалось. Корпус пополам разошёлся, потому что был склеен.

Потом клеили. Потом опять разбился.

А если игрушка разбилась, ему обязательно надо внутрь залезть, всё посмотреть, всё проверить. Уже начал его бить, колоть, разбирать дальше. В итоге всё выкинули, чтобы не поцарапался, не повредился, чтобы маленькие детали не проглотил.

Такая вот исследовательская работа шла.

А самая опасная игрушка у него была юла.

Юла

Ещё была у него юла. Сверху пластик прозрачный, а снизу металлическая. Накрутишь её, и она крутится, крутится, волчок такой: дрынь-дрынь-дрынь.

Я как-то на обед приехал, телевизор включил потихоньку. Думаю: он играет, я сейчас, может, немного покемарю.

Он играет-играет, потом берёт эту юлу, возит её за собой и ходит кругами вокруг игрушек:

Дрынь… дрынь… дрынь… дрынь…

Монотонно так.

Я глаза закрываю, но один глаз, как говорится, на страже. Открою: посмотрю. Закрою. Открою. Закрою.

А он идёт себе вокруг, идёт…

Потом заходит за мою голову и стоит. Что-то думает.

Я думаю: «Наверное, опять что-нибудь соображает. Какую-нибудь пакость сейчас придумает».

Я быстренько встаю.

А он уже юлу схватил и бабах ею об спинку дивана!

Я успел голову поднять, как будто почувствовал.

А он ещё так аккуратно её поднял, бесшумно ходил, ходил, взял в руки…

И тут побежал:

– Мама! Мама!

Все:

– Что случилось? Что случилось?

Слышат шум, грохот.

Я говорю:

– Смотри, что он удумал!

– Как?

– Хотел мне юлой по башке зарядить!

Наверное, наказывал меня за что-то. Не знаю, откуда у него всё это выходило. Но такие прикольные вещи постоянно происходили.

Пока дома шла исследовательская работа, на работе всё менялось.

Дешевле, чем в Японии

А потом мы уже на машине ездили в деревню.

Машина у нас была легковая, правда, на двоих с другом, но очень удобно было. Мотались везде, работали, деньги зарабатывали. Тогда я ещё занимался холодильниками, телевизорами, об этом уже рассказывал.

Потом пошли импортные дешёвые телевизоры, и наши стали брать меньше. Спрос ещё был, конечно, но уже не тот. Да и качество наших телевизоров стало очень плохое. Люди начали жаловаться.

С холодильниками то же самое: то заправленные, то незаправленные. Возвраты пошли, жалобы.

Ребята говорят:

– Давайте импортные телевизоры возить. Сейчас на них большой спрос.

Цена там поначалу не сильно отличалась. Сначала завозили телевизоры очень дешёвые.

Мой друг из Москвы тащил телевизоры, документы были оформлены на другую продукцию. Но всё равно где-то что-то просочилось.

И вот под Самарой их хотели остановить. Они не остановились.

Я не знаю, чем им прошили кузов, но хорошо, что не взорвалось.

Когда домой приехали, посмотрели на брезент, дырища насквозь. Прошило, короче.

Я говорю:

– Нет. С импортом связываться не будем.

Во-первых, в Москве могут кинуть. Наших ребят уже кинули. Они поехали туда, им очень дёшево дали. Второй раз поехали, деньги загнали, так и вытащить их не смогли.

Вот такая замануха была.

Ещё и рекламу давали:

«Дешевле, чем в Японии».

Телевизоры, конечно, были малазийские, где-то ещё собирались, уже не помню точно. Но качество было хорошее.

Мы с другом ещё телевизоры там покупали.

Но потом решили отказаться.

Разворот на 180 градусов

У нас уже как бы и деньги были, всё было. Конечно, опыта большого не было, но куда-то надо было двигаться, в какую-то сторону развиваться.

Машина была, деньги были.

Потом моего друга уже не стало. Царство небесное ему.

А человек, с которым он меня познакомил, был старше нас. Мне тогда было, наверное, 25, ему около 30, лет на 5–7 старше меня. А этот человек, мне кажется, был ещё старше, лет 35 ему было.

Когда друг меня с ним познакомил, он посмотрел на меня, мы познакомились, и дальше уже начали работать в другом направлении, с продуктами.

Масло, сахар, растительное масло, семечки, мука, крупы.

То есть мы постепенно переориентировались.

Сначала ездили в Орск, в сторону Казахстана, 1300 километров.

А потом раз, и разворот на 180 градусов.

Продукты.

Краснодар. Волгоград, Краснодар.

Тоже где-то 1400 километров, а то и дальше. А уже по месту приходилось мотаться, поэтому бывало, что по 1500 километров наматывали.

А в Краснодаре меня ждал человек, которого мы потом прозвали Ребусом.

V

РАЗДЕЛ

ВЫЖИТЬ В 90-Е

ГЛАВА 33

Черешня, шашки и обрезы

«Ребусы порешаем»

Как-то познакомили меня с Борисом, это был друг Альберта, с которым я тогда работал. Они вместе учились в строительном техникуме, потом долго не общались, и я Бориса вообще раньше ни разу не видел.

Они как-то встретились, разговорились, и Борис предложил интересную тему. Рассказал, что ездит в Краснодар, а там полно всякой продукции: мука, сахар, масло, семечки, черешня, яблоки, в общем, продукты питания. Говорит:

– Завтра давай встретимся, поговорим, узнаем, что к чему. Они как раз в Краснодар едут, хотят нас с собой взять.

Я говорю:

– Проблем нет, давай посмотрим.

На следующий день встретились, всё обсудили и решили ехать.

У нас была «девятка», у Бориса «девяносто девятая». Жили мы недалеко друг от друга, буквально через дорогу. Даже машины ставили на одной стоянке. Я раньше просто внимания на это не обращал, народу много, все машины ставят, я особо ни за кем не наблюдал.

Утром договорились выехать пораньше. Мы пришли вдвоём, они тоже вдвоём. Борис познакомил меня со своим другом Валерием, и мы рванули в Краснодар.

Ехали через Волгоград, потом в сторону Ростова, дальше повернули на Краснодар. В Волгограде остановились, поели.

А первый ребус Борис загадал нам ещё по дороге.

Машину вскрыли

И тут Борис говорит:

– У меня что-то с машиной, барахлит. Вы пока здесь отдохните, чай попейте, посидите, а мы съездим, посмотрим машину.

Они уехали.

Прошло минут 15, потом полчаса, потом уже почти час. Мы сидим, думаем: наверное, действительно машина сломалась, загнали куда-то в сервис, ищут мастеров.

Через час они возвращаются.

– Ребята, у нас такая проблемка нарисовалась…

Оказывается, подъехали они к сервису, пошли искать мастеров. К одному подошли, ко второму. Минут через 15 возвращаются, а машина вскрыта, и из неё все сумки вынесли.

Там были кожаные плащи, куртки, спортивные костюмы, всего, как они сказали, тысяч на 15–20.

Борис только приехал из Турции и привёз всё это. Говорит, хотели председателям там подогнать товар, чтобы нас загрузили без проблем, да и вообще чтобы всё подешевле отдавали.

И тут они говорят:

– Надо скинуться. На четверых по 5000, чтобы ему эти 15 000 хотя бы возместить.

Мы с другом посмотрели друг на друга, переглянулись.

Я говорю:

– Ребята, что-то я не понимаю смысла этого разговора. По 5000 с каждого, это уже 10 000 с нас двоих. С какого перепуга?

Я говорю:

– Это ваша проблема. Может, у вас там ещё золото было? Может, ещё что-нибудь? Почему мы должны за это платить? Мы же с вами ни на какие шмотки не скидывались. Договорённость была только одна: доехать, посмотреть, если есть выгодные сделки, тогда можем вложиться.

А то, что у вас машину вскрыли и вещи украли, это вообще непонятно.

Тем более по тем временам 5000 рублей, это были очень большие деньги. За 10 000 можно было хорошую подержанную машину купить. Не «девятку», конечно, но «шестёрку» двух-трёхлетнюю, вполне.

Я говорю:

– Что, машину мы вам должны теперь купить? Я вообще не понимаю.

Борис начал обижаться:

– Ну, не хотите, как хотите. Я сам возмещу.

Я говорю:

– Конечно, это ваша проблема. Вы договаривались, вы брали, вы хотели заработать. Мы тут при чём?

Ну, короче, поехали дальше.

В Краснодаре я начал присматриваться к Борису внимательнее.

Без денег мне машину загрузили

Приехали в Краснодар, пошарахались, переночевали в гостинице, посмотрели, что к чему. Решили остановиться на черешне.

Борис говорит:

– О, у меня есть знакомый. Мы в хранилище загонем. Там холодильники промышленные, райповские. Всё будет нормально. У меня там всё прихвачено. По рынкам тоже есть знакомые, по магазинам раскатаем.

Я думаю: вроде серьёзный мужик.

Но после той первой истории я уже начал немного настораживаться.

Он постоянно говорил: «Ребусы порешаем», «там ребусы решим». И я всё больше присматривался.

Цены действительно отличались. Там, условно говоря, 10 рублей, а у нас чуть ли не 50. Разница огромная.

Казалось бы, вот она, возможность заработать.

Позвонили ребятам, и нам выслали фуру.

Приехала фура, рефрижератор. Борис бегает, что-то договаривается, что-то там кроит, решает. Мы ждём.

Мой напарник и его напарник Володя были ребята такие, любители иногда «пописяриком мазать», то есть выпить. Я никогда не пил и всегда был за рулём. Особенно в чужих краях я старался внимательно смотреть по сторонам: кто на нас смотрит, кто рядом появляется, кто второй-третий раз встречается на пути. Потому что если один и тот же человек начинает постоянно попадаться, уже невольно думаешь, что это неспроста.

А за нами, как выяснилось, действительно наблюдали. Чужие номера, приехали издалека, непонятно кто такие.

Борис с утра бегал по своим делам. То с одним председателем что-то перетирает, то с другим.

Я смотрю: у него КамАЗ пришёл, туда 10 фляг ему кинули, здесь мешков 20–30 сахара обещают. И я думаю: зачем он вообще столько машин гоняет?

А потом понял: оказывается, ему за это платили. Он обещает одному привезти одно, другому другое, самосвалы, КамАЗы, всё решает.

Я ещё подумал: вот, оказывается, как работать надо. Без денег мне машину загрузили, всё уже вроде решено. Борис ходит, всех знает, везде свои люди, постоянно что-то «порешает».

И никто не проверил одну важную вещь.

Ящик черешни

Наконец приходит наша фура с холодильником.

И вот тут, как оказалось потом, была ещё одна важная деталь: надо было сразу проверить, работает рефрижератор или нет.

Но никто этого сразу не сделал.

Договорились загружать черешню. Деньги наши. Борис руководит, какую черешню брать, куда идти, у кого что покупать. У него там знакомые, свои склады, свои люди.

Мы поставили фуру.

Подходит какой-то мужичок. Я смотрю: прошёл вокруг машины, заглянул в кузов, посмотрел, что там.

Наши ребята, мой напарник и Володя, уже немного подвыпившие, ходят в очках, в шортах. Видно сразу: приехали из города в деревню.

Начинаем грузить черешню.

И этот мужичок подходит и говорит:

– Можно я ящик возьму?

Володя сразу буркнул:

– Ты что, не видишь? Фура грузится. Из-за одного ящика останавливать погрузку не будем.

Я сразу подхожу:

– Ребята, встаньте в сторонку. Лучше идите в машину.

А мужику говорю:

– Извините. Они, видите, немного выпившие. Идите, возьмите, какие проблемы?

Смотрю, кладовщица обращается к нему по имени-отчеству:

– Да возьмите, возьмите. Без усов возьмите, я вас знаю. Потом деньги отдадите.

Он говорит:

– Да у меня есть.

Достаёт деньги, отдаёт и уезжает.

А я уже тогда что-то почувствовал.

Думаю: просто так совпадения не бывают. Сначала вокруг машины прошёл, в кузов заглянул, потом подошёл ящик черешни взять. Ладно, думаю, посмотрим.

Долго ждать не пришлось.

Подстава конкретная

Мы загрузили машину.

Выезжаем на легковых, ждём фуру. Она потихоньку начинает выезжать.

И только фура выехала с территории на площадку, откуда ни возьмись подъезжают машины.

Хоп!

Одна, вторая, третья…

И вся площадь оказывается забита машинами. Выходят братки.

Нам показывают:

– Выходите из машин.

Мы вышли.

И я вижу среди них того самого мужичка, который только что ящик черешни покупал.

Я сразу думаю:

«Ну всё понятно. Подстава конкретная».

Нас окружили.

Старший в белых штанах, в белой рубашке. Обращается к тому мужику по имени-отчеству:

– Кто тут такой борзый? Вы что, попутали? Чего нашего дядьку обидели?

Я говорю:

– Да никто его не обижал. А в чём проблема?

Он мне:

– Ты помолчи вообще.

Я замолчал.

Смотрю, у них уже начинает кипеть.

Тот мужик показывает:

– Вот этот был.

Они сразу окружают одного, второго, отводят от нас. И начинают их толкать, подталкивать, потом уже и бить.

Около меня сразу встали двое. Передо мной один стоит, рядом этот, в белых штанах, наблюдает.

Я говорю:

– Мужики, ну ведь эксцесса никакого не было. Никто грубого слова не сказал. Я извинился.

И тут тот, который стоял передо мной, разворачивается, и я вижу, как на меня летит кулак.

Я сразу почувствовал, что меня с боков берут, заламывают руки.

Тот говорит:

– А тебе чего, не хватило?

Я уже понимаю, что начинается.

Руки мне держат. Я просто делаю наклон вперёд, закрываюсь плечом, втягиваю голову в плечи.

Больше я ничего сделать не могу, руки зафиксированы.

Он бьёт.

Я чуть подныриваю, и удар приходится по макушке, потом вскользь задевает плечо и верхнюю скулу костяшкой.

Если бы я не поднырнул, он попал бы прямо в челюсть. Он был ниже меня ростом, но ударил бы хорошо, мог бы просто вырубить.

Тот, в белых штанах, сразу:

– Фа! Фа! Ты чего сразу там это?

Я стою.

Но самое опасное было впереди: меня собирались куда-то везти.

В чужую машину я не сяду

И тут подходит ещё один, невысокий, худощавый, спокойный такой.

Говорит:

– Ты поедешь со мной.

Я говорю:

– Не, я никуда не поеду.

Он снова:

– Ты поедешь со мной сейчас. Мы поедем на этой машине.

Они опять заламывают мне руки. Передо мной один хватает за волосы и начинает тащить к машине. Голову мне нагибает, а я плечами упираюсь.

Они хотели меня засунуть в свою машину.

А я смотрю: там такое ощущение, что чего только нет: обрезы, шашки. Говорят, казаки, донские казаки. Горячие парни.

И я думаю:

«Нет. В чужую машину я не сяду».

Мало ли что это за машина, мало ли что там лежит. Подстава какая-нибудь, оружие, отпечатки, потом попробуй докажи.

Я говорю:

– Если ехать, то на нашей машине. Я за рулём.

Они меня отпустили.

Сели в машину.

Я спрашиваю:

– Куда едем?

– К председателю.

Ну, думаю, хорошо.

Говорю:

– Вот и поедем. Скажете председателю, что никакого эксцесса не было. Просто какие-то непонятки, разобрались, и всё.

Приезжаем к председателю.

– Здравствуйте, здравствуйте.

Я говорю:

– Всё, мы загрузились. С ребятами заодно познакомились. К сотрудничеству призывают, говорят, приезжайте, всё решим. Черешня хорошая, продукция у вас хорошая. Мы, наверное, сразу и выедем. Спасибо вам большое.

Председатель смотрит на меня, смотрит.

И спрашивает:

– Точно всё в порядке?

Я говорю:

– Да.

У меня, наверное, щека уже красная.

– Всё в порядке, – говорю. – Разобрались. Маленький инцидент был, и всё нормально.

Он опять:

– Точно всё в порядке?

– Да-да-да, не переживайте.

Я ещё говорю:

– Мы ещё приедем. Посмотрели вашу продукцию, мука хорошая, сахар есть, всё есть. Будем работать.

Обменялись координатами. Он дал визитку.

Мы попрощались и поехали.

По дороге я узнал, с кем имел дело.

«Я здесь смотрящий»

По дороге этот парень, который со мной разговаривал, говорит:

– Ну ты молодец. Никаких лишних движений не делал.

А я говорю:

– А что мне было говорить или делать? Всё нормально.

Поговорили о том, что всякое бывает.

И тут он мне объясняет:

– Вот этот, в белых штанах, – наш коммерсант. Я здесь, скажем так, смотрящий. Поэтому если какие-то проблемы возникают, обращайтесь. Мы здесь всё порешаем. Дешевле продукцию найдём, загрузим, никто вас не тронет.

Я говорю:

– Понятно.

Он продолжает:

– Конечно, не так надо было знакомиться. Но твои ребята немного неправильно себя повели.

Я говорю:

– Бывает.

Он говорит:

– А сейчас езжайте спокойно. Никто вас не тронет. Не переживайте, ни по трассе, ни здесь.

И дал мне свою визитку.

Потом посмотрел на меня и говорит:

– Ты парень молодец. Я смотрю, держишься нормально. Не бухаешь?

Я говорю:

– Нет.

– Спортом занимаешься?

– Да.

Он говорит:

– Ну, сразу видно.

Вот так мы и познакомились с Краснодаром, с этими людьми и с «ребусами», которые Борис всё время собирался решать.

А холодильник в фуре сломался уже через 4 часа пути.

ГЛАВА 34

Давай бабки поделим!

Черешня в жару

Борис, которого Ребусом прозвали, обещал нам помочь: выгрузить черешню в холодильник, познакомить с рынками, подсказать торговые точки. Говорил, что у него везде есть знакомые, всё решим, всё устроим.

Выехали мы в дорогу. Путь предстоял неблизкий: примерно 1300, 1400 километров. За нами шла фура с черешней, мы продвигались вперёд, время от времени останавливались, перекусывали и ехали дальше.

Проехали километров 100–200, потом ещё. Как помню, часа 4 были в пути, уже приближалось время обеда. Остановились возле кафе, решили подождать машину и заодно заказать себе поесть.

Тут подъезжают ребята на фуре и сообщают неприятную новость: сломался холодильник!

А нам ещё больше тысячи километров ехать. На улице жара, черешня, товар скоропортящийся. Кузов, конечно, утеплённый, да и ягода была охлаждённая, поэтому какое-то время она ещё держалась. Но впереди оставалась большая дорога, и никто не мог гарантировать, что всё доедет в хорошем состоянии.

Решили долго не рассиживаться. Пообедали и договорились двигаться дальше, по возможности не останавливаться на ночлег, чтобы быстрее добраться до Саранска. Надеялись, что успеем довезти черешню и спасти товар.

Но всё равно перепад температуры сказался. Когда приехали в Саранск, черешня уже была не в том состоянии, в каком мы рассчитывали её получить.

А Борис, наш Ребус, как назло, сразу куда-то пропал. Наобещал с три короба, а когда понадобилась реальная помощь, его рядом не оказалось.

Хорошо, что у нас самих были знакомые. Через них нашли большие промышленные холодильники в Мордовпотребсоюзе, в системе райпромторга. Нам выделили холодильник, мы оплатили хранение и выгрузили черешню.

Только вот выяснилось, что для Саранска такого количества черешни слишком много. Мы начали раскидывать товар по магазинам, по торговым точкам, везде, где только можно. Работали с магазинами райпромторга, поставляли на рынок, старались быстрее продать весь объём.

Но черешня есть черешня: долго она не хранится. Пока мы её продавали, часть товара начинала портиться. В итоге еле-еле вытащили свои деньги. Не заработали, как рассчитывали, а просто сумели вернуть вложенное.

Казалось бы, всё, закончили эту историю. Можно выдохнуть и идти дальше.

Но не тут-то было!

«Ну что, ребуса порешали?»

Прошла примерно неделя, и объявляется наш Борис.

– Ну что, ребуса порешали? Давай, что там, бабки поделим!

У меня в тот момент желание было совсем другое, хотелось его наказать за все эти обещания и за то, как он нас подвёл. Они с другом начали между собой что-то выяснять, кричать, спорить. В конце концов Борис вроде бы отступил: мол, ладно-ладно, мне никаких денег не надо.

Но тут же начал предлагать новую тему.

Мол, черешня, дело скоропортящееся, сегодня есть, завтра нет. А вот есть другой вариант: вложить деньги под урожай. Колхозам нужна солярка, чтобы провести полевые работы. Мы сейчас поможем им деньгами, они в ответ отдадут нам зерно по выгодной цене. А дальше мы это зерно перемелем в муку. Выход, по его словам, получался колоссальный!

Он всё расписывал, считал, объяснял, показывал, сколько вложить и сколько получить. Говорил уверенно, будто уже всё было решено и оставалось только принести деньги.

А я думаю: «Блин, только-только от одного дела избавились, кое-как свои деньги вытащили, и опять какой-то ребус предлагает!»

Но деньги у нас были, а вкладывать их во что-то всё равно приходилось.

Поэтому я решил не торопиться с большими суммами, но саму идею рассмотреть.

Мы с другом договорились: много вкладывать не будем. Борис посчитал небольшую сумму вложений и начал рассказывать, что на выходе можем получить чуть ли не целую фуру муки.

Смысл был такой: если просто покупать готовую муку, нужны одни деньги. А если вложиться под урожай, помочь с соляркой, то можно получить зерно дешевле, а затем переработать его в муку. Колхозам требовались деньги на горючее, поэтому часть зерна они соглашались отдавать по сниженной цене.

Всё это выглядело заманчиво. Вложение небольшое, срок понятный, выход вроде бы хороший.

Черешню мы продавали в начале июня, а зерно должны были получить уже после уборки урожая, в конце июля или позднее. Получалось около 2 месяцев ожидания.

Я присутствовал при разговорах, слушал, наблюдал за Борисом, за тем, как он ведёт дела, как договаривается. Для меня это тоже была своего рода школа. Я присматривался, учился, пытался понять, как можно переключиться с одного направления бизнеса на другое.

А зерна всё не было.

Зерно после уборки

Лето пролетело быстро. Наступил конец июля, урожай убрали. Нам объяснили, что зерно должно ещё немного полежать, просохнуть, подняться в цене или дождаться нужного момента для хранения в элеваторах. В общем, договорились вернуться к вопросу в сентябре: тогда, мол, приедем, загрузимся мукой, получим свои деньги, а заодно сможем взять сахар и другие товары.

Хорошо, решили ждать.

Началась школа, наступило первое сентября. Мы подумали, что после начала учебного года будет удобнее отправляться в дорогу. Созвонились, встретились с Борисом и стали окончательно договариваться о поездке.

Он заявил, что возьмёт себе ещё один КамАЗ и нам тоже найдёт машину. У нас уже был свой восьмитонник, но под запланированный объём требовался автомобиль побольше. Борис говорил, что нужно примерно 15–16 тонн, как раз под то количество муки, о котором мы договаривались.

Всё вроде бы шло к делу. Договорились, что скоро выезжаем.

И вот проходит неделя, а Борис пропадает.

Звоню ему вечером: трубку не берёт. А ведь мы уже договорились на следующее утро выезжать!

Утром я понял, что Борис собирается уехать без нас.

В 5 утра что-то разбудило

Проснулся я рано, часов в 5. Что-то меня разбудило, какое-то внутреннее чувство появилось, будто что-то не так. Тогда сотовых телефонов ещё не было, поэтому я набрал ему домой.

Опять не отвечает.

Перезваниваю ещё раз: трубку наконец берёт жена Бориса.

Спрашиваю:

– Борис где?

Она отвечает:

– Да он уже на стоянку пошёл, за машиной. В Краснодар собирается, рано выезжать надо, вот он и отправился пораньше.

Я спрашиваю:

– А почему мне не позвонил?

Она отвечает примерно в том духе, что не знает, чьё это дело и кому звонить.

Ну, говорю, хорошо, извините.

Положил трубку и сразу начал собираться. Выскочил из дома и побежал на стоянку. Она находилась недалеко от нас, буквально через один жилой дом.

Когда стал приближаться, увидел Бориса. Стоит, с кем-то разговаривает, руками машет, что-то объясняет.

Я решил не идти прямо на него, а обойти с другой стороны улицы, чтобы подойти сзади. Шёл потихоньку, наблюдал издалека. Он всё разговаривал, жестикулировал, что-то доказывал.

И вдруг как будто почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Повернулся через плечо, увидел меня, обернулся и сразу:

– О, здорово! Чего так долго спите?

Я говорю:

– А что случилось?

Он отвечает:

– Я вам КамАЗ не нашёл. Давайте в следующий раз поедем.

Вот тут я уже не выдержал.

– Какой ещё следующий раз? Я сам нашёл КамАЗ! Мы договорились, что вместе выезжаем, загружаемся, едем. Я не собираюсь за тобой бегать! Ты хотя бы позвонить мог, предупредить, объяснить, что происходит.

А он в ответ:

– Да что предупреждать? Я машину не нашёл, в следующий раз поедем.

Я сразу понял, что что-то здесь нечисто.

Говорю ему:

– Ты что-то юлишь. То едем, то не едем, то машину найдёшь, то не найдёшь. Я привык работать конкретно. Если договорились, значит, выполняем договорённость.

Он начал успокаивать:

– Ладно-ладно, всё нормально, давай.

Отвёл меня немного в сторонку и предложил:

– Ну всё тогда. В 8 часов встречаемся на заправке на выезде.

Я решил сразу обозначить границы.

– Договоримся так: если будешь и дальше такие крутасы выкидывать, придётся с тобой по-другому разговаривать. Я не кипячусь, но привык к конкретной работе. Ты деньги взял, обязательства есть. Поэтому давай решать всё по делу.

Он опять:

– Ладно, ладно! Насчёт денег потом. Приедем, всё порешаем, все ребусы решим.

На том и разошлись. Договорились встретиться в 8 утра.

Борис, правда, не знал, что у нас есть ещё один КамАЗ, который мы тоже собирались взять с собой. Мы планировали по дороге загрузить что-нибудь дополнительно: сахар, масло, в общем, любой товар, который можно было выгодно привезти.

ГЛАВА 35

Одними завтраками кормит

Лишний КамАЗ

В 8 часов встретились на выезде. Там стояла их фура, несколько гружёных газончиков с металлом, 2 новые «Волги». Выяснилось, что один из наших знакомых был коммерческим директором самосвального завода из Нижнего Новгорода. Они перегоняли машины сюда, устанавливали самосвалы, а затем везли их в Краснодар, где такая техника была востребована. Заодно загрузили металл, новые «Волги», газончики, в общем, организовали целую перевозку.

Мы подъехали со своей фурой, двумя КамАЗами и легковой машиной.

Борис увидел наш дополнительный КамАЗ и удивился:

– А это ещё что за КамАЗ?

Я говорю:

– Наш. Решили взять с собой. Чего зря ехать? Может, ещё что-нибудь загрузим.

– А, молодцы, молодцы! Конечно, чего зря ездить?

И мы отправились в путь.

Знал бы я, сколько нам там придётся сидеть.

Одними завтраками кормит

Приехали на место, а там началось самое интересное.

Борис держит нас день, второй, третий, четвёртый, пятый. Одними завтраками кормит. То вроде бы договорились, то опять что-то не получается.

Я стал замечать его привычки: он мог выскочить часа в 4–5 утра, куда-то уехать, а в обед вернуться. Видно было, что постоянно с кем-то встречается, что-то решает, куда-то ездит.

Сначала нам рассказывали, что всё нормально, что сейчас загрузимся. Потом выяснилось, что зерно подорожало в 2–3 раза и прежние расчёты уже не сходятся.

Те машины, которые они пригнали, газончики, «Волги», начали сдавать, переоформлять, решать какие-то другие вопросы. Сам Борис разъезжал на своей девяносто девятой.

Я заметил, что его друг всё больше нервничает. Спрашиваю:

– Что случилось?

Он объясняет, что одна машина вроде бы уже ушла, а теперь не сходятся договорённости по количеству товара. Договорились на определённую сумму и определённый объём, а цены изменились. Одной машины продукции не хватает.

Я говорю:

– Как это понимать? Вы же заранее всё согласовали!

Получалось, что Борис сам с кем-то договорился, но его тоже подвели. В результате он не мог загрузить ни нас, ни своих партнёров. А рядом стояли машины, люди ждали, расходы шли каждый день.

Для нас это тоже были деньги. КамАЗы простаивали, за простой приходилось платить, да и сами мы всё это время находились вдали от дома, тратили средства на еду и проживание.

Я начал следить за тем, куда Борис ездит, с кем встречается, какие у него дела. Видел, как он что-то загружает в свой КамАЗ: то флягу мёда, то мешки сахара, вроде бы около 10 мешков. 5 дней он мотался, договаривался, что-то искал, пытался выкрутиться.

Но нас всё равно не грузил.

Когда он снова приехал в обед, я уже решил поговорить с ним серьёзно.

– Борис, что происходит? Почему ты нас не грузишь? Мы здесь уже неделю сидим, только деньги тратим. За КамАЗы платим, расходы несём. Сколько ещё будем ждать?

Он в ответ:

– Да всё-всё-всё возместится! Сейчас решим, всё будет нормально.

Я сказал:

– Хорошо. Но завтра, если не загрузишь, мы грузимся на свои деньги и уезжаем. А ты уже будешь объясняться с другими людьми, что здесь происходит. И то, что ты взял, будешь возвращать. Не просто обещаниями отделываться.

У него сразу глаза округлились.

– Ты чего на меня наезжаешь?

Я спокойно ответил:

– Я на тебя не наезжаю. Я с тобой разговариваю и предупреждаю. Завтра, если машина не будет загружена, все расходы будем считать. Чем дольше ты нас держишь, тем дороже тебе это обойдётся.

Видимо, он понял, что дальше тянуть уже не получится.

Утром он наконец зашевелился. Только не так, как мы ждали.

«Давай документы сюда»

На следующее утро Борис без особых объяснений взял наш КамАЗ и куда-то уехал.

Оказалось, отправился загружать машину.

К обеду он вернулся, а КамАЗа уже не было. Сам Борис предложил:

– Ну что, поехали пообедаем.

Мы пошли обедать. Он отвёл нас в сторонку и сообщил:

– Всё нормально. Вашу машину я загрузил.

Только мы закончили есть, как прибежал наш водитель КамАЗа:

– Василий, давайте мне деньги!

Борис тут же начал объяснять, что теперь водитель поедет с его КамАЗом, что машина загружена и можно отправляться.

Я спрашиваю:

– Борис, как это понимать? Водитель приехал с нами. Кто ему будет платить за рейс? Ты? Или он должен потом с нас деньги требовать?

Он ничего толком не объяснил.

Я говорю:

– Значит, так. Раз ты ничего конкретного не говоришь, давай документы сюда. Чтобы потом не получилось, что ты уехал, а мы остались разбираться с водителем и оплачивать все расходы.

Он документы отдавать не захотел.

Я настаиваю:

– Документы нужны. Ты не можешь просто так отправить нашу машину неизвестно куда, а потом оставить нас с проблемами. Мы приехали вместе, договаривались вместе, значит, и вопрос решаем вместе.

Ведь мы уже нашли дешёвую муку, договорились о загрузке и собирались уезжать в ближайшие час-два. Возможно, водитель успел бы загрузиться, пока мы обедали.

А у нас уже был свой козырь.

«Мы уже загрузились»

Приехали на место: наш КамАЗ действительно гружёный.

Все собрались вместе. Борис начал торопить:

– Ну что вы время тянете? Надо машину отправлять!

А я отвечаю:

– Мы тоже уезжаем. У нас всё готово.

Он удивился:

– А вы что, свою машину не будете грузить?

– Мы уже загрузили.

– А где нашли?

– Нашли. Ребята помогли.

И тут выяснилось, что нам помогли те самые люди, которые раньше приезжали за черешней. Когда у нас возникли сложности с её реализацией, они оставили свои координаты. Мы их разыскали, связались, объяснили ситуацию, и они без лишних разговоров помогли найти муку по хорошей цене.

Причём дешевле, чем ту, которую предлагал нам Борис!

Вот так получилось: пока он 5 дней ездил, искал, договаривался и кормил нас обещаниями, мы сами нашли нужный товар и решили вопрос.

Борис заявил, что ему ещё надо остаться, доделать свои дела. Предложил, чтобы его КамАЗ поехал вместе с нашим, а он потом приедет следом.

Но тут уже и наш водитель начал задавать вопросы.

А муку, которую мы нашли сами, скоро будут разбирать целыми тракторами.

ГЛАВА 36

Продать камаз муки

«Вася целый КамАЗ муки привёз!»

Итак, машину мы загрузили. Водитель почти неделю проторчал без оплаты, хотя мы его кормили. Его тоже можно понять. Отдал ему документы, собрались и отправились в путь. Наш КамАЗ тоже был загружен мукой. Где-то была заводская прошивка мешков, где-то незаводская, но для нас это не имело особого значения. Главное, что мука была очень хорошего качества. Это мы потом почувствовали по реакции покупателей, когда люди стали благодарить нас за товар.

Не доезжая до Саранска, мы свернули с Московской трассы в сторону деревни. Наш небольшой КамАЗ мы решили оставить в Саранске и продавать там. 8 тонн у нас было или 10, в любом случае это намного меньше, чем 15–16 тонн в большой машине. 2 машины одновременно продавать было тяжеловато.

Поэтому я поехал в свою деревню, а мы отцепили полуприцеп.

Там жили наши тётушки. Одной из них, Наташи, уже нет в живых. Царство ей Небесное.

Я сразу предложил:

– Ну, рекламу дайте! Мука хорошая, вкусная. Тем более цена почти в 2 раза дешевле!

Например, мешок муки с заводской прошивкой стоил 25 рублей, а наша обходилась примерно в 15. Точную цену уже не помню, но разница была существенная.

И качество! Это же краснодарская мука, с хорошей клейковиной. Хлеб из неё получался пышный, ароматный. Сама мука была не белоснежная, а слегка желтоватая.

Позже люди мне говорили:

– У тебя хлеб и без яйца жёлтый получается!

А мордовская мука, как они объясняли, даже с добавлением яйца такого цвета не давала. Краснодарская мука отличалась и цветом, и вкусом, и тем, каким получался из неё хлеб.

Прошла примерно неделя, и мне позвонили:

– Вася, у тебя всю муку разобрали!

– Так быстро?!

– Да! Приезжали по 5, по 10 мешков брали. Кто-то 15 мешков на тракторе увёз. Все удивляются: чего так дёшево и какая вкусная мука! Передают друг другу, благодарят тебя.

Люди съезжались со всех деревень. Мука разошлась буквально за несколько дней.

– Вчера ещё всё закончилось, – сказала мне тётушка. – Я уж не стала тебе на ночь звонить.

– Ну ладно, спасибо большое! С меня могарыч!

Я и себе оставил 10 мешков. А тётушке предложил пару мешков бесплатно взять в благодарность за помощь.

Получилось очень по-доброму. Люди довольны, мы довольны, все друг другу помогли.

А ведь некоторые сначала брали муку попробовать для скотины. Кто-то, наверное, и подумать не мог, что она настолько хорошая. Но стоило попробовать, как начиналась совсем другая история.

Тётушка рассказывала людям:

– Это краснодарская мука, хорошая! Я сама пироги пекла, вы бы видели, какие получились!

В деревне жизнь тогда начиналась рано.

Печи топили с утра, коров выгоняли на пастбище, кто-то уже хлеб ставил. И вот пошла молва по всей округе. Кто-то попробовал испечь хлеб, кому-то понравилось, он рассказал соседям, а те приехали покупать.

Так и представляю эти деревенские разговоры. Кто-то хлеб печёт, кто-то самогон гонит, кто-то селянку варит или другую вкусную похлёбку готовит. У каждого своё хозяйство, свои умения, свои заботы. И всё это сопровождается разговорами, новостями и советами.

А тут ещё новость:

– Да это Вася целый КамАЗ муки привёз продавать!

– Я сначала для скотины хотела взять, а потом попробовала! Вот это мука! Как раньше, в старину!

Люди сравнивали её с той мукой, из которой пекли хлеб в прежние времена. И хотя помол не был грубым, как кто-то предполагал, по вкусу и качеству она напоминала им старые добрые продукты, когда всё было по-настоящему вкусным.

Вот так благодаря хорошему товару и доброму слову наша мука быстро нашла покупателей.

А потом в одной деревне я впервые увидел дом с земляным полом.

Бабушка с земляным полом

Наш небольшой восьмитонный КамАЗ мы тоже разгрузили довольно быстро, примерно за 2 дня. Проехались по деревням, предлагали муку людям.

Некоторые даже говорили:

– Вы завтра приезжайте! У нас пенсию дадут, тогда и возьмём.

Кто-то покупал один мешок, кто-то 2. Для кого-то это была мука для домашней выпечки, кто-то брал для скотины. У каждого свои возможности, и мы старались найти подход к людям.

Однажды я впервые в жизни увидел дом, в котором был земляной пол. Домик низенький, старенький, жила там одна бабушка. В самом доме полы были, а в пристройке, прямо земля под ногами. Я тогда ещё удивился: никогда прежде такого не видел.

Позже соседки рассказали мне историю этой бабушки.

– К ней приехали, муку продали, несколько мешков выгрузили, а деньги забрали, всю пенсию. Она ведь в деньгах плохо разбирается.

Я возмутился:

– Ну это вообще бессовестно! Как так можно? Человек получает небольшую пенсию, а вы у него всё забираете!

А ведь я накануне этой бабушке 5 мешков выгрузил, ещё и сдачу дал. У нас мука и так была дешёвая.

После этого случая прошло немного времени. Мы приехали в очередную деревню, и у нас оставалась примерно половина машины. Как только остановились, люди со всех сторон начали подходить.

– Это честный мужик! Мука у него вкусная, хлеб получается замечательный! Берите, берите!

Оказалось, история с бабушкой разошлась по округе. Она была очень набожная и переживала, что я якобы отдал ей слишком много денег сдачи.

– Если увидите его, скажите, что он мне много денег обратно дал! Наверное, ошибся!

А люди ей объясняли, что всё правильно, что я её не обманул и не пытался нажиться на её доверчивости.

И вот этот слух сработал лучше любой рекламы.

К нам съезжались со всех улиц. Кто на лошади, кто на тракторе, кто пешком. Уже даже не пришлось ездить по деревне и искать покупателей. Мы просто встали в центре, возле магазина, а люди сами подходили за мукой.

Вот что значит доброе имя! Когда человек поступает честно, об этом тоже узнают. Может быть, не сразу, но обязательно найдутся люди, которые расскажут другим.

Конечно, трудиться приходилось много. Я сам таскал мешки, нанимал грузчика, водитель подавал мешки сверху. Работали сообща, дружно, каждый делал своё дело.

Лёгких путей мы не искали. Можно было попробовать вложиться во что-то другое, но мне всегда хотелось зарабатывать своим трудом. Когда сам работаешь, сам договариваешься, сам отвечаешь за результат, по-другому начинаешь относиться и к деньгам, и к людям.

Мне вообще нравилось ездить по стране, общаться с людьми, смотреть, как кто живёт. В каждой деревне свои истории, свои характеры, свои заботы. И в этих поездках было много положительных эмоций.

Сейчас вспоминаешь молодость: силы тогда было много! Казалось, горы свернёшь, любые стены пробьёшь, любые трудности преодолеешь.

Но сегодня я понимаю, что и силы, и возможности, это Божий дар. Господь помогает проходить через жизненные испытания, даёт силы справляться с трудностями и не опускать руки.

Муку мы распродали, заработали хорошие деньги. Получается, и расходы на черешню оправдали, и на муке заработали.

Один бизнес закончился, другой принёс результат. Так и переключаешься с одного дела на другое, постоянно ищешь возможности двигаться вперёд.

Но на этом наши приключения не закончились.

А потом объявился Борис. И начал предъявлять.

ГЛАВА 37

Чужой товар и стрелка

«Вы что, муку взяли не свою?»

Помните, я рассказывал про Бориса, которого Ребусом прозвали? Так вот, он оставался на месте, пока мы ездили по своим делам. Когда мы вернулись, он тоже успел кое-что сделать.

Прошло немного времени, и Борис начал нас разыскивать, звонить.

– Вы что, муку взяли? Не свою?!

Я даже не сразу понял, о чём он говорит.

– Как это не свою? Наш КамАЗ, наши деньги! Может, тебе ещё за дорогу заплатить? Ты вообще о чём?

А он объясняет, что якобы обещал эту муку кому-то другому.

Я ему говорю:

– Нормально ты придумал! Деньги наши, КамАЗ наш, а мука, оказывается, чья-то ещё? Ты что, вообще попутал? Заколебал уже со своими ребусами!

Ведь он сам говорил, что деньги нам должен. Мы могли за это время заработать гораздо больше, если бы не мотались по Краснодару, не тратили время, не кормили и не поили его.

А он теперь ещё и предъявляет претензии! Да мы, по-хорошему, могли бы отдельно посчитать расходы на его проживание, питание и всё остальное.

Он разозлился:

– Ладно, будем разбираться!

– Конечно, будем разбираться! Хочешь, разбирайся!

После этого он, видимо, решил действовать по-другому и кого-то настроил против нас.

Правда, ко мне лично никто не подходил. Подошли к моему товарищу, которого уже нет в живых. Царство ему Небесное.

Он рассказывал, что однажды купил что-то, положил в машину, сел за руль и уже собирался ехать. Вдруг к нему подошли двое здоровенных мужиков.

Он дверь прикрывает, ногу подставляет и говорит:

– Подождите немного, братцы!

А они ему:

– Ты нашего парня обидел!

– Какого парня?

Начали описывать Бориса, рассказывать, что он пожаловался на нас, будто мы его обидели.

Товарищ мой отвечает:

– Хорошо, а где он сам? Почему вы пришли, а его нет?

Ведь любой человек может пожаловаться на другого и представить всё так, как ему выгодно. Но если уж разбираться, то надо выслушать обе стороны.

Поэтому договорились о встрече, тогда говорили: «стрелку забить». Назначили день, место, условились приехать и всё спокойно обсудить.

Мы приехали со своими друзьями и товарищами. Ждали почти час. А Борис так и не появился.

Он прекрасно знал, что сам создал эту ситуацию, но почему-то решил не приходить. На что надеялся, не знаю.

Получилось некрасиво. С одной стороны, люди, которых он настроил против нас, с другой наши знакомые, которых мы пригласили. Все приехали, а главного участника нет.

В итоге наши знакомые нашли его, и разбирательство состоялось уже там, где он находился. Он сидел в кабинете, выглядел совершенно спокойным и начал предъявлять нам претензии.

Вот удивительно, до какой степени некоторые люди умеют сохранять хладнокровие даже в таких обстоятельствах!

Борис не знал, что мы считали каждую копейку.

Каждая копейка на счету

Но у нас было одно большое преимущество: мой товарищ всегда записывал расходы.

Сколько денег дали, сколько потратили за день, о чём договаривались, что Борис обещал, сколько времени мы там находились, всё было записано.

Я ему заранее говорил:

– Всё записывай! Особенно то, что Борис берёт для себя. Это отдельно записывай. А общие расходы будем делить между всеми.

Борис любил зайти в кафе, пообедать, заказать курицу, а потом ещё купить вина или водки. И всё это сопровождалось объяснениями:

– Да это я договариваюсь, надо ещё заехать, надо то, надо другое.

Ну хорошо, договаривается так договаривается, но расходы-то никуда не исчезают.

Мы всё предъявили, посчитали за 5 дней. Когда он увидел итоговую сумму, у него глаза на лоб полезли.

– Вы что, всё записывали? Даже кусок хлеба?!

– Да, – отвечаем, – всё записывали.

А как иначе? Ты сейчас требуешь с нас деньги, которые сам задерживал 2–3 месяца, ещё и хочешь нас обмануть, разделить какие-то суммы на троих. А свои расходы ты уже забыл?

– Ты уже свою долю прожил, – говорю я ему. – Ты сам хотел заработать, сам пользовался общими деньгами, а теперь предъявляешь нам претензии!

Словом, всё стало понятно.

У каждой стороны были свои расчёты, но наши записи позволили показать, на что именно уходили деньги.

После этого у Бориса начались другие неприятности. Насколько я понял, у него забрали машину ВАЗ-21099, на которой он приехал. Не знаю, какие именно претензии ему предъявили, но позже он ездил уже на старой «четвёрке».

Прошло недели 2. Смотрю, едет Борис на «Волге», причём без номеров.

Говорю своему другу:

– Смотри! У него там неприятности, а он уже через 2 недели на новой машине ездит!

Позже выяснилось, что он брал машины на реализацию, то есть, видимо, умел договариваться с людьми и находить какие-то свои пути. Как именно у него всё получилось, я не знаю.

А потом я узнал, кто такой Борис на самом деле.

Ребус уже сидел

Но затем мой товарищ рассказал мне ещё одну историю из прошлого Бориса.

Оказывается, тот уже сидел в тюрьме, примерно 8–9 месяцев. В те времена сдавать металлолом было нельзя или, по крайней мере, действовали строгие ограничения.

Борис работал в колхозе и занимался большими электромоторами, которые нужно было перематывать. Для ремонта на них списывали медную проволоку. После ремонта моторы проверяли и возвращали в колхоз.

По словам товарища, Борис обнаруживал неисправности, которые можно было устранить, а медь при этом списывал. Постепенно он накопил такое количество меди, что, как рассказывали, её хватило бы почти на целую «Газель».

В какой-то момент его разоблачили. Дело было серьёзное, и он оказался за решёткой. Его жена тогда была беременна. Позже он пытался добиться пересмотра дела и в итоге попал под какую-то амнистию, благодаря которой освободился.

Друг рассказывал, что в тюрьме Борису тоже пришлось несладко: были избиения, выбитые зубы и другие неприятности. По его словам, это был не первый случай, когда Борис пытался провернуть сомнительные дела.

Я только удивился:

– Ну нормально ты мне знакомого подсунул! А почему раньше ничего не рассказывал?

А я ведь всего лишь давал Борису деньги за муку, рассчитывая на обычную деловую договорённость. Мне и в голову не приходило, что за этим человеком тянется такая история.

Вот такие бывают люди. Для них чужие деньги, чужое время и чужие усилия иногда ничего не значат. Главное: самому выкрутиться и получить выгоду.

На этом наше сотрудничество и знакомство фактически закончились. Мы разобрались с делом и разошлись каждый своей дорогой.

Каждый хочет на чужом горбу выехать, как говорится. Но рано или поздно приходится отвечать за свои поступки.

При всём этом сама история с мукой закончилась хорошо. Мы заработали, люди получили качественный товар, а у меня остались приятные воспоминания о деревенских покупателях, об их доверии и благодарности.

Именно такие моменты и помогают не терять веру в людей, даже когда встречаются те, кто пытается воспользоваться чужой добротой.

А на Троицу ошибку совершил уже я сам.

Не в тот день

После всех этих событий мы решили продолжать бизнес в Краснодаре.

Но тут была ещё одна история, связанная уже не с торговлей, а с нашей верой и с тем, как мы тогда понимали церковные праздники.

Мы собрались ехать в деревню. Как раз была Троица.

Я в то время был не слишком просвещён в церковных вопросах. Знал, что накануне Троицы, в субботу, люди приезжают на кладбище, посещают могилы родных. Это родительская суббота. А сам праздник Троицы отмечается в воскресенье.

Но я тогда этого толком не понимал и думал, что посещение кладбища в субботу и есть сама Троица.

Мне говорили, что на Троицу ехать не надо, лучше отправиться на следующий день. А я отвечал:

– Нас там уже ждут! Мы же созвонились, договорились!

И поехал.

Как говорится, незнание закона не освобождает от ответственности. Хотя в данном случае речь шла не о законе, а о моём незнании церковных традиций. Никто толком не объяснил, а я сам не разобрался.

Позже мне напомнили:

– Вы ведь на Троицу уехали!

И только тогда я окончательно понял, что перепутал дни и не так представлял себе этот праздник.

На следующий день, в воскресенье, мы снова сходили на кладбище.

Вот так, казалось бы, обычная поездка в деревню, а и в ней нашлось место для новых уроков.

Но всё это, как говорится, были ещё только семечки по сравнению с тем, что ждало нас впереди.

А в Краснодаре мне ещё должны были 8 тонн муки.

ГЛАВА 38

Лампочки промокли

Лампочки промокли

С Ребусом мы свои вопросы порешали.

В Краснодаре мы сводили покупателей и продавцов: лампочки, картошку, муку, масло, сахар меняли друг на друга. Так познакомились с ребятами и провернули первую сделку с лампочками. В обмен нам загрузили муку, но часть лампочек осталась у них. А потом они звонят:

– Там лампочки промокли. Коробки покорёженные, товарный вид потеряли. Теперь мы их сдать не можем.

Я отвечаю:

– Ну это несерьёзно! Вы товар взяли, испортили, а теперь что делать? Это ваши проблемы, а не мои.

– Да забирайте назад, нам они не нужны.

Приезжаю я за лампочками. Часть они успели продать, а оставшиеся коробки отсырели, потом высохли, но уже выглядели непрезентабельно. Получился неликвид: вроде лампочки целые, а товарный вид потерян.

Что делать? Количество немаленькое, просто так их уже не пристроишь.

Мы загрузили свой КамАЗ: масло, подсолнечное масло, которое в разговоре называли «семечкой», а сверху уложили лампочки. Всё поместилось. Забрали товар и уехали.

При этом за нами оставалось обязательство по муке, около 8 тонн. Нужно было решить и этот вопрос.

Ты держишь мои деньги

Проходит ещё время. Я звоню и говорю:

– Ну что, прошло уже немало времени. Давай решать вопрос с мукой.

Тут уже в дело оказался вовлечён другой человек. Мука была ходовым товаром, как и подсолнечное масло. Сахар тоже пользовался спросом, но стоил дорого, поэтому с ним работать было сложнее: зачастую требовались наличные деньги.

Мне говорят:

– Приезжай, решим.

Почему-то напарник со мной не поехал. У него были свои дела дома. Мы работали по-разному: я мог отправлять масло, заниматься погрузкой и разгрузкой, а он тем временем решал другие вопросы. Где-то брали лампочки, где-то отдавали масло, где-то меняли одну продукцию на другую. Обычный бартер, посредническая работа.

Я приехал и стал ждать. День прошёл, второй, третий, а вопрос всё не решался.

Наконец говорю:

– Слушай, мне уже неудобно здесь стоять.

На КамАЗе я за это время давно бы заработал. Мог бы уже другой рейс сделать, загрузиться и дальше поехать. 8 тонн муки: вопрос вроде бы не такой уж сложный. Дал бы мне давно то, что должен, я бы загрузился и сверху ещё что-нибудь взял.

Я приехал не с пустыми руками, деньги у меня были. Если договориться не получится, я мог загрузиться другой продукцией и уехать. Но хотелось прежде всего закрыть старые обязательства.

И вот тут я стал замечать, что человек, похоже, уже почувствовал себя большим деловым человеком. А дела почему-то начал вести совсем не так, как мы договаривались.

Прихожу к нему в гости. Как обычно, он заваривает кофе, приглашает завтракать. Я говорю:

– Да не надо меня завтраком кормить. Я сам приготовлю и поем. Ты лучше давай загрузку организуй и отправь меня. Так дела не делаются!

На кухне с нами сидел ещё один парень. Тогда я ещё не знал толком, кто он такой и какую роль сыграет в этой истории.

Разговор у нас получился откровенный, по-человечески.

– Прошло 3–4 месяца! Деньги мои у тебя. Лампочки испортились, хотя это уже ваши проблемы. Всё остальное тоже ваши вопросы. А теперь ты ещё и меня здесь держишь. Я трачу деньги на жизнь, не зарабатываю, время теряю. Мне что, всё бросить и сидеть здесь неизвестно сколько?

Объясняю ему:

– Если не можешь отдать, так и скажи прямо. Не отдаёшь, значит, не отдаёшь. Отдаёшь, давай решать. Но зачем тянуть время? Мне в КамАЗе ночевать, спать, слоняться туда-сюда совсем не улыбается.

И ставлю вопрос ребром:

– Давай решать. Или завтра загружаешь меня, или я уезжаю.

Тот парень, который сидел рядом, слушал и, судя по всему, не совсем понимал, что происходит. А я продолжал объяснять.

– Извини, но ты же сам согласился на эту сделку. Нас познакомили твои же друзья, дали возможность поработать вместе. А теперь что получается? Ты комнату обставил, у тебя домашний кинотеатр, всё как в хорошей квартире. Это

твоё дело, я туда не лезу. Но неужели из-за каких-то 8 тонн муки, из-за сравнительно небольших денег, нужно устраивать такую историю?

Я бы давно загрузился, что-нибудь ещё сверху взял и поехал дальше зарабатывать.

В конце концов он сказал:

– Это решимый вопрос.

Я ответил:

– Мне ничего лишнего не надо. Верни то, что должен. Ты держишь мои деньги 3–4 месяца, а теперь ещё и цены на муку выросли. Но я-то в этом не виноват!

После разговора он наконец пообещал:

– Ладно, завтра загружу тебя.

Ну что ж, посмотрим, подумал я, и ушёл.

Вечером к нашему КамАЗу подъехали двое. Тогда я ещё не знал, что этой же ночью мне придётся их останавливать.

ГЛАВА 39

Ты задолжал! Уже три года прошло!

Виталий и Магомед

По дороге зашёл в магазин, купил продукты, мясо и всё необходимое, чтобы нормально поесть в машине. Водитель тоже взял себе выпить. Я сам алкоголь практически не пил, хотя в тот период иногда мог немного пригубить.

Вечером к нам подъехали двое ребят. Одного звали Виталий, а второго Магомед, или Мага. Оказалось, что они уже пересекались с тем человеком, у которого я ждал загрузку. Виталий как раз и был тем парнем, который сидел с нами на кухне.

Мы познакомились поближе, разговорились. Я к тому времени уже приготовил мясо. Предложил ребятам поесть.

– Давайте, угощайтесь!

Они немного перекусили. Я предложил по 50 граммов, но сначала Магомед отказался:

– Не-не, не будем.

Я тоже сказал, что пить не собираюсь, лучше поем и отдохну. Потом он предложил составить ему компанию. В итоге мы немного выпили, но я сразу предупредил:

– Всё, больше не буду, а то у меня крышу сносит.

Поел, собрался отдыхать. Водителю тоже нужно было выспаться. У него семья, ребёнок, свои заботы, а мы уже несколько дней стояли на жаре возле КамАЗа. Не хотелось бесконечно слоняться по сторонам и ночевать в машине.

Я сказал ребятам:

– Нам завтра обещали загрузку. Если не загрузят, я к вам подойду. Вы же говорили, что поможете.

Они ответили, что вопрос решаемый. Денег у них могло не быть в достаточном количестве, зато они могли помочь с реализацией товара. В этом и заключалась наша работа: сегодня ты выручил человека, завтра он выручит тебя.

Водитель ушёл отдыхать, а мы с ребятами остались. Я ещё раз предложил им поесть. Виталий немного выпил со мной, но на этом всё и закончилось.

Вскоре они говорят:

– А чего ты здесь сидишь? Поехали с нами! Ты нас угостил, теперь наша очередь. Поедем в бар, посидим, поедим, познакомимся поближе.

Я сначала отнекивался:

– Да я уже поел. Что я там буду делать?

– Да посидим, чаю попьём. Ничего страшного.

Подумал: почему бы и нет? Люди вроде нормальные, общительные. Познакомимся заодно.

Поехали в бар.

Там ребята заказали еды, угостили меня шашлыком. Мы сидели, разговаривали, и постепенно разговор перешёл на их жизнь.

Оказалось, они работали охранниками. Один из них рассказал, что недавно был ранен во время событий первой чеченской кампании и сейчас проходил лечение и

реабилитацию. Второй был его другом, вместе они служили в спецназе или, во всяком случае, были связаны со специальными подразделениями.

Так мы и познакомились поближе.

В баре ребята рассказали, кем меня здесь выставили.

Меня представили бандитом

За разговором они вспомнили человека, которого я знал по торговым делам, Юрейчика, которого называли Дудя. И тут я услышал неожиданное.

Ребята рассказали, что этот человек представил меня чуть ли не бандитом, который приехал выбивать деньги.

Я даже удивился:

– Ничего себе! Да он что, совсем с ума сошёл? Я из-за этих копеек сюда приехал, что ли? Я приехал по торговым делам, по знакомству, чтобы сотрудничать. Вы же сами меня с ним познакомили, дали возможность поработать вместе. А теперь он такие выкрутасы устраивает!

Ребята объяснили, что, по их мнению, меня просто подставляют.

– У него деньги есть, – говорили они. – А он не может отдать тебе то, что должен. Это вообще не по-человечески.

Дальше они рассказали о его делах. По их словам, у него были серьёзные связи в Москве, оттуда привозили крупные суммы наличными. Деньги он распределял по колхозам, на солярку, на будущий урожай и другие хозяйственные нужды. Работал под урожай, имел свои связи и зарабатывал на этом хорошие деньги.

– А нас ещё в охране держит, – объясняли ребята. – Представляешь, какие обороты у человека!

Я слушал и только удивлялся.

– Нифига себе! Зажрался парень. И из-за такой суммы устраивать подобное?

По их рассказам, за этой деловой оболочкой скрывалась совсем другая история. Они намекали на какие-то нечестные дела, шулерство и подставы. Конечно, я не мог знать всего, что происходило между ними, но для себя сделал вывод: нужно быть осторожнее.

Мне уже не хотелось связывать свою работу с людьми, у которых одни обещания, а на деле совсем другое.

Ребята предложили:

– Давай лучше с нами попробуем поработать. Что-нибудь придумаем, наладим движение товара.

Я ответил:

– Вопросов нет. Если всё по-человечески, если договорённости соблюдаются, будем сотрудничать.

Так у меня появились новые знакомые в Краснодаре, Виталий и Магомед.

Тогда я ещё не знал, какие события произойдут буквально в ту же ночь.

Ночью у КамАЗа

После бара мы вернулись к машине. Было уже поздно. Водитель, который успел соскучиться по нормальному отдыху, обрадовался, что мы приехали.

– Ну что, давай ещё чего-нибудь разогреем, поедим.

Я говорю:

– Да я уже поел. Давай разогреем то, что осталось.

Разогрели еду, перекусили. Водитель тоже немного выпил, но на следующий день собирался за руль, поэтому решил больше не пить.

Я успокоил его:

– Завтра, похоже, нас загрузят. Ребята обещали помочь. Так что всё нормально.

Он заметно повеселел. Всё-таки стоять без дела несколько дней, особенно в жару, удовольствие небольшое. Хотелось уже загрузиться, отправиться в дорогу и вернуться к работе.

Стемнело окончательно. Мы улеглись спать.

И тут, когда уже начали засыпать, услышали какой-то шум. Сначала шорох, потом разговоры на повышенных тонах. Казалось, кто-то ругается возле КамАЗа.

Я приподнялся, прислушался, потом включил свет и посмотрел, что происходит.

Вижу: двое в военной форме. Лица вроде знакомые. Один стоит на коленях, другой держит его и бьёт прикладом по голове. Приклад даже сломался.

Я сначала подумал, что происходит какая-то военная операция или серьёзная разборка. Но, присмотревшись, понял: это те самые ребята, с которыми мы недавно сидели за столом, ели мясо и разговаривали.

Только теперь они были совсем другими, жёсткими, решительными, разговаривали на повышенных тонах.

Они предъявляли тому человеку претензии:

– Ты задолжал! Уже 3 года прошло! У тебя всё есть, а ты деньги отдать не можешь!

Постепенно я понял, что речь идёт о старом долге одного из их знакомых. По словам ребят, тот человек долго не возвращал деньги, и они решили сами разобраться с ситуацией.

Я сидел в КамАЗе и слушал. Потом они добились от него согласия, начали его забирать, а один остался возле машины.

Я вылез из КамАЗа и сразу сказал:

– Вы что творите? Зачем вы здесь устраиваете разборки? Вы сейчас уедете, а нас вместе с КамАЗом здесь сожгут!

Я говорил серьёзно. Мне не нужны были ни чужие долги, ни чужие разборки. У меня грузовик, работа, свои обязательства. Я приехал заработать, а не оказаться участником какой-то криминальной истории.

Объясняю им:

– Вы головой-то думайте! Человек задолжал вашему товарищу. Вы говорите, что уже столько времени прошло, что он деньги не отдаёт. Но зачем вы сюда КамАЗ притянули? Почему я должен из-за этого переживать? Вы меня постоянно подставляете!

Я понимал, что ситуация может обернуться совсем плохо. Ночь, чужое место, грузовик стоит на улице. Кто-нибудь увидит происходящее, запомнит машину, а потом решит свести счёты уже со мной.

Один из ребят пытался меня успокоить. Говорил, что у них есть люди, что они могут поднять целый взвод и поставить на уши весь хутор. Возможно, он хотел показать, что контролирует ситуацию и мне нечего бояться.

Но мне от этих слов спокойнее не становилось.

– Да вы учудили! Мне ещё ночью в Орск ехать, а я теперь должен думать, не сожгут ли здесь КамАЗ!

Я решил, что оставаться на улице нельзя.

– Давайте так, – говорю. – У вашего знакомого есть ангар. Пусть откроет. КамАЗ нужно загнать внутрь. Я здесь ночевать больше не буду. Если кто-то придёт ломиться, я заведу машину и ворота выбью, но на улице оставаться не собираюсь!

На этот раз меня поняли.

Съездили, привезли ключи, открыли ангар и загнали КамАЗ внутрь. Я проверил, что машина стоит в безопасности, и только тогда смог немного успокоиться.

Хотя, если честно, спокойствие было относительным. После такого вечера не сразу заснёшь.

Утром к нам приехали. Постучали. Я открыл. На ночь мы закрыли всё изнутри, засовами, замками, можно сказать, на 10 замков.

Начался новый день, и теперь оставалось дождаться обещанной загрузки.

Ребята сказали:

– Сейчас загрузим тебя и отправим. Не переживай. Всё нормально, и с этим вопросом разберёмся, и с тем. Все вопросы решим.

Вот так мы и оказались в очередной жизненной передряге. Приехали в Краснодар по торговым делам, хотели заработать, обменять продукцию, выполнить договорённости. А вместо этого получили затянувшийся долг, испорченные лампочки, новые знакомства и ночные разборки возле КамАЗа.

Но жизнь на этом не останавливалась. Нужно было работать, держать слово, думать о семье и двигаться дальше.

Утром меня загрузили мукой и семечками под завязку. А потом попросили привезти машину.

ГЛАВА 40

Убыток - 5 тонн картошки

Марк мне как-то сказал: «Батя, мы тебя совсем не знаем».

А я ведь не буду в грудь себя бить и рассказывать, какой я герой и через какие передряги прошёл. Всё это описывается в воспоминаниях, иногда с красочными подробностями, иногда с усмешкой. Но тогда я не думал, что совершаю что-то особенное. Как-то всё проходило, с Божьей помощью, с каким-то внутренним самообладанием. И чувство у меня всегда было, что ангел-хранитель рядом.

Даже сейчас я не могу объяснить, как всё складывалось. Где-то Господь Бог закрывал меня Своими руками, где-то через людей помогал, выводил из сложных ситуаций. Но об этом ещё поговорим.

Хочу только сказать вам одну вещь. Есть такие слова: человек сказал: «Увижу, поверю», а Бог сказал: «Поверишь, увидишь».

Я всегда в душе веровал и чувствовал, что сам Господь Бог меня оберегает. Поэтому едем дальше.

КамАЗ полный, довольный

Загрузился я мукой, сверху ещё семечек накидали, короче, КамАЗ полный! Довольный, ребята помогли, и рванули мы домой.

Приехал, всё сразу скинул. В те времена продукция была в дефиците, доставки работали плохо, машины тоже приходилось выкупать. Страна проходила через становление, всё менялось, многое разваливалось, а люди искали новые способы работать и зарабатывать.

Я сразу созвонился с ребятами и говорю:

– Я уже всё раскидал. Так что можете предлагать любую продукцию, какую надо привезти. Говорите, что нужно.

Мне без разницы было, что везти. Всё расходилось, потому что потребность огромная, знакомых много. Как раньше с телевизорами и холодильниками, так теперь с мукой. Тем более мука хорошая, краснодарская, всегда ценилась.

И тут мне говорят:

– А можешь машину бэушную, но хорошую, привезти? Мы можем её на семечку или зерно поменять. А дальше вообще хороший выход получается: семечку можно поменять на масло. Семечка лёгкая, а масло дорогое. Зачем лишнее таскать, если можно всё организовать выгоднее?

Я сразу намотал на ус. Взял приличную машину, «восьмёрку», как сейчас помню.

Напарнику говорю:

– Через неделю как раз доеду, всё посмотрю, договорюсь, машину скину. Дальше решим: или ты на КамАЗе приедешь, или кого-нибудь пошлёшь.

Приехал, посмотрели. Нужна была картошка.

Я звоню и говорю:

– Давай целую фуру картошки, меняем на муку.

У ребят тоже интерес был хороший. Через 3–4 дня мне уже пригнали фуру картошки. Едем сдавать в колхоз, где всё заранее договорились.

Я, как обычно, посредник. Никаких особых денежных вложений с моей стороны: договориться, организовать, свести людей, чтобы каждый получил своё.

Но тут началось самое интересное.

Пять тонн на скидку

Начали выгружать картошку, и мы видим: она просто загорелась! То ли выкопали рано, то ли земля сырая была, то ли ещё что-то повлияло. Позже выяснилось, что картошка не отлежалась: её только выкопали и сразу загрузили в машину. Кожура была тонкая, а под тентом, несмотря на то что ехали и ночью, она начала портиться.

Мне говорят:

– Не будем выгружать. Давайте скидку делайте, тонну, полторы.

Я отвечаю:

– Да полторы, без разницы.

Выход из сделки вроде бы оставался хороший. Начали выгружать. Полмашины выгрузили, а потом опять:

– Нет, так дело не пойдёт. Картошка в середине загорелась, кожура слазит. Мы можем её сейчас для рабочих в столовую сдать, людям раздать. Переберём, что ещё хорошее, чтобы совсем не пропало. Но закладывать такую картошку на хранение не будем.

Я понимаю, что спорить бесполезно. И ждать, пока всё переберут, тоже не хотелось.

Спрашиваю:

– Сколько хотите?

Они говорят:

– Здесь 15 тонн. 5 тонн пойдут на скидку.

Я отвечаю:

– Разницы нет. Если я сейчас её не сдам, больше никто не возьмёт. Тогда я вообще прилипну.

В итоге 15 тонн картошки пошли в расчёт за муку, но 5 тонн фактически ушли в скидку. Я-то рассчитывал на обмен один к одному, а брат потом говорит:

– Да как это один к одному? Надо так договариваться, чтобы нам ещё 5 тонн осталось.

Но 5 тонн ушли, и пришлось принимать ситуацию такой, какая она есть.

Я рассуждал просто: вот машину сдадим, на семечке заработаем, а эта история пусть хотя бы расходы перекроет.

И ведь так часто получалось: вроде работаешь, крутишься, договариваешься, а вместо заработка получаешь одни косяки. То одно не предусмотрел, то другое не проверил.

Я всегда любил сам посмотреть, попробовать, проверить товар, прежде чем куда-то ехать. Старался думать наперёд и выходить из положения, если что-то шло не так.

А тут смотрю, напарник начал работать по принципу: лишь бы сделать.

Звоню ему и говорю:

– Ну ты головой-то соображаешь? Картошку только что выкопали, ночью загрузили, а ты собираешься её за 1500 вёрст везти! Надо было проверить, посмотреть, что за товар.

Он отвечает:

– Да знакомый подогнал, сказал, что картошка хорошая.

– Так ты сам-то должен проверять! Ты понимаешь, какое расстояние везти и чем это может закончиться?

С картошкой в итоге разобрались. Тот мужик остался доволен, муку ему отдали, а 5 тонн, которые мы получили в результате сделки, стали нашим результатом. Но надо было ещё мужиков отблагодарить, а значит, на всех выход получался минимальный.

Я думаю: ничего, сейчас машину сдадим, дальше посмотрим.

А ещё я понял, что с напарником пора что-то решать.

«А он пусть не приезжает»

Я уже подустал. Пока картошку сдавали, пока разбирались со всеми вопросами, целый день прошёл. На следующий день предстояло грузить муку в фуру. И там тоже надо было всё проверить.

Я посмотрел муку: хорошая, всё в порядке. Проверил объём, качество, договорённости.

А мужик мне говорит:

– Не-не-не, у меня председатель серьёзный, он мой друг. Плохого тебе ничего не сделает, не переживай.

Ну, думаю, ладно. Договорились, едем дальше.

Со мной был парнишка, с которым мы раньше работали на заводе. После армии я его взял к себе в помощники. Говорю ему:

– Чего ты там работаешь за 200 рублей? Я тебе 500 буду платить. Будем вместе ездить, работать.

Нам уже нужен был человек, который мог бы оставаться на месте, принимать муку, распределять её, следить за товаром. Одному всё не успеть.

А с прежним напарником, с которым мы занимались телевизорами и холодильниками, дело постепенно шло хуже. У него не всегда получалось ладить с ребятами. Мог лишнего выпить, начать задирать нос. Бывает, человек получает возможность ездить на машине, появляются цепи, печатки, какие-то приблатнённые замашки, и поведение меняется.

Краснодарские ребята мне прямо говорили:

– Слушай, ты приезжай. А он пусть не приезжает. Мы с тобой и отдохнём, и загрузимся, всё сделаем. Ты даже не сомневайся.

Вот так.

А у меня двое детей, семья, жена. Она тоже говорила:

– Чего ты дома сидишь? Он пусть сам ездит, а ты сам езди. Хватит уже так работать.

Мне было непросто решиться. Всё-таки вместе начинали, вместе работали. Не хотелось бросать человека, с которым столько всего прошли.

Я думал: как же так, мы же вместе работали, вместе начинали. Но понимал и другое: если продолжать в том же духе, в конце концов делить будет нечего.

Потом именно так и получилось, как тогда говорили. Но это уже отдельная история.

А пока мы возвращались назад на той самой «восьмёрке».

За руль сел Мага. И это решение чуть не стоило мне жизни.

ГЛАВА 41

Вся нога в осколках стекла

Женщина посреди дороги

Едем. Осень, примерно сентябрь. На юге в это время красота: погода прекрасная, арбузы, бахчи, всё вокруг живёт своим ритмом.

За рулём был Мага, дагестанский парнишка, которого я взял с собой. Он посмотрел на меня и говорит:

– Давай я за руль сяду? Ты, я смотрю, устал, какой-то нервный.

– Ну давай, только сильно не гоняй.

– Да нет, я аккуратно езжу.

Поехали спокойно, примерно 100–110 километров в час.

И тут я замечаю справа машину, которая стояла очень близко к дороге. Рядом с ней женщина. Она начала переходить дорогу, даже не посмотрев как следует, есть ли машины.

В какой-то момент увидела нас и остановилась прямо посреди дороги. Растерялась, словно вкопанная.

Я сразу говорю:

– Смотри, женщина!

Мага тоже увидел, но вместо того чтобы действовать, будто оцепенел.

– Она дорогу переходит! – говорю я.

Он смотрит на неё, держится за руль, и я замечаю, что глаза у него стали стеклянными. Он словно перестал слышать, что ему говорят.

– Тормози! Объезжай её!

Он отвечает:

– А если она сюда побежит?

– Да никуда она не побежит! Если ты остановишься на этой стороне, она может побежать на другую. Она же посередине стоит!

Но он продолжает ехать прямо на неё.

Я уже кричу:

– В поле уходи! Поворачивай в поле! Неважно куда, только не на неё! Главное, не перевернуться!

Там дорога была на насыпи, но невысокой. По обе стороны шли посадки, а за ними начиналось кукурузное поле.

Я понимал: лучше уйти с дороги в поле, чем сбить человека.

Хватаюсь за руль, локтем упираюсь, второй рукой пытаюсь повернуть. Кричу:

– Отпусти руль! Отпусти!

А он не отпускает. Вцепился обеими руками и держит прямо, словно робот. Полностью оцепенел.

Женщина стояла, стояла, а потом, увидев, что наша машина уже выходит на встречную полосу, бросилась обратно к своей машине.

Я пытался вывернуть руль, но лёгкую «восьмёрку» начало заносить. Заднюю часть машины повело, нас стало разворачивать прямо на дороге.

Женщина успела убежать.

А нас понесло боком, понесло, понесло, и мы врезались в обочину.

Машина взлетела.

Двигатель продолжал работать

Всё произошло очень быстро.

Машина перевернулась. Мой друг Слава сидел сзади. От удара его выбросило наружу, и он головой пропахал землю метров 10–15, точно не меньше.

Позже лицо у него так опухло, что мы даже смеялись, вспоминая: ушей почти не было видно.

Но самое страшное произошло со мной.

Когда машина ударилась об обочину, подлетела и стала переворачиваться, я тоже вылетел наружу. И машина упала мне на ногу.

Представьте себе: автомобиль лежит на ноге, а угол крыши вдавливает колено в землю. Я ничего не сломал, но нога оказалась зажата под машиной.

И самое интересное: двигатель продолжал работать.

Мага, который сидел за рулём, удержался и не вылетел. Стёкла разбились, он выбрался через окно.

Я кричу ему:

– Глуши машину! Глуши скорее! Сейчас ещё загоримся!

Из-под машины пошёл дым, сначала тёмный, потом белый. Масло вытекало, двигатель работал.

Я понимал: если машина загорится, мне из-под неё не выбраться.

Мага начал искать ключи. Они почему-то не находились в замке зажигания. Он бегал по перевёрнутой машине, по крыше, искал их, но не бросил меня и продолжал искать.

Я кричу:

– Слава! Слава, помоги! Чуть приподними машину, у меня нога застряла! Если сейчас загорится, я сгорю под ней!

Он подбежал, немного приподнял машину, и я смог протащить ногу от колена до щиколотки. Потом он отпустил её.

Но Славу контузило, он сильно испугался. В какой-то момент он просто побежал в поле.

Я ему кричу:

– Куда ты бежишь? У меня совсем немного осталось, ногу вытащить!

Но он уже ничего не слышал.

И вот тут Мага проявил себя совсем по-другому. Несмотря на то что сам пережил удар, он не растерялся окончательно. Продолжил искать ключи, нашёл их где-то на крыше и наконец заглушил двигатель.

Оказалось, ключи были коротенькие. В старой машине замок, видимо, когда-то меняли, и ключи уже не соответствовали привычному варианту.

Вот вам и бэушная машина. Покупаешь её, не всегда знаешь, что до тебя меняли, что ремонтировали, какие детали стоят. А в критический момент такая мелочь может обернуться настоящей трагедией.

Если бы двигатель не удалось заглушить, последствия могли быть совсем другими.

Слава Богу, всё обошлось.

Но и после этого не все повели себя одинаково.

Кто-то убегает, а кто-то действует

В это время сзади подъехали знакомые ребята, которые ехали вместе с нами. Они подбежали, помогли перевернуть машину и подняли её.

Я пытался добраться до них, но сил почти не было. Полз к дороге, добрался до насыпи, а переступить даже этот небольшой бордюрчик уже не смог.

Просто сел.

Ребята подбежали:

– Не вставай! Не вставай! Сиди, ложись!

Я лёг.

Они посмотрели на меня и говорят:

– Ты весь белый, как полотенце!

А у меня внутри не было какого-то дикого испуга. Всё воспринималось удивительно спокойно, словно я смотрел кино. Машина перевернулась, ногу вытащили, двигатель заглушили, всё происходило как будто перед глазами в каком-то замедленном фильме.

Потом я поговорил с Магой:

– Ну что ты? А если бы я там сгорел?

Он отвечал:

– Не знаю. Я испугался, испугался…

И я его понимал. Люди по-разному реагируют на опасность. Кто-то в первую секунду оцепенеет, кто-то начинает действовать, а потом уже приходит страх. А иногда всё происходит наоборот.

Позже брат рассказал мне ещё одну историю про Магу. Оказывается, он раньше прыгал с парашютом, и однажды ветер потащил его, а потом он сильно ударился головой. Получил серьёзную контузию. Впоследствии уволился.

А потом началась чеченская война.

Бог его миловал.

Вот так и бывает. Не знаешь, что в жизни к чему приведёт, какая неприятность от чего убережёт. Мы часто судим о событиях только по тому, что видим в данный момент. А как всё сложится дальше, этого мы не знаем.

Поэтому я и говорю: Господь Бог нас оберегает, хотя далеко не всегда мы понимаем, каким образом.

В больнице меня отпустили. Рано.

Треугольный осколок

Нас сразу повезли в больницу. У меня были стёкла в руке, в голове, лицо и тело после аварии.

Славу положили в больницу. Маге, как ни удивительно, вообще ничего не было, ни царапины. Родился парень в рубашке, да ещё, как оказалось, не в первый раз.

Он даже в больницу не заходил. Меня довезли, врачи начали осматривать, вытаскивать осколки из головы.

К счастью, стёкла были такими, что не рассыпались совсем в мелкую крошку. Некоторые осколки торчали из кожи, и я, пока находился в шоке, сам пытался ногтями что-то оттуда вытащить.

Врачи всё обработали, вытащили, смазали.

Говорят:

– Тебе бы лечь в больницу, понаблюдать за собой.

А я отвечаю:

– Не могу. У меня машина, деньги, документы, печать, всё там.

Мне сказали:

– Смотри сам. Вроде ты в сознании, держишься нормально. Но когда начнётся отходняк после такого удара, может стать хуже. Не исключено, что последствия проявятся позже.

Я говорю:

– Всё нормально.

И мы отъехали от больницы.

Но проехали совсем немного, и я почувствовал боль в ноге, чуть выше щиколотки. Смотрю: штанина порвана.

– Что-то нога у меня болит, – говорю.

Поднимаю штанину, а оттуда торчит большой треугольный осколок стекла.

Он был не просто на поверхности. Глубоко вошёл в ногу, и угол торчал наружу.

Я взялся за него и вытащил.

Кровь к тому моменту уже запеклась, но после этого снова пошла. Водителю стало плохо от одного вида.

– Ты что делаешь?! Давай обратно в больницу!

Я отвечаю:

– Давай.

А он уже сам еле держится:

– Меня тошнит! Не надо так делать! Опусти штанину!

Я опустил штанину, и мы развернулись обратно. Хорошо, что далеко от больницы ещё не уехали.

Приехали, врачи снова начали заниматься моей ногой.

И тут оказалось, что всё намного серьёзнее, чем я думал.

Стекло вошло глубоко, почти до кости. Когда врачи пытались его извлечь, оно упиралось в кость, задевало нервы. От каждого движения мне становилось плохо. Я начал терять сознание.

Раз, и темнеет в глазах. Потом немного отпустит, снова начинают работать, опять накатывает.

А на месте аварии мне потом скажут: «Лучше бы вы ту женщину сбили».

ГЛАВА 42

Лучше бы вы ту женщину сбили!

Протокол на месте

Ну вот, вытащили мне все эти стекляшки. Молодцы врачи! Пару раз я терял сознание, меня нашатырём откачивали. Всё почистили, слава богу, перевязали.

– Через день придёте, посмотрим. Если ничего не останется, значит, всё нормально.

– Да нет, – говорю, – в таком состоянии я никуда не уеду. Да и машина теперь разбита.

Всё мне перебинтовали, и мы с ребятами поехали туда, где стояла машина. Кто-то из наших остался сторожить, чтобы её не разобрали, не растащили по частям.

Приезжаем, а там уже гаишники, какие-то гражданские ходят с палочками. В общем, всё повернули так, что виноватыми сделали нас. У меня забрали права, как будто именно я сидел за рулём. А оказалось, у Маги, который был за рулём, прав вообще не было. Или, возможно, он не был вписан в страховку. Короче, решили оформить всё так, будто за рулём находился я.

Написали протокол, оформили документы. Слава богу, хоть обошлось без пострадавших. Но тут один гаишник выдал такое, что я даже опешил:

– Вот лучше бы вы ту женщину сбили! И никаких проблем: сами бы целы остались, и машина целая была бы.

Я ему говорю:

– Ну ты и придурок! Сейчас вообще наручники на тебя надену!

Он сразу понял, что лучше не продолжать.

А там ещё номера чужие, какие-то гражданские ходят, что-то выясняют. В общем, своя мафия, свои разборки. Разобрались кое-как, протокол подписали, а права у меня так и остались. Потом пришлось восстанавливать документы. Сначала ездил по временным правам, примерно 3 месяца, а потом пересдавал.

А разбитая машина скоро превратилась в 10 тонн семечек.

10 тонн семечек за битую машину

Машину мы оттащили, а через какое-то время я нашёл покупателя на «семечку», так мы называли подсолнечное масло.

Осенью как раз закончился сбор урожая. В те времена за работу в колхозах людям выдавали не только деньги, но и продукцию: зерно, семечки и прочее. Вот один парень и получил за уборку урожая подсолнечник.

Он мне и говорит:

– Мне семечки девать некуда. Пока я дождусь, когда на заводе их примут и рассчитаются за масло, полгода пройдёт. К весне деньги обесценятся. Давай я у тебя машину возьму.

И предложил рассчитаться семечками. Если не ошибаюсь, около 10 тонн он мне отдал.

Я прикинул: если переработать подсолнечник, можно получить неплохую выручку. Выход масла зависел от качества семян, но примерно треть или даже больше веса можно было получить в виде масла.

Наши армянские друзья нашли человека с частной маслобойкой. Парнишка сам привёз туда семечки, всё сдал, и буквально за 2 дня нам сделали масло.

Вот это я понимаю, дело пошло!

Я прикинул: если получится несколько тонн масла, а здесь его продают по 10 рублей за килограмм, а то и по 14, то можно неплохо заработать.

Ребята подогнали бочки. Мы залили масло, сверху загрузили семечки. Муки у меня не было, поэтому решили использовать то, что имелось. Главное: всё аккуратно разместить, чтобы ничего не испачкалось и не испортилось.

Пришёл наш КамАЗ, всё закидали, загрузили. А поскольку фуру нам загрузили мукой, обе машины снова отправились домой.

Приезжаем, разгружаемся. Но пока мы ехали, цена на масло уже успела упасть: было 14 рублей, потом 10, потом 8.

Даже по 8 рублей за килограмм получалась приличная сумма. Мы рассчитывали выручить около 40 000 рублей, а машину оценивали примерно в 25 000.

Конечно, были расходы на переработку, перевозку и прочее, но в целом дело себя оправдало.

Вот так иногда судьба подбрасывала возможность: казалось бы, разбитая машина, неприятности, а в итоге находишь другой путь, превращаешь одно в другое и продолжаешь работать.

Казалось, пошла удача. И тут нам предложили целую цистерну масла.

Масло по 4 рубля

После этого мы ещё крутились с машинами. Часть товара брали на реализацию, часть покупали за свои деньги. К тому времени мы уже купили квартиру, приобрели КамАЗ, и какие-то средства оставались в обороте.

И тут нам предлагают целую цистерну подсолнечного масла, 10 тонн по очень привлекательной цене.

У нас масло стоило около 10 рублей, а нам предлагали по 6. Казалось бы, прекрасная возможность: 10 тонн закупили по 6 рублей, продадим по 10, 40 000 разницы. Для тех времён деньги очень серьёзные.

Спрос был. Масло брали магазины, в том числе в аэропорту, продавали на рынке, развозили по разным точкам. Мы даже взяли ещё один КамАЗ в аренду.

Пока всё организовывали, пока неделю туда-сюда ездили, привезли товар. Успели продать примерно 5 тонн: где-то по 7 рублей, где-то по 8.

И тут рынок рухнул.

Осталось ещё 5 тонн, а цена упала до 5–6 рублей за килограмм.

Мы звоним, выясняем, что происходит. Нам отвечают:

– У нас так стоит.

Потом через знакомых узнаём, в чём дело. Появились крупные фирмы, которые работали с сахаром, мукой, маслом и другими товарами сразу в огромных объёмах. Они отправляли продукцию вагонами и цистернами, имели свои связи и доступ к крупным поставщикам.

Краснодарские заводы поставляли чистейшее заводское масло большими партиями. Крупные фирмы получали его по низким ценам и заполняли рынок. Им нужно было быстро сбывать объёмы, поэтому они снижали стоимость.

Они отдавали масло оптом примерно по 4 рубля, а нам оно с доставкой обходилось в 6!

Как тут конкурировать?

Пришлось продавать по 3–4 рубля, лишь бы хоть что-то вернуть. Держать товар было бессмысленно: рынок уже забит, торговые точки заняты, у крупных игроков свои связи и возможности.

И опять мы остались практически ни с чем. Деньги крутились, работа шла, а прибыли не было.

Такие вот качели были в девяностые: сегодня ты рассчитываешь хорошо заработать, а завтра товар уже стоит дешевле, чем ты за него заплатил.

А потом партнёры положили глаз на нашу машину.

Четвёрку захотели заныкать

Когда я ездил за очередной партией товара, мы поменяли нашу девятку на четвёрку. Девятка уже износилась, а четвёрка была почти новая, в хорошем состоянии. Годовалая, тонированная, с велюровым салоном, семёрочный салон, вообще бомба-машинка!

Ребята предложили небольшую доплату, и мы договорились.

Я подумал: сейчас на этой машине заеду за семечкой или мукой, заработаем ещё.

С маслом уже было понятно, всё, отбой. А вот мука пока держалась в цене. Цены постоянно менялись: на один товар падали, на другой поднимались. Нужно было чувствовать рынок и вовремя перестраиваться.

Мы договорились, что я привезу зерно, оставлю его в Краснодаре, а ребята найдут возможность сдать его по хорошей цене.

Но пока мы занимались продажей масла, между нами начали возникать разногласия. Они говорили, что я продал масло, забрал деньги и всё такое. Я стал замечать какие-то непонятные движения.

И постепенно понял: похоже, они хотят нашу четвёрку просто-напросто заныкать.

Я прикинул, что к чему. Оставшиеся 5 тонн масла кое-как распродали, часть денег я забрал. А машину они решили оставить у себя.

Тут я уже подумал: да пусть всё идёт как идёт. Надо забирать КамАЗ, сдавать его и прекращать эти отношения. Не хочу больше связываться с людьми, у которых каждый тянет одеяло на себя.

Но тут возникла ещё одна история.

И в этой истории меня хотели сделать должником за чужое масло.

ГЛАВА 43

Долг размером с квартиру

Бочка с чужим маслом

У одного парнишки был дядя, человек очень авторитетный. Он попросил наш КамАЗ выполнить рейс в Саранск. Говорит:

– У меня есть бочка с маслом. Приедете, выгрузитесь, я вам за рейс заплачу.

КамАЗ отправился, масло привезли на завод, где я раньше работал. Я там все ходы-выходы знал, понимал, как устроена работа. Но на этот раз масло сдавали без меня.

Как они это делали? Поставили машину и начали потихоньку сливать масло. К тому времени цена уже упала. Часть продукции раздали по столовым, трестам, знакомым. В общем, пытались пристроить товар куда могли.

А 5 тонн так и остались.

Начинаются разговоры:

– Денег нет, кто взял масло, рассчитаться не может. Давайте за рейс возьмёте маслом.

И тут выясняется, что дядя передал дело какому-то знакомому, а тот его, похоже, подвёл. Что именно произошло, я уже не понимал. Бочка нужна, КамАЗ стоит, расходы накапливаются.

Мне говорят:

– Забирай КамАЗ.

Я приезжаю, а меня даже через проходную не пускают. Но я там работал, меня знали, поэтому зашёл с другой стороны и добрался до коммерческого директора.

Объясняю ему ситуацию:

– Так и так. Машину надо забирать. Она уже неделю стоит, расходы растут. Есть простой, есть стоимость рейса, да ещё бочка.

Он выслушал и говорит:

– Забирай вместе с маслом.

– Хорошо, – отвечаю. – Завтра приедет водитель, и мы всё заберём.

На следующий день нам выписали пропуск. Я завёл машину, мы начали выезжать, и тут появляется хозяин масла.

– Масло никому не отдам! – заявляет.

Я ему говорю:

– Хорошо. Тогда давайте рассчитываться за рейс и простой. Сумма такая-то.

А он мне:

– За рейс с вами рассчитаются все бочки!

Я отвечаю:

– Звоните и решайте вопрос с тем человеком, который вас сюда направил.

Потому что дядя, оказывается, был очень авторитетным человеком. И именно он сказал мне забрать масло в счёт аренды и пригнать бочку обратно.

Хозяин начинает угрожать:

– Ты берёшь на себя ответственность! Ты мне будешь должен!

А я ему спокойно отвечаю:

– Пожалуйста, звони и разбирайся. Никому я ничего не должен. Во-первых, можешь прямо сейчас рассчитаться со мной наличными за простой, за рейс и за все расходы. Остальное ваши вопросы. Есть наличка?

– Нет.

– Ну всё. Тогда разговор окончен.

Я неделю ждал, никаких движений не было. Теперь у меня есть распоряжение коммерческого директора, машина готова к выезду, и я не собираюсь снова неделями стоять на месте.

Он начинает считать, сколько ему должны, сколько стоит масло, что с бочкой и так далее. Я ему говорю:

– Сами разбирайтесь. Все вопросы к тому человеку, который вас сюда направил. От меня что зависело? Я неделю выждал. Сейчас машину выгнал, она уехала. Масло я всё равно перегружу. А вы решайте свои вопросы между собой.

Он требует пригнать бочку в кратчайший срок.

– Как тебя найти? – спрашивает.

– Да никак меня не надо искать, – говорю. – Все вопросы туда. Езжайте и разбирайтесь.

Дверью хлопнул и ушёл.

Хорошо, что мы успели вытащить КамАЗ и масло. Потом масло кое-как распродали, деньги я забрал. Лишнего никому не отдал.

А четвёрку ребята всё-таки заныкали.

Я тогда про себя подумал: слава богу, что не Ребус. В таких делах каждый тянет одеяло на себя, и попробуй потом докажи, кто прав.

Бочку оттащили, прицеп зацепили, я вернулся обратно, сдал машину и расплатился.

Вот так и жили. Одна история заканчивалась, другая начиналась. То рынок обвалится, то партнёры подведут, то чужие проблемы приходится решать. И хорошо, что Бог помогал находить выходы, подсказывал, что сказать и как объяснить ситуацию.

Я никогда не стремился к разборкам. Мне нужно было работать, зарабатывать, содержать семью и двигаться дальше. А когда вокруг начиналась непонятная возня, старался спокойно разобраться, отделить свои обязательства от чужих и не брать на себя то, за что не отвечал.

А потом мне назначили встречу. Срочно.

«Вы же квартиру купили»

Через какое-то время подошёл срок расплачиваться за машину и за масло, которое мы брали. Всё растянулось на месяц-два. Выручка оказалась небольшой, а обязательства никуда не исчезли.

У того парнишки вообще хватало неприятностей. В Москве у него забрали машину вместе с деньгами. Потом, как он рассказывал, похожая история произошла и в Саранске, прямо на выезде из города.

После Нового года, насколько я сейчас вспоминаю, у них были большие сумки с деньгами. А потом всё пошло наперекосяк.

В Москве, по его словам, на перекрёстке, на светофоре, машину окружила группировка чеченцев.

Всех положили, сумку с деньгами забрали. Кто-то мог передать информацию, возможно, свои же, а может, просто проследили за фирмой. Как оно было на самом деле, я не знаю.

Он рассказывал, что раньше могли целый день ездить по 10 адресам, собирая товар, а потом вдруг им предлагали всё получить в одном месте. И вот после такой смены порядка их конкретно подставили.

В те годы беспредел был полнейший. Девяностые есть девяностые.

И вот однажды он вызывает меня:

– Приезжай, надо срочно рассчитаться.

Приезжаю, а он начинает разговор о каких-то процентах, дополнительных деньгах и обязательствах.

Я ему говорю:

– Подожди. Ты же брал у нас деньги, пользовался ими, по-моему, около 2 лет. Всё это время деньги тебе были не нужны, а теперь ты вдруг предъявляешь мне какие-то проценты? Ты что, вообще обалдел? Я тебе дал 20, 25 000, а теперь ты ещё что-то требуешь?

И тут я оборачиваюсь и вижу: сзади сидят здоровенные лысые спортсмены.

Всё сразу стало понятно. Похоже, меня решили поставить перед фактом, чтобы я испугался и согласился на их условия.

В те времена людей похищали, убивали, вымогали деньги. Поэтому я прекрасно понимал, что ситуация серьёзная. Нужно было думать не только о деньгах, но и о своей безопасности.

Я спрашиваю:

– А что ты вообще хочешь?

Он отвечает:

– Да ничего. Вы же квартиру купили.

И действительно, наши офисы находились рядом, они знали, что мы с напарником оформили квартиру. Однокомнатная тогда стоила около 40 000 рублей.

Он начинает объяснять, что я якобы взял 25 000, что сумма уже выросла и что, по его расчётам, этих денег как раз хватает на квартиру.

Я ему говорю:

– Ну ты нахал, конечно. Но суть не в этом. Я не хочу войны и разборок. Давай сделаем так.

Квартира была оформлена на моего напарника. Он собирался жениться, въехать туда, а мне отдать мою долю. Но я понимал, что сейчас важнее всего сохранить жизнь, здоровье и безопасность семьи.

Поэтому я сказал:

– У меня квартира не оформлена. Всё на моём напарнике. Мы вместе работали, вы нас прекрасно знаете. Мы вдвоём вам холодильники сдавали, телевизоры у вас брали. Я от своей доли отказываюсь. Если он сдаст вам квартиру, значит, сдаст. Если не сдаст, то я здесь ни при чём. Я не собираюсь рисковать своей семьёй и своей головой ради каких-то 20 000. Я ещё в жизни заработаю не столько.

Он не соглашался, но я стоял на своём.

– Я тебе ничего не должен. Найди моего напарника, поговори с ним. Мы вместе работали, вместе брали, и от своей доли я отказываюсь. Договорились?

В конце концов договорились.

Я заметил, что те здоровенные ребята уже закрыли дверь и больше особо не слушают. Им, видимо, стало неинтересно: я не собирался спорить из-за квартиры, не угрожал и не пытался геройствовать. Я просто обозначил свою позицию и отказался брать на себя чужие обязательства.

Вышел оттуда спокойно и продолжил работать.

А с напарником мы к тому времени уже расходились.

А окончательно наши отношения с напарником испортились после истории с маслом и картошкой.

Масло на картошку

В конечном итоге они нашли моего напарника. К тому времени мы уже потихоньку отходили друг от друга: вместе почти не работали, потому что он начал выпивать, а мне всё чаще приходилось решать возникающие проблемы.

И вот тут я ещё раз понял, насколько важно вовремя остановиться и не продолжать дело только потому, что когда-то вы вместе начинали.

Сначала вроде бы всё хорошо: общие планы, машины, товары, деньги, возможности. А потом начинаются недоговорённости, каждый думает о своём, и в итоге один человек пытается переложить на другого собственные проблемы.

Я не могу сказать, что сам всегда всё делал идеально. В торговле девяностых приходилось учиться на ходу, принимать решения быстро и иногда ошибаться. Но одно я понимал точно: если чувствуешь, что доверие исчезает, надо вовремя задуматься, стоит ли дальше идти вместе.

И всё-таки я благодарен Богу за то, что во многих сложных ситуациях удавалось находить выход. Были моменты, когда можно было потерять гораздо больше денег, попасть в серьёзные неприятности или просто не выбраться из опасной истории.

Но как-то всё проходило. С Божьей помощью находились нужные слова, нужные люди и решения.

А дальше была ещё одна история с маслом и семечкой. Они поехали на 2 машинах, а я приехал через пару дней.

Напарник, как выяснилось, раздавал масло на картошку в одной из деревень. Был он тогда немного навеселе, вместе с братом.

Позже он мне рассказывал, как там всё происходило. Люди брали масло флягами, по 3 литра, всё записывали в тетрадку.

Я его спрашиваю:

– А чего ж ты ему не помог?

А он мне отвечает:

– Как помогу? Меня бы там вместе с домом сожгли, если бы я полез. Меня бы самого прихватили. Там всякое бывало.

Вот такие были времена. Каждый выкручивался как мог, а порой даже обычная торговля превращалась в целое испытание.

Но жизнь продолжалась. И я продолжал идти дальше, работать, искать возможности и надеяться на Божью помощь.

Слава Богу за всё. Главное: сохранить жизнь, семью, здоровье и человеческое достоинство. Деньги приходят и уходят, машины меняются, дела заканчиваются и начинаются новые. А жизнь одна, и беречь её нужно.

А дядька Петя, который когда-то меня «усыновил», сказал: «Я ждал, когда ты наберёшься опыта».

ГЛАВА 44

Тебя вообще надо закопать

Дядька Петя зовёт в дело

С прежними делами постепенно разобрались. Напарник стал всё чаще выпивать, и большинство вопросов пришлось решать самому. А дядька Петя предложил новый заработок — торговлю семечкой.

Я взял с собой друга, с которым мы раньше работали на заводе, и мы начали ездить вместе. Денег было впритык, вкладываться в большие проекты возможности не было. Да и рынок оставался шатким: всё ещё устаканивалось, а цена на масло резко упала. Семечка же держалась стабильно.

Я продолжал приезжать к дяде, царство ему небесное. Он когда-то забрал меня к себе в семью, взял на воспитание, помогал мне становиться на ноги. Я очень благодарен ему за это.

У меня там был двоюродный брат, да и друзья занимались семечкой. Они ездили в Свердловск, продавали её: кто-то жарил и торговал готовой, кто-то продавал сырую. У каждого был свой бизнес.

И я подумал: а почему бы не попробовать наладить рынок семечки здесь?

Посмотрел цены, прикинул расходы, выход получался колоссальный. Тем более опыт у меня уже был: бартер, обмен, семечка, масло, мука, со всем этим я уже работал.

И вот дядя Петя, царство ему небесное, предложил:

– Давай вместе сотрудничать. Я ждал этого момента, когда ты наберёшься опыта и мы с тобой сработаем.

Он сразу обрисовал большие планы. Нужны были крупные поставки зерна на хлебозавод. Можно было организовать промышленную коптильню, заниматься рыбой и мясом. Всё это предназначалось для внутреннего рынка, а на внешний рынок можно было работать через бартер.

Я уже представлял, как мы будем отправлять товары вагонами, получать масло по низкой цене, менять его на семечку, перерабатывать и возить дальше. Намечалась серьёзная работа!

– Я только за! – ответил я.

Но сначала нужно было решить текущие вопросы. Я сказал дяде, что пока разберусь со своими делами, а мы тем временем будем присматривать совместные сделки. Начнём с малого, а дальше посмотрим.

Мне предстояло поездить, поискать зерно подешевле, разобраться с качеством, с тем, откуда проще отправлять вагоны и как лучше организовать поставки. Хотелось изучить весь рынок, а потом уже переходить к конкретной большой работе.

А пока я решал свои вопросы, семечка сама пошла в руки.

10 тонн семечек в неделю

Тем временем у меня был знакомый прямо в нашем доме, в том же подъезде. Я жил на втором этаже, а он на первом. Он занимался резинкой, а я взялся за семечку.

Накрутка была очень большая. Я еле успевал её вывозить и сдавать. Знакомый организовал торговые точки на рынках в 3 местах по городу, а по выходным мы ещё ездили на рынки в ближайшие районы.

Только сами мы реализовывали примерно 10 тонн в неделю, а то и больше! Кроме этого, я сдавал семечку оптом магазинам и в РайПО. Объёмы были серьёзные.

Потом я нашёл ребят, которые привозили товар прямо ко мне домой. Приезжал КамАЗ с прицепом, и мне уже не нужно было самому мотаться на восьмитоннике за каждой партией. Они привозили сразу большой объём, выходило дешевле и без лишней суеты.

Чтобы было понятно, приведу пример с тогдашними ценами.

В магазине семечка стоила 4 рубля, мы сдавали её по 2 рубля 50 копеек, а мне с учётом бартера, расходов и доставки она обходилась примерно в 2 рубля за килограмм.

При таких объёмах получались большие деньги.

10 тонн в неделю, и уже можно было говорить о серьёзном заработке. При удачном раскладе только на этой разнице выходило около 5000 рублей за неделю, а не 50 000, как могло бы показаться при подсчёте всех денег от продажи.

Из этого нужно было платить зарплаты, покрывать расходы и поддерживать оборот. Но дело работало!

Я раздал долги, немного подзаработал и купил машину.

И тогда я пересел с КамАЗа на газончик.

Почему газончик

КамАЗ я сдал. Ездить на нём стало невыгодно: нужно было держать водителя, а сам я тоже был камазистом и мог работать за рулём. Поэтому решил взять дизельный газончик.

Бензин тогда был дорогой, а солярку можно было достать практически задарма. На предприятиях оставались излишки, контроля было немного, и топливо обходилось совсем недорого.

На газончике работать было удобнее. Например, загрузил 5 тонн картошки, отвёз, сдал, а обратно загрузил арбузы и повёз их туда, где можно было продать.

Если на большом КамАЗе везти целую машину арбузов, а цены вдруг падали, начиналась большая волокита. Нужно было искать покупателей, договариваться, куда-то везти остатки.

А газончик можно было поставить даже по минимальной цене. Если магазины не брали товар, удавалось быстро распродать остатки и ехать дальше.

Я уже приспосабливался к рынку, работал конкретно, искал удобные схемы и готовил почву для следующих шагов.

А потом дядька Петя предложил свою машину.

Машина дяди Пети

Однажды дядя Петя сказал:

– У меня есть машина. Ты ведь говорил, что сдавал свою под семечку, даже битую. Вот и мою надо бы сдать. Коробка там треснула, ремонтировать неохота.

Я ответил, что поговорю с ребятами.

Это были краснодарские ребята. Они посмотрели машину, договорились о цене. Но дальше начались сложности.

Как я понял, возникла путаница с двигателем. Один рассчитывал на двигатель 1500, а оказалось, что там 1300, с другими особенностями: при обрыве ремня гнёт клапана.

Когда машину немного подшаманили, ремень вовремя не поменяли. Он оборвался, клапана погнуло, и ремонт двигателя обернулся большими расходами.

А я опять оказался посередине.

– Ну вы же сами договаривались, – говорю. – Что я могу сказать? Разбирайтесь между собой.

За машину я получил семечку. Ещё договаривались о полутора тоннах кукурузы, но кукуруза не вместилась. А после поломки двигателя человек заявил, что ремонтировал машину и кукурузу уже грузить не будет: мол, семечки хватит.

Для понимания скажу: семечка по стоимости получилась примерно как новая машина на месте. Если сдавать её оптом, денег, конечно, получишь меньше. А если продавать на рынке, цена могла быть в полтора раза, а то и почти вдвое выше.

Я привёз семечку, и мне говорят:

– Нам ещё нужна кукуруза. Ты же её не довёз!

Я отвечаю:

– Смотрите сами. Машина стоит 18 000. Семечку я уже привёз на сумму больше 20 000. Мы договаривались между собой, поэтому теперь сами решайте, как поступать.

Начались непонятки. С одной стороны, я обещал определённое количество товара, с другой, уже привёз семечку на серьёзную сумму.

Я предложил договориться по-человечески:

– Давайте сделаем так. Я реализую вашу семечку, но не буду отдавать все деньги сразу. Часть отдам, а остальное оставлю в обороте. Семечки примерно на 30 000, если продавать её по моей схеме. Машина стоит 18 000. Я готов вернуть вам 25 000, только не сразу. Мне сейчас нужны деньги для работы, а вы всё равно получите больше стоимости машины.

У меня были торговые точки, я мог реализовать и свою семечку, и их товар. Все могли остаться при деньгах.

Но, похоже, родственникам этого показалось мало.

Я успел продать примерно половину семечки, часть денег отдал, часть оставил у себя. И тут умер дядя Петя, царство ему небесное.

После похорон мне предъявили новые требования:

– Семечку продаёшь, сразу отдавай деньги! И сумму побольше. И кукурузу тоже!

Я говорю:

– Ребята, вы что-то неправильно себя ведёте. Какие деньги и за что? Я вообще не понимаю, о каких договорённостях вы говорите.

Мне отвечают:

– Ты же машину взял!

– Во-первых, я машину не брал.

Если бы я её покупал, то не отдавал бы столько денег. Машина стоила 18 000, а с учётом сломанной коробки, примерно 15 000. Если вы считаете, что я её купил, то я уже вернул вам 15 000. Осталось 3000. Вот их я и отдам. Машина остаётся за вами, а семечка за мной.

Я ни с кем из вас отдельно не договаривался о покупке. А история с двигателем и кукурузой, это уже отдельные вопросы.

Если есть претензии, давайте разбираться по существу.

А за столом один знакомый сказал мне: «За такие слова тебя вообще надо закопать».

ГЛАВА 45

Подстава с печатью и новый долг в 3 квартиры

«А ты кто такой?»

Тут вмешался один знакомый, который сидел рядом и слушал наш разговор.

– За такие слова тебя вообще надо закопать! – заявил он. – Вот если бы там были бандюганы, они бы тебе язык быстро подтянули!

Я посмотрел на него и говорю:

– А ты кто такой? Бандюган или не бандюган? Ты вообще что здесь сидишь и уши греешь? Может, возьмёшь на себя все эти разборки? Давай, где твои бандиты? Предъявляй что-нибудь, если есть что предъявить.

Я не собирался терпеть подобные разговоры.

– Осторожнее со словами. Мы здесь разговариваем как родственники, решаем свои вопросы. А ты кто такой, откуда взялся? Сидишь сбоку, с припёку, и вмешиваешься в чужие дела!

Он вскочил и убежал. А его группа поддержки ещё кричала ему вслед, мол, куда пошёл, возвращайся.

Я же сказал родственникам:

– Давайте договоримся раз и навсегда. Либо мы сейчас решаем вопрос между собой, либо не решаем. За машину я уже отдал деньги и готов отдать оставшуюся часть по её стоимости.

Я объяснил, что даже на рынке они могли бы продать эту машину дешевле. А если считают, что я её купил, то пусть считают по этой цене и на этом закончим.

Но мне самому машина была нужна. Я хотел купить УАЗик, «буханку», чтобы перевозить больше товара, развозить семечку и продолжать работать.

Поэтому предложил ещё один вариант.

– Давайте так: вы ждёте 3 месяца и получаете 25 000 вместо 18. Каждый месяц у вас будет приносить примерно 2 с половиной тысячи рублей. Для тех времён это большие деньги. Зарплаты ведь были по 600, 700, 800 рублей.

Я объяснил, что за 3–4 месяца они получат хорошую прибавку, а я смогу продолжить работу и не останавливать оборот.

Они всё прикинули и согласились. Машину оставили за собой, а деньги по нашей договорённости.

Я уже отдал 15 000, ещё 3000 добавлял до стоимости машины, а остальное они получали как прибыль за ожидание.

Для меня это тоже было важно. Я мог не трогать оборотные деньги, продолжать продавать семечку и купить себе УАЗик, «буханку». Её мы усилили и подготовили к работе.

Пока я занимался машиной, продолжал работать и на 2 автомобилях. Потом всё это хозяйство разогнали по маршрутам, развозили товар, успевали в разных местах.

В итоге удалось подзаработать хорошие деньги.

Только радовался я недолго.

Вызов в налоговую

Но спустя какое-то время началась другая история.

Меня вызывают в налоговую и говорят:

– У вас на накладных стоит печать. Вы брали муку, сдавали картошку, потом ещё что-то делали.

Я удивился:

– Какие сделки? У меня никаких сделок не было. Я сдаю нулевые балансы, и всё.

Выяснилось, что картошка проходила как давальческое сырьё. Там тоже работали ребята, которые давали её по справке.

А ещё вспомнилась та авария, когда перевернулась наша машина. Мои друганы, воспользовавшись моей печатью, наштамповали накладных, доверенностей и каких-то других бумаг. Получилось так, что меня конкретно подставили.

Я спросил:

– А когда это было?

Мне назвали дату.

Хорошо, что я всегда сохранял документы и никогда не выбрасывал бумаги просто так. После аварии у меня остались временные права, которые мне выдали после восстановления документов. Они так и лежали в папочке.

Я говорю:

– У меня тогда была авария. А кто это докажет? Завтра принесу документы. Вот мои временные права. Их у меня отобрали, и они остались. Можете проверить всё через ГАИ, можете поднять документы в больнице, куда нас привозили. Я ведь после этого ещё уехал.

На следующий день я принёс бумаги. Они посмотрели даты: всё совпадало практически день в день, может, разница была в один день.

– Вот, – говорю, – проверяйте и разбирайтесь. Я к этим сделкам отношения не имею.

Но прошло уже прилично времени, года 2–3 после аварии. Дорожные службы что-то посчитали, и теперь мне предъявляли огромную сумму.

Мне заявили: если сейчас внесу 50 процентов, можно будет решить вопрос. Речь шла примерно о 125–150 тысячах рублей, а может, и больше.

Для понимания масштаба: однокомнатная квартира тогда могла стоить около 50 000 рублей. Получалось, что предъявленная сумма была сопоставима со стоимостью нескольких квартир!

Я говорю:

– Да вы что, с ума сошли? За что такие деньги?

Женщина в налоговой начала наезжать на меня, требовать объяснений и, похоже, рассчитывала, что я соглашусь с предъявленными претензиями.

Но я сказал твёрдо:

– Ничего подписывать не буду. Никаких бумаг! Как сдавал нулевые отчёты, так и буду сдавать. У меня была авария, и у меня есть документы, которые это подтверждают.

А через пару месяцев меня спросили в лоб: «Вася, ты непричастен к этому?»

ГЛАВА 46

Это Девяностые...

Время для манёвра

С делами, связанными с машиной и семечкой, мы разобрались. Машину мне оставили, деньги тоже оставили. Ситуация была обоюдовыгодной. Они получили через меня хорошую сумму, а я взял отсрочку и вдобавок приобрёл ещё одну машину, подделал её и поставил на ход.

В итоге у нас уже было 2 машины, на которых мы ездили и возили товар. Обороты увеличились, а значит, появилась возможность рассчитываться с долгами.

Слава Богу, было время для манёвра! Это очень важно в бизнесе: не загонять себя в угол, а сохранять возможность работать, развиваться и постепенно выходить из сложных ситуаций.

Конечно, между родственниками тоже случаются вспышки. Кто-то погорячится, кто-то скажет лишнее. Потом страсти улягутся, каждый переосмыслит произошедшее, поймёт, что, может быть, где-то был неправ. Главное, чтобы всё в итоге разрешалось мирно.

Слава Богу за эту школу жизни. Я благодарен за полученный опыт и за то, что с Божьей помощью мы могли двигаться дальше.

Но один родственник решил меня проучить.

Петя на новой машине

На тот момент мне было примерно 25 лет, а может, даже 24. Пусть будет 25. А этому мужику было уже около 35, может, ближе к 40. 10 лет разницы в то время ощущались очень сильно.

Он был зрелым мужчиной и, как мне казалось, хотел меня проучить, показать, как надо разговаривать и с кем следует держать себя определённым образом.

Но получилось наоборот. Мне пришлось самому поставить его на место, спокойно, чётко и без угроз.

Я объяснил, что если кто-то хочет брать на себя чужие проблемы, то это его дело, но вместе с этим приходит и большая ответственность. Не стоит вмешиваться туда, где не до конца понимаешь ситуацию. Он быстро сориентировался, всё понял и отреагировал соответствующим образом.

Мы с ним были немного знакомы и раньше. Я видел его, когда приезжал их дядька, царство ему Небесное. Здоровались, но близко не общались. Как выяснилось, он был сожителем или другом моей сестры. Её тоже уже нет в живых, она умерла от рака. Царство ей Небесное.

Жизнь проходит быстро. Ещё недавно человек рядом с тобой, а сегодня его уже нет. Сейчас вспоминаешь всё это и особенно остро чувствуешь, насколько скоротечно наше время.

Раньше Петя был скромным парнем, ездил на маленькой «Оке». Такие машины, как и «Запорожцы», в своё время выдавали людям с инвалидностью. А потом время прошло, и он изменился: стал более солидным, размеренным, сделал модную, как тогда говорили, блатную стрижку, надел толстенную цепь чуть ли не с палец толщиной и пересел на старый «Фольксваген».

И вроде бы человек просто стал жить лучше, но вместе с этим, как мне показалось, появилась и определённая показная крутость.

Однажды мы сидели за столом, и я решил сказать ему то, что думал.

– Мои друзья, – говорю, – недавно потеряли бизнес. И что ты думаешь? Некоторые из них тоже начали носить такие же цепи. Сразу крутыми стали. Что-то вы, говорю, не по теме цепи понавешали. Слишком уж круто смотритесь. Смотрите, как бы кто-нибудь вас в оборот не взял.

Я не угрожал ему и не пытался задеть. Просто объяснил, что в нашей жизни лучше быть поскромнее, не выставлять напоказ своё благополучие и не изображать из себя крутого бандита или большого бизнесмена.

– Не стоит так выделяться, – сказал я. – Вы не бандюганы какие-нибудь, а позволяете себе слишком многое. Осторожнее надо быть.

Он посмотрел на меня недобро, будто решил, что я завидую. Мол, сам езжу на «восьмёрках» и «четвёрках», меняю машины, продаю их, а тут рассуждаю о чужом достатке.

Но у меня тогда всё было просто: я работал. Брал машины, менял их, продавал, покупал под семечки. Была у меня и «шестёрка». Машина для меня была прежде всего рабочим инструментом. Неважно, на чём ты ездишь, если умеешь работать, считать деньги и двигаться вперёд.

Мне было важно зарабатывать, присматриваться к людям, учиться и не создавать вокруг себя лишнего шума. Не выпячиваться, не выёживаться, не показывать всем подряд, какой ты крутой.

Прошло месяца 2 или 3. И случилось именно то, о чём я предупреждал.

По моим воспоминаниям, люди из криминального окружения узнали, что они купили квартиру, обзавелись дорогими на тот момент вещами и стали демонстрировать своё благополучие. В результате у них забрали бизнес: его продали конкуренту, а их «Газель» тоже ушла за бесценок. Весь бизнес фактически раздербанили.

Кто-то сумел сохранить хотя бы небольшое дело. У кого-то, как тогда говорили, были знакомые в шестом отделе, который занимался борьбой с бандитизмом. Кто-то стал скромнее, взял небольшой ларёк вместо магазина. Позже занялись мебелью и фурнитурой. В общем, перестали так сильно выпячивать своё положение.

Я не радовался чужим неприятностям.

Просто ещё раз убедился: не надо лишний раз привлекать к себе внимание, особенно если не понимаешь, кто и с какими намерениями находится вокруг тебя.

И за столом этот Петя решил предъявить мне свои претензии.

Разговор за столом

А теперь вернёмся к тому застолью, с которого всё началось.

Петя решил предъявить мне претензии. Мол, я неправильно разговариваю, должен определённую сумму и вообще обязан делать так, как мне говорят.

Я спокойно разложил ситуацию по полочкам. Объяснил, что к чему, и дал понять: если он продолжит вмешиваться и брать на себя чужие вопросы, то сам может оказаться крайним.

Он всё понял, встал и вышел. На этом наш разговор закончился.

Больше мы с ним практически не пересекались. Если он слышал, что я приехал, старался не оставаться. Так и разошлись каждый своей дорогой.

Скоро меня снова позвали в гости.

«Вась, можешь приехать?»

Прошло около 10 дней, может, 2 недели. И однажды мне позвонили родственники:

– Вась, можешь приехать к нам домой?

– Почему нет? Что случилось?

– Да ничего особенного. Надо переговорить, обсудить, когда ты последние деньги отдашь.

Я ответил, что мы уже разговаривали и что там осталась небольшая сумма.

– Ну, приедь, ещё раз уточним.

После работы, вечерком, я взял гостинцев, чтобы попить чай, и поехал к ним.

Мне снова сказали, что пора возвращать машину, потому что я её окончательно разобью.

– Да, – говорю, – у меня уже есть другая машина. Так что через пару недель отдам.

– А сразу не можешь?

– Нет. У меня работы много. Мне нужно и ваши деньги отбивать, и свои вложения возвращать. Пока машина нужна для дела.

Посидели, поговорили, чай попили. Я уже собрался уходить, и тут мать говорит:

– Иди с Петей поздоровайся.

Оказалось, Петя тоже был дома, но почему-то сам не выходил.

– А что с ним? – спрашиваю.

– Да болеет он.

– Ничего себе! – говорю. – Что случилось?

Мне объяснили, что он лежит и плохо себя чувствует. Я пошёл в комнату, где он был вместе с моей сестрой.

Захожу и говорю:

– Здорово! А ты что, ещё валяешься? Время-то раннее. Что, захворал, что ли?

Он откинул одеяло. И тут я увидел, что одна рука у него забинтована, нога тоже вся перебинтована. Вид у него был тяжёлый.

– Ни фига себе! – говорю. – Что с тобой случилось?

Перепутали человека

Петя рассказал, что примерно за 3 дня до этого его порезали ножом и чуть не пристрелили.

Вечером он поставил машину в гараж недалеко от дома. Между гаражом и домом была аллейка. Он шёл обратно и навстречу ему вышел человек в маске. Тот вытащил пистолет и направил на него.

Следом подбежал второй и начал бить его мачете.

Сначала несколько раз ударил по руке. Петя пытался защищаться, сгибал руку, а нападавший тем временем наносил удары по ноге.

И тут появился третий человек, который, судя по рассказу Пети, крикнул нападавшим:

– Вы что, придурки? Не видите, что это не он?

Получалось, что его перепутали с кем-то другим.

Вот так человек едва не погиб из-за чужой ошибки или чьих-то разборок. Если верить его рассказу, нападавшие приняли его за другого.

Я слушал и удивлялся.

– Да ни фига себе! Офигеть! – говорю. – Вот почему я и предупреждал насчёт этих цепей. Не надо слишком выделяться, изображать из себя крутого бизнесмена или бандита. Есть завистники, есть люди, которые на тебя зуб точат. Бывают подставы, бывают чужие счёты. Надо быть осторожнее.

Я не мог сказать, повезло ему или нет. С одной стороны, он получил серьёзные ранения. С другой, остался жив.

– Главное, что не пристрелили, – говорю. – А раны заживут. Давай, братуха, выздоравливай!

Он объяснил, что порезали его прилично, но, слава Богу, сухожилия не задели. Кость тоже не пострадала. Куртка, которую он носил осенью, в какой-то мере защитила руку. Ногу тоже сильно зацепило, но колено осталось целым. Третий человек в итоге увёл нападавших.

Я ещё раз сказал ему, что с такими вещами шутить нельзя.

А потом сестра задала вопрос, от которого у меня отвисла челюсть.

«Вася, ты непричастен?»

И тут произошло то, чего я совершенно не ожидал.

Моя сестра вдруг спрашивает:

– Вася, ты непричастен к этому?

У меня глаза на лоб полезли, челюсть отвисла.

Я посмотрел на неё и говорю:

– Вы что, вообще обалдели? Вы в своём уме? Как вы такое можете говорить?

Я никогда в жизни не позволял себе подобных вещей. Никогда не занимался тем, чтобы кому-то устраивать такие истории, и не собирался этого делать. Если кому-то помогал, старался, наоборот, сделать так, чтобы человек не оставался мне обязанным.

Я объяснил, что между мной и Петей не было никакой криминальной истории. Да, у нас состоялся неприятный разговор. Он попытался предъявить претензии, а я спокойно ответил, что не надо вмешиваться в чужие дела и брать на себя лишнюю ответственность.

Но никаких угроз с моей стороны не было. Я не угрожал ему, не обещал никаких последствий и никого никуда не посылал.

Он сам встал и ушёл. На этом всё закончилось.

– Какой ещё разговор? – спрашиваю я. – У нас толком и разговора-то не было. Он начал говорить, я ответил по существу, объяснил ситуацию, и он ушёл. Всё! Никаких угроз, никаких обязательств, никаких наездов.

Я даже напомнил им про машину, про оставшиеся деньги и про масло. У нас действительно оставались дела, которые нужно было завершить, но это были обычные хозяйственные вопросы. Я собирался рассчитаться, закончить работу и двигаться дальше.

– Извините, – говорю, – но я от вас такого не ожидал. Чтобы на меня повесить какой-то криминал! Как вы вообще могли обо мне такое подумать?

Они признались, что после того разговора у них появились подозрения.

Вот так бывает в жизни: случается беда, люди пытаются найти объяснение, вспоминают недавние конфликты, и порой подозрение падает совсем не на того человека.

А ведь я всего лишь высказал своё мнение и предупредил, что не стоит демонстрировать из себя того, кем ты не являешься. Я хотел, чтобы человек был осторожнее, а не чтобы с ним случилось что-то плохое.

На этом месте я особенно остро почувствовал, как важно сохранять спокойствие, не переходить границы и не позволять чужим эмоциям втягивать тебя в то, к чему ты не имеешь отношения.

В жизни и без того хватает испытаний. Нужно стараться поступать по совести, не причинять зла ближнему и помнить, что за каждое своё слово и действие человек несёт ответственность.

Девяностые я пережил. А мечты, как оказалось, сбываются.

ГЛАВА 47

Мечты сбываются

Борода, как у прадеда Григория

Самое главное: мечты сбываются!

Ещё в юности я мечтал о такой пышной бороде, как у моего прадеда Григория. Он был купцом, родом из Тамбовской губернии. По воспоминаниям, торговые дела у него были серьёзные: на подводах месяцами ездили в Москву, возили пушнину, а на Мокше ловили стерлядь. В те времена здесь были леса, почти тайга, поэтому пушнины водилось много.

И вот такая борода, как у прадеда Григория, давно была моей мечтой. Видимо, и правда что-то передаётся через гены! Год за годом борода становилась гуще. Лет в 50 уже заметно прибавила, а к 60 стала такой пышной, как мне когда-то и хотелось.

Так что просите, и дастся вам, стучите, и отворят вам. Любите, и будете любимыми!

А через много лет я вернулся в Саранск совсем другим.

Грамота и часы от президента

Вернулся я уже после девяностых, в то время, когда предпринимателей уже начали по-настоящему отмечать и оценивать на уровне правительства. Потому что именно предприниматели в девяностых, как я сейчас понимаю, дали большой подъём: создавали рабочие места, рисковали, открывали магазинчики, возили товары.

Ведь всё развалилось, а население надо было снабжать. А кто будет мотаться днями и ночами? Кто будет рисковать, вкладывать свои деньги, ездить неизвестно куда и искать товар?

Предприниматель.

Сейчас я понимаю, насколько много мы тогда на себя брали. Работали день и ночь, практически сутками, рисковали всем.

И со временем это начали оценивать.

У меня очень много грамот. Когда я вернулся, мне президент Республики Мордовия вручил грамоту и часы.

И там, в Саранске, как раз кафедральный храм Святого праведного воина Феодора Ушакова.

Я получил грамоту, часы, все пошли гулять, отмечать. А я пошёл в храм.

Поставил свечки, поблагодарил Бога за то, что вернулся в Саранск.

Потому что когда я когда-то уезжал, я уезжал из рыночной экономики практически оплёванный и опустошённый. А вернулся уже весёлый, радостный, состоявшийся. Я вернулся предпринимателем, гордым за себя и за то, что не сломался.

Как в армии я отстоял своё, так и здесь отстоял свою честь. Даже, можно сказать, честь своего рода, честь купеческого рода, который меня когда-то позорил.

Мы со Светой ведь не один раз начинали всё сначала. 2 раза я спотыкался в Саранске, потом ещё раз в Темникове. Я увидел, как люди смотрят на деньги, на всё остальное.

А когда мы со Светой начали работать вместе, это была уже совсем другая жизнь.

Столько грамот накопилось! У меня их очень много. И даже трое часов, от президента, от правительства и от Государственного Собрания Республики Мордовия.

Это, конечно, дорогого стоит.

Но самое важное, что я хотел оставить детям, вовсе не в грамотах.

Книга длиною в жизнь

Сегодня воскресный день. Мы со Светой были на ранней службе. Я исповедовался и причастился. Слава Богу за всё! Вчера до 12 успел всё прочитать, побывал на вечерней службе. И с Божьей помощью справляюсь. Слава Богу!

Чем дальше пишу нашу книгу длиною в жизнь, чем больше вспоминаю детство, поездки и разные события, тем сильнее замечаю и чувствую промысел Божий. Смотришь на прожитые годы и понимаешь: многое, что тогда казалось случайностью, сегодня видится совсем иначе.

С Божьей помощью справимся со всеми трудностями, болячками житейскими и передрягами. Житейское море пусть покоряется нам, а мы будем идти по нему с верой. Самое главное: идти с Богом!

На проповеди батюшка сказал, что святые, это наше око, наши глаза в Царстве Небесном. Через них Господь показывает нам, что святые угодники пребывают в Нём, а их мощи остаются нетленными. Когда искренне обращаешься к святому, читаешь акафисты, молишься, Господь через жизненные трудности, болезни и испытания постепенно образумливает тебя. И приходишь к одному важному пониманию: многое в нашей жизни промыслительно.

А смысл жизни: растить детей, воспитывать их, быть полезным обществу. Каждому важно находиться на своём месте: жить, трудиться, молиться, учить и учиться во славу Божию. Вместе мы сила!

А впереди ещё много историй. Но это уже вторая часть.

Вместо послесловия

Всем доброй ночи!

Время уже 23:09. Немного не спится, но всё, слава Богу, хорошо. Со Светочкой погуляли, она пошла спать. Я ещё немного полистал телефон и думаю: дай-ка посмотрю в Телеграме, что там новенького. А потом решил перечитать, что написал перед этим, как всё получилось. И знаете, сегодня я прямо расчувствовался. Думаю о том, как пишется эта книга, как рождаются мысли, как всё это постепенно соединяется между собой. И ведь в некоторых местах вспоминаешь события, и слеза сама наворачивается. Слеза радости, благодарности, каких-то очень тёплых чувств. Сегодня, если честно, настроения писать особенно не было. А сейчас перечитываю, и самому интересно. Даже нравится. Наверное, потому что прекрасные воспоминания, это тоже возможность ещё раз прожить те эмоции, которые когда-то были в жизни. И прожить их уже сегодня, с верой, надеждой и любовью. Любовь спасёт мир. Поэтому всем желаю любви, здравия, спасения души и долголетия. Всех целую и обнимаю. Люблю вас. Целовашки, обнимашки! С Богом. Ангела-хранителя всем. Пойду спатеньки. А завтра видно будет, может быть, снова захочется писать. Слава Богу за всё.

Продолжение следует

Во второй части ...и ещё много историй, которые батя расскажет сам.

«Батюшка, помолись, чтобы он сдох!» – что произошло после этих слов у магазина.

«Он поднял руку, а я ему в печень» – чем закончилась встреча со старым знакомым.

Девяностые, которые ещё не дописаны: как стреляли из калашей и как с одной стороны гнались бандиты, а с другой милиция ❦ Как подставили, повесили долги и проценты, и семье пришлось уехать в деревню и залечь на дно ❦ Новая попытка бизнеса, уже не со случайными людьми, а с друзьями детства, и чем она закончилась ❦ Свой бизнес без партнёров, вместе с любимой Светочкой ❦ Приход к вере в Бога ❦ Строительство своего дома ❦ 2003 год: рождение дочки Насти ❦ Первые успехи в самостоятельном бизнесе, первое спокойствие и стабильность ❦ Встреча с отцом после долгого перерыва ❦ Своя оптовая фруктово-овощная база и сеть продуктовых магазинов ❦

БЛАТУЙ, ПОКА МОЛОДОЙ

Батя